
Л. МИДЪ.
Школьная Королева
ИЗДАНIЕ
В. И. ГУБИНСКАГО.

Друзья юныхъ читателей.



К. В. Лукашевичъ.

Клавдія Владиміровна Лукашевичъ принадлежитъ къ числу самыхъ популярныхъ и самыхъ плодовитыхъ русскихъ писателей для дѣтей. Сочиненія ея разошлись въ милліонахъ экземплярахъ. К. В. начала работать съ 1884 г. и до сего времени продолжаетъ неустанно трудиться.

Софья Марковна посвятила всю свою литературную дѣятельность дѣтямъ, и въ теченіе тридцати слишкомъ лѣтъ писала исключительно только разсказы, повѣсти, сказки и очерки дѣтской жизни.

Ея сочиненія пользуются до сихъ поръ большимъ успѣхомъ среди дѣтей. Задача, которую поставила себѣ С. М. Макарова, была—всегда поучать и сообщать дѣтямъ полезныя свѣдѣнія почти шутя, т. е. соединять пріятное съ полезнымъ.



С. М. Макар[illegible]
Род. 1834 г. † [illegible]



Л. А. Чарская.

Лидія Алексѣевна Чарская начала писать для [illegible] пятнадцать лѣтъ тому назадъ, и сборники ея сразу обрат[illegible] на себя вниманіе публики. За это сравнительно коротк[illegible] время она успѣла написать для дѣтей младшаго, сред[illegible] и старшаго возрастовъ массу книгъ на всевозможныя т[illegible] историческія, бытовыя, изъ жизни учащихся (гимназист[illegible] гимназистокъ, институтокъ и т. д.). Всѣ ея книги по[illegible]зуются выдающимся и вполнѣ заслуженнымъ успѣхомъ [illegible] юныхъ читателей.



Уйда (Луиза Раме).

Г-жа Уйда, извѣстная англійская писат[illegible]ница, род. 1840 г. Написала много романо[illegible] одну книгу для дѣтей—**сказки**, для [illegible] Неаполитанскаго. Эта чудная книга можетъ [illegible] поставлена на ряду съ лучшими произведе[illegible] дѣтской литературы.

КОРОЛЕВА МАЯ.

Разсказъ изъ школьной жизни.

„О матушка, ночные вѣтерки колышутъ
травку луговую,
Счастливыхъ звѣздъ вверху сіянье ярче
зажигая...
Весь день-деньской дождя не будетъ завтра,
я ликую...
О матушка, я завтра буду королевой мая.

Теннисонъ.

I. Мертонъ-Гебльсъ.

Вопросъ не представлялъ ни малѣйшаго затрудненія. Китти О'Донованъ была единогласно избрана „Королевой мая".

Миссисъ Шервудъ имѣла обыкновеніе ежегодно въ половинѣ апрѣля перевозить тридцать воспитывавшихся у нея дѣвочекъ дома на Мербѐри-скверѣ въ Мертонъ-Гебльсъ. Лишь только распускались подснѣжники и вся природа, полная радости оживала. Она со своими веселыми воспитанницами и учительницами перебиралась въ Мертонъ-Гебльсъ. Тамъ онѣ проводили лѣто и тамъ старый обычай избранія королевы мая выполнялся со всѣми церемоніями старыхъ временъ.

Каждая дѣвочка въ школѣ мечтала о чести быть главной королевой мая. Воспоминаніе объ этомъ тор
со... ялось на всю ... Зависти не был

ПРЕДИСЛОВІЕ.

„Школьная Королева“, какъ и всѣ сочиненія Л. Мидъ, извѣстной англійской писательницы, очень интересный настоящій разсказъ, ярко рисующій своеобразную жизни англійской школы съ ея внутренней свободой и с стоятельностью, съ одной стороны, и со строгими ı неніями долга съ другой.

„Школьная Королева“ — или „Королева Ма бранница своихъ подругъ, дѣлается жертвой одной изъ завистливыхъ школьницъ и переноси тяжелыхъ испытаній, заканчивающихся полнымъ ствомъ невинной дѣвочки. Характеры дѣтей обри ярко, интересъ дѣйствія все время возрастаетъ и чита тель съ волненіемъ слѣдитъ за судьбой чистосердечной великодушной героини и ея благородныхъ друзей. В разсказѣ дѣти найдутъ и дурныхъ, ослѣпленныхъ зло бой дѣвушекъ и слабыхъ, безвольныхъ, увидятъ и не чувствуютъ и дурныя стороны жизни, но заключитель ное торжество добра оставитъ примиряющее и бодряще впечатлѣніе“.

мѣста, такъ какъ королева избиралась не начальницей, или учительницами, а исключительно своими товарками. Выбиралась она, также не за красоту, а удостоивалась этой желанной чести просто потому, что подруги любили эту дѣвочку.

Празднованіе дня перваго мая обставлялось большими церемоніями. Счастливая избранница узнавала о своей судьбѣ только за недѣлю передъ торжествомъ. Трудно было сохранить отъ нея тайну, однако это удавалось, потому что голоса собирались потихоньку избраннымъ комитетомъ бывшихъ королевъ, который имѣлъ потомъ засѣданіе въ такъ называемомъ „Праздничномъ залѣ" въ Мертонъ-Гебльсѣ. По окончаніи подачи голосовъ призывали королеву и объявляли о выпавшей на ея долю чести.

Школа миссисъ Шервудъ безъ сомнѣнія во многомъ походила на другія школы, но сильно отличалась отъ нихъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ. Въ ней было много своеобычнаго. Тамъ заботились больше всего о нравственномъ воспитаніи и обращали болѣе вниманія на развитіе благородства, здраваго смысла, твердости и правдивости, чѣмъ на пріобрѣтеніе свѣтскихъ талантовъ. Замѣчательно умной дѣвочкѣ могло быть, иногда, не по себѣ въ помѣстьѣ Мертонъ-Гебльсъ, или въ школѣ на Мербёри-Скверѣ. Зато дѣвочку, которая стремилась помогать другимъ и забывала себя, ласково поддерживали учительницы; подруги обожали ее и она проводила свѣтлые, радостные дни.

Поступить въ число учеицъ миссисъ Шервудъ было довольно трудно. Она ни за что не хотѣла принимать болѣе извѣстнаго количества учениць. Трудилась она не ради прибыли, а изъ любви къ дѣлу. Она любила дѣвочекъ. Въ молодости она потеряла мужа, котораго обожала: а сынъ—зѣница ея ока—утонулъ еще молодымъ.

Въ тридцать пять лѣтъ миссисъ Шервудъ увидѣла себя обреченной на одинокую, печальную жизнь, лишен-

ную всякихъ интересовъ. Она была богата и могла жить для себя, или дѣлать добро другимъ. Миссисъ Шервудъ была очень образованная женщина и ей пришло на мысль, что она можетъ воспитывать дѣтей. Она посовѣтовалась съ деканомъ каѳедральнаго собора въ томъ городѣ, гдѣ жила. Посовѣтовалась и съ другими достойными уваженія людьми и открыла школу. Плата за обученіе была назначена умѣренная такъ, что ее могли вносить и родители со сравнительно небольшими средствами. Кромѣ того при школѣ былъ такъ называемый „фондъ памяти Шервуда“. Это были деньги, отложенныя миссисъ Шервудъ на содержаніе шести дѣвочекъ, которыя иначе не были бы въ состояніи учиться въ ея школѣ. Она предпочитала подобнаго рода учрежденіе въ память мужа и сына всякой мѣдной доскѣ, или скульптурному изображенію и прекраснѣйшему окну въ церкви, написанному лучшимъ изъ современныхъ живописцевъ. Она никогда не говорила объ этомъ фондѣ и пользовавшіяся имъ дѣвочки не подозрѣвали о немъ. Въ школѣ не дѣлалось никакого различія между ними и другими дѣвочками.

Нашъ разсказъ начинается съ кануна майскаго праздника. Странно сказать—погода была чудесная. Холодные, пронзительные восточные вѣтры, такъ часто опустошительно дующіе въ англійскомъ маѣ, уступили мѣсто мягкимъ западнымъ вѣтеркамъ. Небо было ясное и голубое.

Мертонъ-Гебльсъ лежалъ недалеко отъ моря, и море и небо словно соперничали между собой въ яркости и прозрачности красокъ. Мертонъ-Гебльсъ былъ очень старый домъ—одинъ изъ тѣхъ домовъ, въ низкихъ, обшитыхъ панелями комнатахъ котораго, въ причудливыхъ корридорахъ, въ окнахъ со старинными, стеклянными рамами, въ аллеяхъ, на четырехугольныхъ площадкахъ, во дворахъ и прекрасныхъ садахъ, полныхъ старомодныхъ цвѣтовъ, у фонтановъ, чувствовалось особенно уютно, по домашнему.

Миссисъ Шервудъ любила, чтобы у нея были ученицы различныхъ національностей и въ то время, о которомъ говорится въ этомъ разсказѣ, у нея среди тридцати дѣвочекъ была одна американка по имени Клотильда Фокстиль. Это была дѣвочка лѣтъ пятнадцати—шестнадцати, тонкая, довольно маленькаго роста, съ желтымъ цвѣтомъ лица, мягкими черными волосами, сѣрыми глазами и страннымъ, вопросительнымъ выраженіемъ. Въ Клотильдѣ не было ничего замѣчательнаго, но она была чрезвычайно веселый товарищъ, поэтому дѣвочки носились съ ней.

Клотильда была въ школѣ уже болѣе года. У ней не было никакихъ шансовъ сдѣлаться королевой мая и она искренне радовалась, что эта честь выпала на долю Китти О'Донованъ. Китти была дѣйствительно общей любимицей въ Мертонъ-Гебльсѣ. Она заняла это завидное положеніе безъ малѣйшаго усилія со своей стороны. Она была просто милая, веселая, добрая дѣвочка лѣтъ тринадцати—четырнадцати, съ хорошимъ характеромъ. По происхожденію ирландка она была одной изъ самыхъ веселыхъ, всегда довольныхъ уроженокъ Изумруднаго острова.

У Китти были большіе черные глаза, розовыя щеки и маленькіе, ровные бѣлые зубы. Смѣхъ у нея былъ веселый, обхожденіе простое и также веселое; душа замѣчательно нѣжная. Если у кого-нибудь въ школѣ случалась непріятность—посылали за Китти.—Китти, не сдѣлаешь ли этого? — Китти, сдѣлай то... — Помоги, Китти.—Мы не можемъ обойтись безъ тебя, Китти.— И Китти никогда не отказывала и дѣлала все что могла.

Изъ болѣе интересныхъ воспитанницъ упомянемъ слѣдующихъ: Елизавету Решлей, красивую, самостоятельную дѣвушку изъ старинной корнваллійской фамиліи, Мэри Довъ, дочь старой пріятельницы миссисъ Шервудъ Генріэтту Вермонтъ, родные которой жили въ одномъ изъ предмѣстій западной части Кенсингтона, и трехъ

дѣвочекъ съ сѣвера Англіи. Мэри, Матильда и Джэнъ Куппъ были добродушныя, привѣтливыя, ничѣмъ не выдававшіяся дѣвочки, такія, которыя встрѣчаются ежедневно. Въ нихъ не было ничего отталкивающаго, но относиться къ нимъ можно было только равнодушно. Онѣ ничѣмъ не выдѣлялись изъ толпы. Елизавета Решлей выражала иногда сожалѣніе, что въ школѣ есть такія дѣвочки, какъ сестры Куппъ; но Мэри Довъ постоянно останавливала ее, а Генріэтта прибавляла:— Не говори такъ, Елизавета. Миссисъ Шервудъ была бы недовольна, если бы слышала твои слова. — Маргарита Лэнгтонъ была дѣвочка съ большимъ характеромъ и одна изъ самыхъ умныхъ въ школѣ. Она была закадычнымъ другомъ Томасины Осборнъ и обѣ онѣ особенно занимались маленькой лэди Маріей Банистеръ, дѣвочкой очень маленькаго роста, которой только что исполнилось тринадцать лѣтъ и которая впервые жила въ школѣ. Титулъ маленькой лэди Маріи и то обстоятельство, что она была дочерью графа не играли тутъ никакой роли. Она была хорошенькая дѣвочка довольно слабаго здоровья и ея мать думала, что ей будетъ полезно пожить у миссисъ Шервудъ. Были еще въ школѣ двѣ француженки, Анжелика и Корделія л'Эстранжъ, три нѣмки—Маргарита, Альвина и Дельфина фонъ Штормъ. Были еще и другія дѣвочки, но мы называемъ только тѣхъ, которыя будутъ играть роль въ разсказѣ.

Въ Мертонъ-Гебльсѣ жили три учительницы—миссъ Хизъ, миссъ Хонебёнъ и миссъ Уэрингъ. Миссъ Хизъ была главной помощницей миссисъ Шервудъ; миссъ Уэрингъ занималась съ самыми отсталыми изъ учепицъ. Миссъ Хонебёнъ, кругленькая и толстая, съ блестящими глазами и живой улыбкой, вызывала у всѣхъ маленькихъ дѣвочекъ желаніе искать у нея совѣта и утѣшенія. Въ ночь пріѣзда маленькой лэди Маріи она пошла съ дѣвочкой въ ея хорошенькую спальню, укрыла ее теплымъ одѣяломъ, поцѣловала нѣсколько разъ, сказала, что если

Маріи хочется поплакать, то въ этомъ нѣтъ ничего дурного, а потомъ прибавила, что останется съ дѣвочкой пока та не уснетъ.

Съ этой минуты Марія знала, что пріобрѣла друга и въ ея кроткихъ сѣрыхъ глазахъ появилось новое выраженіе, непохожее на то отчаяніе, которое замѣтила въ нихъ миссисъ Шервудъ, когда дѣвочка впервые вышла изъ школьнаго омнибуса.

Кромѣ трехъ учительницъ — англичанокъ была еще француженка, mademoiselle de Courcy, которая очень плохо говорила по-англійски и удивительно хорошо по-французски, и нѣмка Fräulein Крумпъ, превосходная гувернантка, но часто бывавшая не въ духѣ и подверженная сильнымъ головнымъ болямъ, которыми она пользовалась въ удобныхъ случаяхъ.

Таковъ былъ составъ школы въ послѣдній день апрѣля, канунъ того дна, когда Китти О'Донованъ должны были разбудить въ пять часовъ утра, чтобы она вступила въ исполненіе своихъ обязанностей королевы мая. Въ этотъ вечеръ „Праздничная зала“ была переполнена. Дѣвочки сидѣли въ различныхъ позахъ, смѣясь и болтая. Праздникъ уже наступилъ. Уроковъ не было. Распорядокъ дня зависѣлъ вполнѣ отъ распоряженій королевы, которой всегда сообщалось за недѣлю объ ожидавшихъ ее почестяхъ. По обычаю королева должна была избрать себѣ фрейлинъ и статсъ-дамъ и сдѣлать распоряженія насчетъ церемоніи слѣдующаго дня. Какая бы причуда ни пришла ей въ голову, она должна была быть исполнена. Иногда случалось, что королевы мая попадались очень глупыя и праздникъ проходилъ скучно, но никто не думалъ, чтобы Китти О'Донованъ могла заставить своихъ подданныхъ провести скучный день, похожій на обыкновенные дни. За исключеніемъ ея фрейлинъ и статсъ-дамъ никто не зналъ, какъ будетъ проведенъ этотъ день, а между тѣмъ все было устроено до малѣйшихъ подробностей.

Миссисъ Шервудъ обыкновенно наканунѣ вечеромъ посылала за королевой мая и просила ее, въ видѣ особой, личной милости посвятить ее въ тайну. Но за этимъ исключенiемъ порядокъ торжества оставался неизвѣстнымъ; не знала ничего даже любимая учительница—англичанка, миссъ Хонебёнъ.

Китти не долго колебалась въ выборѣ фрейлинъ. Своей главной фрейлиной она назначила Клотильду Фокстиль.

— Она такая веселая,—сказала Китти.

Клотильда согласилась сразу; выбѣжала впередъ, крѣпко обняла Китти, проговорила:—Ты славный малый!—потомъ обернулась и взглянула на своихъ товарокъ. Ея сѣрые глаза блестѣли отъ восторга и торжества.

Остальныя фрейлины Китти были Маргарита Лэнгтонъ, маленькая лэди Марiя Банистеръ и Мэри Довъ. Обязанности статсъ-дамъ были менѣе важны. Одной изъ статсъ-дамъ оказалась миссъ Хонебёнъ; она была и удивлена и немного смущена подобной честью; второй—Анжелика л'Эстранжъ и третьей—Томасина Осборнъ. Итакъ, всего было четыре фрейлены и три статсъ-дамы; всѣ онѣ, не исключая миссъ Хонебёнъ, которая сама недавно вышла изъ юношескаго возраста, сидѣли въ уголку, обсуждая различныя событiя, которыя должны были отмѣтить слѣдующiй день, какъ самый счастливый въ жизни Китти О'Донованъ.

— У тебя никогда больше не будетъ такого счастливаго дня, Китти,—сказала Мэри Довъ,—сколько бы ты ни прожила.

— Я хотѣла бы знать,—замѣтила Клотильда,—что выше—быть королевой мая въ Мертонъ-Гебльсѣ или невѣстой?

— Ну, я въ пять тысячъ разъ больше хотѣла бы быть королевой мая. А ты, Клотильда?

— Не знаю,—сказала Клотильда.—Если бы я была невѣстой, было бы больше возни, веселья. А сколько подарковъ получила бы я!

Миссъ Хонебёнъ нагнулась и шепнула что-то на ухо Клотильдѣ. И отъ ея величества были тайны. Существовалъ неизмѣнный обычай, что въ концѣ длиннаго, счастливаго дня миссисъ Шервудъ дарила королевѣ мая что-нибудь, чтобы воспоминаніе объ этомъ великомъ почетѣ оставалось на всю жизнь. Подарокъ миссисъ Шервудъ назывался „призомъ королевы мая“. Иногда то было полное собраніе сочиненій какого-нибудь автора въ прекрасномъ переплетѣ, иногда медальонъ, или какая-нибудь драгоцѣнная вещица. Но во всякомъ случаѣ это было что-нибудь рѣдкостное и очень цѣнилось ученицами. При этомъ всегда бывала собственноручная надпись миссисъ Шервудъ, которая, какъ предполагали, относилась къ основной чертѣ характера дѣвочки, избранной королевой мая. Сама дѣвочка, вѣроятно, читала между строкъ, но остальныя не были въ состояніи сдѣлать этого.

— О, какъ все это прекрасно!—сказала Клотильда.— Мнѣ бы хотѣлось, чтобы это было и въ нашихъ школахъ въ Америкѣ, но тамъ нѣтъ ничего подобнаго. Это такъ чудесно и такъ по-англійски. Я думаю, не могла ли бы я быть королевой мая въ слѣдующемъ году?

— Мы никогда не разговариваемъ объ этомъ, никогда... никогда,—сказала Мэри Довъ.—Видишь, королеву избираютъ вѣдь не по какимъ-нибудь особеннымъ ея заслугамъ. Она выбирается только потому, что подруги ее любятъ.

— Знаете, что я скажу вамъ,—замѣтила Маргарита Лэнгтонъ.—Я боюсь, какъ бы бѣдная маленькая лэди Марія не упала въ обморокъ, когда ей скажутъ завтра, что она должна нести шлейфъ королевы мая и ходить за ней вокругъ майскаго дерева, а всѣ гости будутъ смотрѣть на эту церемонію.

— Не упадетъ. Что за глупости ты говоришь!—сказала миссъ Хонебёнъ.—Ты вѣдь знаешь, что я также статсъ-дама... Какъ я рада, что ты меня выбрала, Китти

Я думаю, что милая маленькая Марія не смогла бы вынести этой церемоніи безъ моей помощи.

— Конечно, дорогая, мы ни за что не могли бы обойтись безъ васъ,—воскликнула Китти, просовывая руку подъ руку миссъ Хонебенъ и съ любовью смотря въ лицо ей.—Ну, мы всѣ очень счастливыя дѣвочки въ очень счастливой школѣ. Я увѣрена, что завтра все пройдетъ благополучно. О, какъ я взволнована! Вы не думаете, что нынѣшнее первое мая будетъ какое-то особенное? Какъ вы думаете?

— Я увѣрена, что это будетъ очень счастливый день,—сказала миссъ Хонебенъ.

Вскорѣ послѣ этого дѣвочки разошлись по своимъ комнатамъ. У каждой изъ нихъ была отдѣльная спальня, очень маленькая, но чистая и хорошо меблированная. Китти подошла къ окну. Сердце ея было полно. Она была вся подъ впечатлѣніемъ выпавшей на ея долю чести, которой она никакъ не ожидала. Веселая, любящая, она не цѣнила себя слишкомъ высоко. Она искренно желала дѣлать все возможное для другихъ. Ей и въ голову не приходило, чтобы можно было отдать предпочтеніе ей, когда въ школѣ есть такая красивая, величественная дѣвушка, какъ Елизавета Решлей. А между тѣмъ королевой избрали ее — Китти О'Донованъ! Эта честь принадлежитъ ей и она должна хорошенько воспользоваться предоставленными ей преимуществами.

— Пока я жива, я буду благодарна за этотъ день,— думала Китти. Нѣсколько времени она простояла у окна, погруженная въ раздумье.

У нея было замѣчательно привлекательное личико. Оно не могло назваться красивымъ, потому что черты его были неправильны, но имѣло свое особое очарованіе. Выраженіе ея живого личика измѣнялось каждую минуту. Глаза ея то блистѣли неудержимымъ весельемъ, то какъ бы покрывались тѣнью—тѣнью, бросаемой проходящимъ облакомъ на залитое солнцемъ озеро.

Китти была истинной дочерью своей страны. Въ ея улыбкѣ и слезахъ отражалась ея родина. Природа дала ей одинъ даръ — величайшій, какой можетъ быть у женщины: у нея не было вовсе сознанія своей привлекательности. Она была совершенно лишена эгоизма и никогда не думала о себѣ. Всѣ ея радости состояли въ томъ, чтобы дѣлать счастливыми другихъ и это-то свойство ея характера и было причиной того, что Китти О'Донованъ изъ графства Керри была единогласно избрана королевой мая своими товарками, хотя не пробыла еще и года въ школѣ.

Она стала на колѣни передъ окномъ, положила локти на подушку на подоконникѣ и стала всматриваться въ красоту лѣтней ночи. Мысли ея были далеко. Она думала о своемъ старомъ домѣ въ Керри. Домъ былъ бѣдный, запущенный, развалившійся. У хозяевъ не было достаточно денегъ, чтобы устроить его, почистить, позаботиться о роскоши и удобствахъ. У ирландцевъ, кажется, никогда не бываетъ денегъ и отецъ Китти не составлялъ исключенія среди своихъ сосѣдей. Но все же какое это чудесное имѣніе! Живописныя горы окружали его. Внизу лежали глубокія, красивыя озера. Высокія деревья скрывали уединенный домъ. Во время сильныхъ дождей крыша его оказывалась способной пропускать дождь во многихъ мѣстахъ. Зимой Китти и ея отецъ, сидя у горящаго въ каминѣ торфа, дрожали отъ сквозняка и сильныхъ порывовъ вѣтра, врывавшихся сквозь плохо запиравшіяся двери. Но все же быть О'Донованомъ изъ „Пикъ“ считалось большою честь и дѣвочка — единственный потомокъ древняго, знаменитаго рода — чувствовала это, какъ она выражалась, до мозга костей. Развѣ на цѣломъ свѣтѣ могъ быть когда-нибудь такой человѣкъ, какъ О'Донованъ! Она припоминала его благородный видъ, высокій ростъ, широкія плечи, голову съ величественнымъ челомъ, бѣлоснѣжной бородой; прямую, великолѣпную осанку, тонъ его голоса, смѣхъ,

улыбку въ глазахъ, веселыя ободряющія слова, съ которыми онъ обращался одинаково, какъ къ богатымъ, такъ бѣднымъ. Конечно, на свѣтѣ нѣтъ равнаго ему.

— Я напишу ему,—подумала Китти. — Я должна и хочу написать ему. Какъ ни рано мнѣ нужно вставать завтра, я должна написать сегодня же папѣ. Я скажу объ этомъ миссъ Хонебёнъ, а она передастъ миссисъ Шервудъ и миссисъ Шервудъ, навѣрно, не разсердится: вѣдь случай-то такой важный.

И Китти, смѣло нарушая правило, котораго раньше она никогда не переступала, зажгла свѣчу, присѣла у столика, разложила передъ собой листъ бумаги, обмакнула перо въ чернила и начала писать:

„Дорогой мой старый папа! Вотъ я пишу вамъ, ваша Китти изо всѣхъ Китти, которая думаетъ о васъ, любитъ васъ и мечтаетъ о томъ, какъ бы покрѣпче, покрѣпче обнять васъ! Ну, папа, удивительная вещь приключилась съ вашей дѣвочкой. И я думаю, вотъ почему это случилось: вы, вѣдь, знаете, что во мнѣ ровно ничего нѣтъ; я постоянно говорила, что я самая, что ни на есть обыкновенная дѣвочка. Ну такъ вотъ, папочка, въ чемъ дѣло: должно быть часть вашего величія перешла ко мнѣ, хотя вы никогда не разсчитывали на это. И какъ вы думаете, какъ вы думаете, милой мой папочка? Завтра утромъ я стану королевой мая. Помните, папочка, чудесную старую поэму, которую я говорила вамъ, когда я была ребенкомъ!

— „О, матушка, ночные вѣтерки колышутъ
травку луговую,
Счастливыхъ звѣздъ вверху сіянье ярче зажигая.
Весь день-денской дождя не будетъ завтра...
я ликую...
О, матушка, я буду завтра королевой мая!“

Ну, папочка, вотъ это и оказалось вѣрнымъ; только я говорю это не моей дорогой матери, а говорю моему

отцу. И вы подумайте обо мнѣ завтра, а я напишу вамъ и разскажу все что будетъ, до малѣйшей подробности. Наше веселье начнется въ пять часовъ утра и продолжится до полуночи; и у меня будутъ и фрейлины, и статсъ-дамы, и майское дерево, а цѣлый день всѣ будутъ меня слушаться и дѣлать что я захочу. Ну, развѣ это не чудесно... не ужасно весело? А вы развѣ не гордитесь мною? Могу сказать вамъ, папочка, что я-то сама очень горжусь собой, а болѣе всего тѣмъ, что я ваша дочь.

Покойной ночи, дорогой мой. Я должна поспать немного, чтобы оказаться достойной своего королевскаго званія, своего королевства и подданныхъ.

Китти О'Донованъ".

Письмо было адресовано О'Доновану „Пикъ", Киллерней, графство Керри. Потомъ Китти положила на подушку свою кудрявую черную головку и погрузилась въ глубокій сонъ.

II. Нѣтъ розы безъ шиповъ.



На всемъ свѣтѣ нѣтъ семьи, въ которой не было бы своей черной овцы, розы безъ шиповъ, нѣтъ дома, въ которомъ не было бы какого-нибудь горя, и нѣтъ школы—даже такой, какъ школа миссисъ Шервудъ,—безъ недоразумѣній, зависти и разныхъ житейскихъ непріятностей. Такова жизнь съ ея темными сторонами.

Всѣ нехорошіе, низкіе поступки происходятъ обыкновенно помимо вѣдома начальницы школы. Миссисъ Шервудъ, напримѣръ, и не подозрѣвала, что кто-нибудь въ школѣ можетъ не любить такой милой, прелестной дѣвочки, какъ Китти О'Донованъ. Но у миссисъ Шервудъ

было обширное, великодушное сердце. Въ ея характерѣ не было ничего низкаго, мелочного. Говоря о комъ-нибудь, она всегда упоминала о хорошихъ качествахъ этого человѣка, а не о дурныхъ. Прямо поразительно сколько хорошихъ качествъ умѣла она отыскивать въ окружающихъ. На нее смотрѣли съ удивленіемъ и часто послѣ того, какъ она дѣлала замѣчаніе въ пользу никѣмъ не любимаго человѣка, слушатели говорили:

— А мнѣ это и въ голову не приходило; но, безъ сомнѣнія, вы правы.

Такъ и проходила миссисъ Шервудъ по своему жизненному пути, сѣя доброе сѣмя. Она никого не подозрѣвала ни въ чемъ дурномъ и потому была счастлива. Но, на свѣтѣ бываютъ мелочныя натуры и увы!—такія натуры можно было найти среди розовыхъ, здоровыхъ дѣвочекъ въ Мертонъ-Гебльсѣ.

Нѣтъ ничего непріятнѣе и ниже зависти и ревности. Избраніе Китти королевой мая не понравилось тремъ дѣвочкамъ—Генріэттѣ Вермонтъ, Томасинѣ Осборнъ и Мэри Куппъ. Генріэтта была поразительно красивая дѣвочка, дочь богатыхъ родителей, очѣнь избалованная съ дѣтства. Поступая въ школу, она думала, что и тутъ ее будутъ такъ же баловать и ухаживать за ней. Однако ей скоро пришлось разочароваться. Съ Генріэттой обращались очень ласково, но никто не ухаживалъ за ней, никто не видѣлъ въ ней ничего удивительнаго. О ней говорили, какъ о самой обыкновенной дѣвочкѣ, которая можетъ, если будетъ стараться, пріобрѣсти достаточно познаній. Подруги никогда не восхваляли ея блестящихъ черныхъ глазъ, не замѣчали ея дорогихъ платьевъ. Учительницы считали, что она должна дѣлать то же, что дѣлаютъ маленькая Мэри Довъ, Клотильда, или Китти. Ея богатство и красота не придавали ей никакого ореола въ глазахъ учениць школы. Но Генріэтта была энергичная, настойчивая дѣвочка и рѣшилась во что бы то ни стало занять соотвѣтствующее мѣсто. Она не могла жить



„Да здравствуетъ королева мая!“

безъ популярности. Она стала осматриваться и мысленно взвѣшивать положеніе вещей.

Само собой разумѣется, какъ только она пріѣхала въ школу, она узнала объ удивительныхъ, чудесныхъ вещахъ, происходящихъ въ Мертонъ-Гебльсѣ перваго мая. Разсказывая ей объ этомъ, Мэри Довъ, между прочимъ, замѣтила:—У насъ у всѣхъ одинаковые шансы стать королевой мая—т. е. у тѣхъ, которыя еще не были королевами.

— Хотѣлось бы мнѣ знать... очень хотѣлось бы, буду ли я королевой мая,—сказала Генріэтта.—Какъ это устраивается?

— Мы, дѣвочки, должны сами выбрать королеву.

Генріэттѣ это не понравилось.

— Что это значитъ?—сказала она.—Если мы сами будемъ выбирать себѣ королеву, то каждая можетъ выбрать самое себя. Какой это былъ бы шумъ и переполохъ!

— Королева обыкновенно выбирается изъ пяти дѣвочекъ, указанныхъ миссисъ Шервудъ,—сказала Елизавета Решлей.—Остальныя ученицы рѣшаютъ которой изъ нихъ быть королевой. Понятно, что тѣ, которыя уже были королевами, не идутъ въ счетъ, такъ какъ эта честь оказывается только одинъ разъ. Весьма возможно, что ты будешь королевой, Генріэтта, но мы узнаемъ это только за недѣлю до перваго мая.

Случилось такъ, что Генріэттѣ Вермонтъ, Китти О'Донованъ, Клотильдѣ Фокстиль, Маргаритѣ Лэнгтонъ и Мэри Куппъ было объявлено, чтобы онѣ были наготовѣ. Окончательное рѣшеніе было предоставлено всѣмъ ихъ школьнымъ товаркамъ. Рѣшеніе было принято очень быстро. Оно было единогласно. Голоса всѣхъ остальныхъ дѣвочекъ въ школѣ были за Китти.

— Китти О'Донованъ!—кричали онѣ.—Никого другого кромѣ Китти О'Донованъ! Китти должна быть нашей королевой!

Пятерыхъ раньше намѣченныхъ дѣвушекъ призвали въ праздничную залу, гдѣ собрались остальныя, и Китти объявили, что она счастливица, избранная королевой мая. Глаза Генріэтты потемнѣли, какъ ночь. Она съ величайшимъ трудомъ овладѣла собой и стояла въ сторонѣ, пока дѣвочки толпились вокругъ Китти, поздравляя ее. Спустя нѣсколько времени она вышла изъ залы, накинула на себя платокъ и исчезла въ саду. Она почти обезумѣла отъ гнѣва. Какъ все это неблагородно! Какъ несправедливо! Она пробыла въ школѣ нѣсколькими мѣсяцами болѣе Китти О'Донованъ. Она въ десять разъ богаче Китти; у нея въ десять разъ больше платьевъ. Она гораздо умнѣе Китти, очень красива. Почему же ея товарки по школѣ—противныя, злыя товарки—пренебрегли ею и выбрали Китти королевой?

Она шла все быстрѣе и быстрѣе. Въ домѣ все было полно радости и оживленія, а щеки Генріэтти горѣли и гнѣвъ, бѣшенство и зависть, бушевавшіе въ ея душѣ, заставили ее почти совершенно потерять власть надъ собой.

— Что ты дѣлаешь тутъ такъ поздно?—проговорилъ дѣвическій голосъ и граціозная фигура Елизаветы Решлей появилась передъ Генріэттой.

— О, Бетти: я ничего не могу подѣлать съ собой: я словно безумная!—сказала Генріэтта.

— Безумная,—повторила Елизавета,—Безумная? У тебя какая-нибудь непріятность, Генріэтта?

— Конечно, большая непріятность и я не могу скрыть ее. Какое право имѣли эти противныя дѣвчонки выбирать Китти О'Донованъ королевой мая?

— О,—медленно, изумленнымъ тономъ проговорила Елизавета,—неужели ты хочешь сказать, что это причина твоего неудовольствія? Неужели ты въ самомъ дѣлѣ разсчитывала, что онѣ попросятъ тебя принять эту честь?

— Ну, если имъ надо было выбирать между Китти и мной, то я думаю, я была бы лучшей королевой изъ насъ двухъ,—сказала Генріэтта.

— Дѣло въ томъ, что я просто внѣ себя отъ разочарованія. Недѣли двѣ тому назадъ я писала мамѣ о томъ, что у меня есть много шансовъ быть избранной королевой мая и она была такъ довольна. Она написала, что, если я буду выбрана, она пришлетъ мнѣ хорошенькое платье изъ мягкаго, бѣлаго шелка для этого случая; потомъ она хотѣла разсказать объ этомъ всѣмъ своимъ друзьямъ, а сама думала подарить мнѣ колечко съ надписью „Королева мая“ изъ голубой эмали. О, все это мнѣ кажется ужаснымъ! Если бы избрали тебя, Елизавета, то это было бы понятно, потому что ты высока ростомъ, видная, красивая; но Китти...

— Знаешь, ты очень удивила меня,—сказала Елизавета.—Въ первый разъ ученица здѣшней школы недовольна избраніемъ королевы мая. Все это рѣшаютъ сами дѣвочки. Мы выбираемъ королеву. Она принадлежитъ намъ. Она избрана не миссисъ Шервудъ и не учительницами, а только нами. Ты удивляешь, поражаешь меня. Надѣюсь, ты отдѣлаешься отъ этого чувства и я думаю—ради тебя самой—тебѣ не слѣдуетъ говорить объ этомъ другимъ дѣвочкамъ; я увѣрена, что это не понравится имъ.

— Я и не ожидаю сочувствія отъ тебя,—сказала Генріэтта, болѣе чѣмъ когда-либо недовольная холодными словами Елизаветы.

Елизавета съ удивленіемъ взглянула на нее.

— Ну, Герри,—сказала она, называя товарку привычнымъ, уменьшительнымъ именемъ,—развеселись, милая. Постарайся совладать съ этимъ ужасномъ чувствомъ. Нѣтъ ничего отвратительнѣе зависти къ товаркѣ. И вотъ что, Герри. Тебѣ не позволили бы надѣть твоего великолѣпнаго бѣлаго шелковаго платья, никакихъ украшеній, присланныхъ изъ дома, потому что королева мая должна быть въ самомъ простомъ бѣломъ кисейномъ платьѣ. Это неизмѣнное правило и миссисъ Шервудъ сама доставляетъ это платье. Ну пойдемъ въ домъ и

будемъ повеселѣе. Я ничего не разскажу про тебя и ты можешь развеселиться, если захочешь.

— Благодарю тебя, Елизавета, попробую сдѣлать это усиліе,—сказала Генріэтта.

— Такъ будетъ лучше,—сказала Елизавета.

— И во всякомъ случаѣ, Герри, не дай нашей дорогой Китти понять, что ты завидуешь выпавшей на ея долю чести. Я считаю Китти О'Донованъ прелестнѣйшимъ существомъ на свѣтѣ.

— Ради Бога, не восхваляй ее мнѣ!—начала Генріэтта.

— Я увѣрена, что ты полюбила бы ее, если бы захотѣла, и, право, не понимаю, почему ты не любишь ея,—отвѣтила Елизавета.

Дѣвушки вошли въ домъ.

Рядомъ съ комнатой Генріэтты спала Томасина Осборнъ. Она услышала, какъ Генріэтта плакала во снѣ и пробралась къ ней, чтобы узнать въ чемъ дѣло. Разсерженная дѣвочка повѣдала ей свое горе. Томасина нисколько не походила на Елизавету и отнеслась къ разочарованію Генріэтты съ восхитительнымъ, полнымъ сочувствіемъ. Она также говорила, что это избраніе позоръ и пошла даже дальше Генріэтты, сказавъ, что не видитъ что собственнаго хорошаго въ Китти О'Донованъ. Болѣе того, она склонила на сторону Генріэтты и Мэри Куппъ.

Сестры Куппъ были изъ числа тѣхъ учениц, которыя содержались на счетъ миссисъ Шервудъ. Сами дѣвочки не знали этого, хотя родителямъ ихъ это было извѣстно. Не знали этого и другія дѣвочки въ школѣ и миссисъ Шервудъ надѣялось, что этотъ фактъ никогда не обнаружится. Миссисъ Куппъ, въ былые годы, была гувернанткой миссисъ Шервудъ: она вышла замужъ за очень бѣднаго священника, у нея было семь или восемь человѣкъ дѣтей. Миссисъ Шервудъ рѣшила, что самое лучшее, что она можетъ сдѣлать для Матильды Куппъ, это взять къ себѣ въ школу ея трехъ дочерей. Поэтому,

къ великому удивленію всѣхъ молодыхъ Куппъ, дѣвочки покинули домикъ въ Манчестерѣ, гдѣ они жили въ большой тѣснотѣ и, одѣтыя въ новыя приличныя платья, были отосланы въ школу миссисъ Шервудъ.

Мэри была средняя изъ сестеръ; Матильда—старшая, Джэнъ—младшая. Всѣ онѣ были знакомы съ бѣдностью; познакомившись съ роскошной, полной удобствъ жизнью въ Мертонъ-Гебльсѣ, онѣ рѣшили скрыть отъ другихъ свое знакомство съ маленькими комнатами, плохими обѣдами, недостаткомъ средствъ. Дѣвочки онѣ были совсѣмъ обыкновенныя, но въ натурѣ Мэри было много лукавства. Она твердо рѣшилась занять болѣе высокое положеніе въ обществѣ и для этого не задумалась бы снизойти до такихъ поступковъ, которые—если бы стали извѣстны миссисъ Шервудъ—были бы причиной ея немедленнаго удаленія изъ школы. Она явно ухаживала за Генріэттой.

Томасина Осборнъ разсказала все Мэри Куппъ. Мэри подошла къ Генріэттѣ и сказала:—Мнѣ такъ жаль тебя.— Потомъ она встала на колѣни передъ постелью, взглянула Генріэттѣ прямо въ лицо и проговорила:—Не придумать ли намъ какой-нибудь планъ, чтобы показать подругамъ, что Китти О'Донованъ ужъ вовсе не такая чудесная дѣвочка?

Томасина казалась пораженной и даже Генріэтта смутилась сначала отъ этихъ словъ. Но увы! Удивительно, какъ быстро укореняется дурная мысль; раньше чѣмъ наступило первое мая всѣ три дѣвочки были заняты подготовленіемъ какихъ-нибудь обстоятельствъ, которыя могли бы показать, что Китти О'Донованъ вовсе не такое совершенное, очаровательное существо, какъ воображали ея подруги.

— Предоставьте это мнѣ,—сказала Мэри.—Не дѣлайте ничего; я думаю, я сумѣю устроить это дѣло. Вы узнаете, что случится послѣ великаго майскаго праздника.

— Я такъ боюсь!—сказала Томасина.—Если бы ты знала, какой у тебя видъ, Мэри! Выраженіе твоего лица далеко не милое.

— Милое, или не милое, но я, по крайней мѣрѣ, понимаю чувства дорогой Генріэтты,—отвѣтила Мэри.— Съ какой стати ей нанесено такое явное оскорбленіе? Мы ничего не можемъ подѣлать пока не пройдетъ первое мая. Потомъ—если Генріэтта дѣйствительно захочетъ оставить это дѣло въ моихъ рукахъ—я думаю, я сумѣю придумать планъ, который поможетъ унизить эту очаровательную Китти и заставитъ остальныхъ пожалѣть, что онѣ выбрали королевой не тебя, Генріэтта.

— Однако это странно,—сказала Генріэтта.

Она и ея пріятельницы сидѣли въ маленькой бесѣдкѣ въ далекой части сада. Какъ уже сказано, день—для времени года—былъ теплый и солнце ярко свѣтило. Мэри сидѣла по одну сторону Генріэтты, Томасина—по другую. Остальныя школьницы были слишкомъ взволнованы мыслями о великомъ, радостномъ днѣ перваго мая, чтобы обращать вниманіе на заговорщицъ. Взглядъ прекрасныхъ глазъ Генріэтты былъ устремленъ вдаль.

— Ничего ужаснаго я не намѣреваюсь дѣлать,— сказала Мэри,—просто узнать о какомъ-нибудь дурномъ поступкѣ такъ возвеличенной теперь Китти О'Донованъ. Навѣрно, у нея есть такіе поступки. Я буду очень осторожна. Я не думаю, что ты побоишься воспользоваться своими правами.

— Не знаю, — сказала Генріэтта. — Мнѣ, правда, больше всего хочется унизить Китти, но все же я боюсь.

— Предоставь только дѣйствовать мнѣ.

Дѣвочки вошли въ домъ. Вечеромъ же, когда Китти, съ сердцемъ полнымъ радости, писала письмо своему отцу, Мэри Куппъ слѣдила за ней изъ сада.

Итакъ, примѣрная королева мая нарушаетъ одно изъ правилъ школы, — проговорила она про себя. — Ура! Я полагаю, что мнѣ скоро удастся открыть многое про примѣрную королеву мая. Но на одно я рѣшилась твердо. Я не сдѣлаю ни одного шага, пока Генріэтта не обѣщается мнѣ быть моимъ другомъ и помогать мнѣ. Передъ моимъ

отъѣздомъ мать сказала мнѣ, что пребыванiе въ школѣ единственный серьезный шансъ для меня, что ни у Матильды, ни у Джэнъ, ни у меня не будетъ болѣе ничего подобнаго и если мы не воспользуемся имъ, то намъ нечего болѣе ожидать. Теперь, я думаю, лучше всего идти спать, а завтра я постараюсь быть любезной и тогда — ура! если мнѣ удастся устроить такъ, чтобы Генрiэтту выбрали въ будущемъ году королевой, я думаю, на свѣтѣ мало найдется чего она не сдѣлала бы для меня. Моей задачей въ эти двѣнадцать мѣсяцевъ будетъ унизить Китти и устроить, чтобы Генрiэтту избрали королевой мая. Тогда она будетъ мнѣ другомъ на всю жизнь.

Какъ уже было сказано, у каждой дѣвочки въ Мертонъ-Гебльсѣ была отдѣльная комната. Но было и исключенiе изъ правила: три сестры Куппъ спали въ длинной, низкой комнатѣ, въ сторонѣ отъ другихъ. Тутъ онѣ могли болтать сколько угодно, вспоминать свою жизнь дома и удивляться счастью, выпавшему на ихъ долю.

— Какъ поздно ты пришла, Мэри! — сказала Матильда Куппъ, когда Мэри вошла въ комнату.—Представить себѣ не могу, что ты дѣлала все это время. Что касается меня, то я до смерти устала, а ты знаешь, что завтра мы всѣ должны встать очень рано.

— Когда мы пришли въ комнату, мы нашли на столѣ записку, адресованную всѣмъ намъ,—сказала Матильда.

— Записку!—вскрикнула Мэри.—Какую?

— Вотъ она. Я старшая и потому открыла ее. Это отъ королевы мая. Хочешь прочесть?

— Я не желаю читать того, что пишетъ королева мая. Она ничто для меня. Никогда не слыхала, чтобы дѣвочку возвышали такимъ смѣшнымъ образомъ.

— Ну, какъ бы то ни было, ты знаешь, что завтра она—наша королева мая. Вотъ что она пишетъ:

„Дорогiе мои первомайскiе подданные. Я желаю, чтобы завтра вы явились всѣ въ бѣлыхъ платьяхъ и весь день

не носили другого цвѣта. Ваша преданная государыня, королева мая“.

— Чепуха и вздоръ!—сказала Мэри.—Вотъ было бы весело не послушаться ея!

— Но этого нельзя сдѣлать!—сказала Джэнъ.—Не знаю, что бы тогда сдѣлали съ нами остальныя дѣвочки.

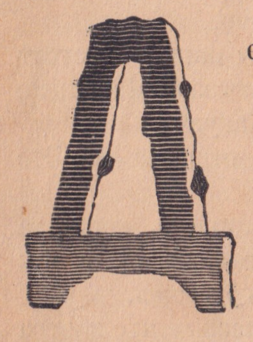
— Мнѣ хотѣлось бы спросить Генріэтту, надѣнетъ она бѣлое платье, или нѣтъ,—продолжала Мэри.

— Надѣнетъ, Мэри; мы всѣ надѣнемъ; мы должны надѣть.

— У меня хорошенькое красное платье, у тебя синее, а у Джэни желтое; эти платья очень идутъ къ намъ. Я считаю бѣлый цвѣтъ такимъ обыденнымъ и неинтереснымъ.

— Какая ты странная!—сказала Матильда,—но я думаю, тебѣ все таки придется надѣть завтра бѣлое платье. Ты очень измѣнилась. Мэри. Джэни и я замѣтили это; и все потому, что ты водишься съ Томасиной и Генріэттой. Мнѣ бы хотѣлось, чтобы ты побольше бывала съ нами. Теперь ты намъ точно не сестра.

III. Злое дѣло.



ень перваго мая занялся въ невыразимой радости. Воздухъ былъ тепелъ и мягокъ; на небѣ не виднѣлось ни одного облачка, когда королева мая въ своемъ простомъ бѣломъ платьѣ, съ мягкими темными волосами распущенными по спинѣ и перехваченными ниже таліи широкимъ бѣлымъ бантомъ появилась на сценѣ. Впереди нея шли ея четыре фрейлины, сзади—три статсъ-дамы. Онѣ тотчасъ же надѣли вѣнокъ изъ бѣлыхъ цвѣтовъ на ея милую, темную головку и обвили ея шею гирляндой изъ такихъ же бѣ-

лыхъ цвѣтовъ. Свита королевы была также вся въ бѣломъ, съ бѣлыми цвѣтами, но безъ вѣнка. Пришли и остальныя дѣвочки и столпились у майскаго дерева, совершенно покрытаго цвѣтами.

Миссисъ Шервудъ встала рано и присоединилась къ веселой группѣ. Королева мая стояла посреди своихъ подданныхъ; дѣвочки взялись за руки и стали танцовать сначала вокругъ своей королевы, а потомъ вокругъ дерева. Потомъ на травѣ былъ приготовленъ завтракъ. Королеву подвели къ ея трону, усыпанному весенними цвѣтами; ея фрейлины и статсъ-дамы приносили ей самыя вкусныя кушанья. Никогда глубокіе, темносѣрые глаза дѣвочки — ирландки не казались такими красивыми. — Я совсѣмъ растерялась; я не узнаю себя, — шепнула она одной изъ своихъ фрейлинъ.

— Но, вѣдь, ты счастлива, милая, дорогая! — вскрикнула Клотильда Фокстиль. — Знаешь, Китти, я слышала, какъ говорили, что въ Мертонъ-Гебльсѣ никогда еще не было такой красивой королевы мая.

Каждый часъ этого дня приносилъ съ собой новое удовольствіе. Сама королева заранѣе составила программу развлеченій. Она придумывала безконечныя игры и все что она дѣлала было такъ изящно и мило, что дѣвочки смотрѣли на нее съ все увеличивающимся восторгомъ.

Послѣ полудня появилась толпа зрителей. Королева мая въ новомъ вѣнкѣ и въ гирляндахъ изъ бѣлыхъ цвѣтовъ граціозно подошла привѣтствовать тѣхъ, кто явился почтить ее. Зрѣлище, вообще, было очаровательное и лэди и джентльмены, занимавшіе мѣста на залитой солнцемъ лужайкѣ, не могли достаточно выразить своего восторга. Дѣвочки, по желанію королевы мая, танцовали различные ирландскіе танцы, которымъ Китти тщательно обучила ихъ. Потомъ онѣ протанцовали нѣсколько старинныхъ англійскихъ танцевъ, бросались цвѣтами, бѣгали взапуски, ловили другъ друга и весело смѣялись. Конечно, всякій, кто смотрѣлъ на эту сцену въ старинномъ англій-

скомъ саду, могъ вообразить, что грѣхъ и искушеніе очень далеки, что одно лишь добро царитъ въ этомъ мирномъ домѣ, что ученицы миссисъ Шервудъ представляютъ собой замѣчательное исключеніе, что онѣ явились въ міръ почти безгрѣшными, такъ ясны были ихъ молодые глаза, такъ полны счастья ихъ веселые голоса. Раздавался ли когда либо такой веселый смѣхъ въ этомъ саду и было ли тамъ видно когда-нибудь болѣе милое лицо, чѣмъ личико Китти О'Донованъ, ирландки—королевы мая?

Но самый длинный, счастливый день долженъ придти къ концу и день королевы мая кончился, какъ и всѣ другіе дни. Миссисъ Шервудъ подошла къ юной королевѣ. Она сказала нѣсколько словъ старшей статсъ-дамѣ и королева въ сопровожденіи трехъ статсъ-дамъ и четырехъ фрейлинъ прошла по саду и остановилась, во всей своей свѣжей красѣ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ миссисъ Шервудъ. Другія дѣвочки—всѣ въ бѣлыхъ платьяхъ—толпились за нею. У всѣхъ на умѣ была только королева мая. Даже Мэри Куппъ и Томассина Осборнъ не удосужились взглянуть на Генріэтту. Что такое Генріэтта, когда Китти—королева мая? Потомъ королеву пригласили выступить впередъ и миссисъ Шервудъ вложила ей въ руку коробочку, изящно сдѣланную изъ кедроваго дерева, росшаго въ саду Мертонъ-Гебльса. Коробочка была внутри выложена золотомъ и въ ней лежалъ красивый золотой медальонъ на тонкой цѣпочкѣ. Съ одной стороны медальона были выгравированы слова: „Королевѣ мая, май 1905 г.", съ другой простая надпись: „Будь доброй, милой дѣвочкой", миссисъ Шервудъ сама надѣла тонкую золотую цѣпочку на шею дѣвочки.

— Даю тебѣ этотъ медальонъ, какъ почетный знакъ любви и уваженія, королева мая,—сказала она,—одно ужъ то, милое дитя, что твои товарки сочли тебя достойной такой чести показываетъ то, что мы думаемъ о тебѣ. Ну, дѣвочки, что мы думаемъ о нашей королевѣ мая?

— Мы любимъ ее!—крикнули сразу всѣ дѣвочки, за исключеніемъ одной.

— Больше чѣмъ любимъ, сказала миссисъ Шервудъ,— мы уважаемъ ее: не правда ли, дѣвочки?

— Да—о, да!

— Мы уважаемъ ее,—продолжала миссисъ Шервудъ— и просимъ ее принять къ сердцу мысли другихъ дѣвушекъ, стоявшихъ нѣкогда здѣсь и бывшихъ королевами мая. Всѣ онѣ—да, всѣ—оказались достойными этой чести. Это честь, дѣти мои, которая можетъ передаваться вашимъ дѣтямъ, если они будутъ у васъ. Для нашей королевы это самый торжественный день ея жизни. Она оказалась достойной его, но она должна оставаться достойной этой чести, а мы знаемъ Кто Одинъ можетъ помочь ей. Міръ полонъ искушеній, печали и горестей. Поэтому, Китти О'Донованъ, будь мужественна, моя дорогая, сохрани вѣру и живи честно, хорошо, пока Господу будетъ угодно продлить тебѣ жизнь.

Китти О'Донованъ наклонилась, поцѣловала руку начальницы и, повернувшись, поблагодарила своихъ подданныхъ. Внезапно ея прекрасные, ирландскіе глаза наполнились слезами и она убѣжала въ домъ, чтобы скрыть волненіе, вызванное сильной радостью.

Великій день пришелъ къ концу. Дѣвочки устали. Вѣдь отъ слишкомъ большого счастья можно устать такъ же, какъ отъ большого горя.

— Право, у насъ никогда не бывало такого дня,— говорили дѣвочки.

— Да, у насъ никогда не бывало такого дня,—повторила Елизавета Решлей,—но какъ хорошъ онъ ни былъ, въ настоящую минуту я болѣе думаю о моей маленькой кроваткѣ, чѣмъ о чемъ бы то ни было на свѣтѣ.

Дѣвочки разошлись по своимъ комнатамъ. У Мэри Куппъ не было возможности сказать хотя бы слово Генріэттѣ или Томасинѣ. Мэри Куппъ очень веселилась, но въ

то же время не думала упускать изъ виду главной цѣли своей жизни. Она рѣшилась напомнить Генріэттѣ о вчерашнемъ разговорѣ на другое утро въ случаѣ если та позабудетъ. Китти торжествовала, но можетъ случиться что-нибудь такое, что заставитъ Китти сойти съ трона— не съ того, на которомъ она сидѣла въ этотъ день—но съ гораздо болѣе высокаго трона, который она занимала въ сердцѣ своихъ товарокъ. Мэри рѣшилась исполнить свое намѣреніе.

Она пошла въ свою комнату нѣсколько раньше Матильды и Джэнъ и нашла на своемъ столѣ письмо, полученное по почтѣ. Миссисъ Шервудъ особенно внимательно смотрѣла за письмами, получаемыми ея ученицами. Но письма изъ дома, не просматривались начальницей равно какъ и отвѣты на нихъ.

Мэри взглянула на письмо. Оно было надписано знакомымъ почеркомъ матери.

— О Боже мой!—сказала она съ глубокимъ вздохомъ.— Что пишетъ мнѣ мама! Я думаю, я оставлю его до утра. Я смертельно устала. Какъ мы танцовали! Никогда не думала, что дѣвочка можетъ танцовать такъ, какъ танцовала Китти. Должна сознаться, что какова бы она ни была въ ежедневной жизни, королевой она была очаровательна. Она такъ поразительно граціозна; никогда не сдѣлаетъ неловкаго движенія; а дуэтъ, который она исполнила съ Клотильдой, нескоро забудешь... Однако прочтемъ письмо мамы.

Мэри открыла письмо. Внезапно она вскрикнула отъ изумленія, потомъ нагнулась такъ, чтобы свѣтъ отъ лампы падалъ прямо на бумагу. Вотъ что было написано тамъ:

„Дорогая моя Мэри, пишу тебѣ въ большомъ волненіи и надѣюсь, что ты поможешь намъ. Ты знаешь нашего дорогого Поля“!..

Мэри судорожно сжала руки. Что значатъ эти слова: „Ты знаешь нашего дорогого Поля“!.. Вѣдь Поль, братъ ея, Мэри, самый близкій въ семьѣ для нея, ея кумиръ,

ея старшій братъ. Съ самаго ранняго дѣтства она дѣлила съ нимъ и радость и горе. Мэри почувствовала, какъ сильно забилось ея сердце.

„Ты должно быть замѣтила милая Мэри,—продолжала мать,—что Поль уже нѣсколько времени сталъ слабѣе, чѣмъ прежде“.

Мэри уронила письмо на колѣни. Она замѣтила это. Поль отказался отъ футбола, онъ говорилъ, что эта игра вызываетъ у него боль въ боку. Она, Мэри, даже разсердилась на него за это.—Удивляюсь, какъ ты моя сдѣлать это,—сказала она.—Ты вѣдь знаешь, что недостойно мальчика—мальчика—англичанина—не стремиться быть лучшимъ въ школѣ игрокомъ въ футболъ и крокетъ.—Я задыхаюсь,—отвѣтилъ Поль, взглянулъ на сестру своими честными глазами, взялъ ея руку и сказалъ:—Неужели ты думаешь, Полли, что мнѣ легко отказаться отъ футбола?—Въ это время она отправлялась въ школу и обратила мало вниманія на его слова. Но теперь она съ болью въ душѣ припомнила ихъ. Мэри снова принялась за чтеніе письма матери.

„Поль пріѣхалъ изъ школы дня два-три назадъ. Онъ вошелъ въ комнату, гдѣ я обѣдала съ младшими дѣтьми, проговорилъ:—Мама, мама!—шатаясь, опустился на стулъ и впалъ въ глубокій обморокъ. Мэри, дитя мое, одну минуту я думала, что онъ умеръ, желала да проститъ мнѣ Богъ эту безумную мысль—умереть самой. Но дорогой мой пришелъ въ себя, только видъ у него былъ страшно больной. Отецъ пришелъ, и я должна была разсказать ему о болѣзни Поля. Ты знаешь, какъ онъ относится къ нему: на свѣтѣ для него нѣтъ равнаго Полю. Когда я описала ему состояніе Поля и сказала, что уложила его въ постель, отецъ пошелъ за стариннымъ докторомъ нашей семьи, Андерсономъ. Онъ пришелъ и внимательно осмотрѣлъ Поля. Потомъ онъ говорилъ съ нами совершенно откровенно. Я рада этому, дорогая Молли, такъ какъ теперь не время скрывать истинное положе-

ніе вещей. Въ концѣ концовъ онъ сказалъ, что силы Поля истощены и что онъ боится, что у него затронуто правое легкое. Онъ совѣтовалъ немедленно свезти Поля въ Лондонъ и показать его одному извѣстному доктору, адресъ котораго онъ далъ. Онъ прибавилъ, что нельзя терять ни часу. Онъ не сказалъ, что положеніе Поля безнадежно, но далъ намъ очень ясно понять, что если мы не сдѣлаемъ немедленно того, что слѣдуетъ—онъ недолго останется съ нами. Итакъ, дорогое дитя мое, мы съ отцомъ стали ломать головы, какъ намъ съѣздить на короткое время въ Лондонъ, прожить дня два въ гостиницѣ и заплатить доктору за осмотръ нашего мальчика. Должна признаться, что мы были въ отчаяніи. Ты знаешь, какое ничтожное жалованье получаетъ твой отецъ, а дѣти растутъ и вѣчно голодны—страшно голодны—и потому мы еле-еле сводимъ концы съ концами. Итакъ, я раздумывала, раздумывалъ и отецъ. Я уже продала всѣ мои драгоцѣнныя вещи, дитя мое. У меня осталось только мое обручальное кольцо, но я не могла разстаться съ нимъ; не могла допустить, чтобы Поль заподозрилъ хоть что-нибудь. Цѣлую ночь я пролежала безъ сна. Наконецъ; къ утру мнѣ пришло въ голову, что ты, Молли, можешь помочь намъ.

Ты помнишь, милая, что у тебя есть двѣнадцать фунтовъ въ сберегательной кассѣ. Ты одна изъ моихъ дѣтей сберегла кое-что. У тебя есть двѣнадцать фунтовъ и самое лучшее употребленіе, какое ты можешь сдѣлать изъ нихъ—это спасти жизнь твоему брату. Это было бы чудесно съ твоей стороны. Я разсчитала, что ты можешь получить это письмо завтра вечеромъ. По полученіи его ты можешь повидаться съ миссисъ Шервудъ и попросить ее одолжить тебѣ денегъ, пока ты не вынешь своихъ изъ кассы, когда, понятно, уплатишь ей. Я не могу просить ее ссудить меня послѣ того, что она съ такой добротой сняла съ меня заботу о васъ трехъ. Мэри не пробуй просить у нея этихъ денегъ,

какъ подарка: но я знаю, что она одолжитъ ихъ тебѣ дня на два, когда ты покажешь ей свою сберегательную книжку и скажешь, что у тебя есть деньги. Вѣдь ты сдѣлаешь это, дорогая? Ты не сможешь отказать твоему Полю.—Твоя убитая горемъ мать

Матильда Куппъ“.

Письмо лежало на колѣнахъ Мэри, когда она услышала чьи то шаги въ корридорѣ. Это, навѣрно, ея сестры шли ложиться спать. Она сунула письмо въ карманъ. На что бы она ни рѣшилась, ей нужно было обдумать все. Поэтому она, не раздѣваясь, легла въ постель. Она закрыла себѣ лицо простыней, позаботясь, чтобы не было видно платья.

— Это что такое! Вотъ лѣнтяйка то!—вскрикнули Матильда и Джэнъ.

Мэри ото всей души желала, чтобы онѣ не подошли къ постели и не увидѣли, что она лежитъ одѣтая. Но дѣвочки и не подумали подходить къ сестрѣ. Онѣ сами устали и были рады отдохнуть. Черезъ нѣсколько минутъ онѣ уже были въ своихъ постеляхъ и, думая, что Мэри спитъ крѣпкимъ сномъ, сами отправились въ страну сновидѣній. Лампу потушили.

Минуты двѣ спустя миссъ Хонебёнъ просунула голову въ дверь. Увидѣвъ, что лампа потушена и всѣ три дѣвочки лежатъ въ постеляхъ, она не вошла въ комнату. Она очень устала отъ цѣлаго дня удовольствій и ушла, осторожно притворивъ за собой дверь.

Мэри лежала тихо, какъ мышка. Она еле смѣла дышать, но скоро звуки, раздавшіеся съ другихъ двухъ постелей, успокоили его. Матильда спала сномъ праведныхъ; маленькая Джэнъ также. Тогда Мэри рѣшилась пошевелиться. Въ темнотѣ — такъ какъ въ комнатѣ не было никакого свѣта—она могла даже сѣсть на постели, никѣмъ незамѣченная. Сердце ея стало биться спокойнѣе. Она закрыла лицо дрожащими руками.

Да, она любила Поля. Она всегда любила его, но до этой минуты не знала какъ сильно и искренне восхищалась имъ, какъ дорогъ онъ былъ для нея, какъ охотно пожертвовала бы она собой ради него. Но случилось нѣчто ужаснѣе всего что могла представить себѣ ея бѣдная мать. Миссисъ Куппъ никакъ не могла бы представить себѣ, что у Мэри не было двѣнадцати фунтовъ въ сберегательной кассѣ. Миссисъ Куппъ была очень кроткая, снисходительная женщина, но мистеръ Куппъ былъ нѣсколько суровъ въ своемъ обращеніи съ дѣтьми. Онъ былъ хорошій человѣкъ, хорошій отецъ, обремененный бѣдностью, безчисленнымъ количествомъ дѣтей, непосильнымъ трудомъ. Но онъ предписывалъ извѣстныя правила и требовалъ исполненія ихъ. Мэри была очень маленькой, когда ея крестная мать подарила ей пять фунтовъ. Эти деньги были сейчасъ же положены въ сберегательную кассу. Это былъ зародышъ громадной суммы, которая дошла теперь до двѣнадцати фунтовъ, и должна была стать спасеніемъ Поля Куппа. Но увы! хотя мистеръ Куппъ постановилъ строгимъ правиломъ, чтобы никакія деньги, положенныя въ сберегательную кассу, не вынимались безъ его позволенія, Мэри нарушила это правило. Когда она узнала, что поступаетъ въ школу миссисъ Шервудъ, для нея явилось искушеніе, которому она не могла противиться по своему характеру. Она поступаетъ въ школу, гдѣ много богатыхъ дѣвочекъ. Ей понадобились безчисленныя мелочи, о которыхъ не подумали ни ея отецъ, на миссисъ Шервудъ. Но вѣдь на двѣнадцать фунтовъ—сбереженія всей ей молодой жизни—можно надѣлать чудесъ. Она вынула изъ кассы всѣ деньги до послѣдняго пенни. Увы! двѣнадцать фунтовъ растаяли быстро, какъ и всякія такія деньги. Теперь отъ нихъ не осталось ни одного шиллинга.—Что мнѣ дѣлать?—думала несчастная дѣвочка.—Я не могу помочь Полю, а сказать о томъ, что я сдѣлала, значитъ, навлечь на себя позоръ. Я знаю, что сдѣлалъ бы отецъ. Онъ написалъ бы миссисъ

Шервудъ и просилъ бы ее взять вмѣсто меня маленькую Сусанну. Онъ возьметъ меня изъ школы. Онъ погубитъ всю мою будущность, никогда не проститъ меня; Поль умретъ, а я сойду съ ума. О, что мнѣ дѣлать... что дѣлать? Какъ выйти изъ этой бѣды?

Часа два-три бѣдная Мэри металась по кровати. Внезапно ей пришла въ голову одна мысль. Она все разрасталась и разросталась. Генріэтта, помимо своей воли, наслаждалась праздникомъ. Кроткая прелесть и скромность королевы мая подѣйствовали и на ея ожесточенное сердце. Но Мэри была достаточна умна, чтобы понимать, какъ легко можно вернуть Генріэту къ ея прежнему настроенію. Если бы только ей удалось пріобрѣсти вліяніе на Генріэту! Какъ бы устроить это?

Къ утру она встала, сняла свое бѣлое платье и надѣла ежедневное, не разбудивъ сестеръ. Обѣ онѣ спали спокойно, не зная ничего о горѣ, которое угрожало ихъ семьѣ. Мэри тихонько отворила дверь и прокралась въ дверь. Она должна дѣйствовать быстро, такъ, чтобы немедленно отослать деньги матери. Она вспомнила, что видѣла, какъ Китти писала письмо отцу наканунѣ перваго мая. Она наблюдала за ней съ лужайки и видѣла склоненную съ серьзнымъ видомъ фигурку дѣвочки, ея оживленное личико, обрамленное роскошными волосами, смотрѣвшее на бумагу, на которой она набрасывала полныя любви слова. Письмо было отослано по почтѣ. Китти нарушила правила. Но, при данныхъ обстоятельствахъ, письмо къ отцу не было смертельнымъ грѣхомъ, за который Китти могла бы быть исключена, или попала бы въ большую бѣду. Мэри нужно было придумать что-нибудь поважнѣе. Она и придумала. Китти была очень сообщительнаго, открытаго характера и относилась по дружески ко всѣмъ. Она описывала всѣхъ своихъ знакомыхъ и друзей въ старой Ирландіи и между прочимъ постоянно говорила о своемъ двоюродномъ братѣ Джэкѣ.

Джэкъ О'Донованъ, двоюродный братъ Китти, былъ

однихъ лѣтъ съ ней. Онъ былъ хорошій мальчикъ и Китти любила его. Когда Китти поступила въ школу, она смѣло пошла къ начальницѣ и спросила ее, можетъ ли она переписываться со своимъ двоюроднымъ братомъ Джэкомъ. Миссисъ Шервудъ жаль было отказать дѣвочкѣ въ ея просьбѣ, но она твердо держалась своего мнѣнія.

— Я съ удовольствіемъ исполнила бы твою просьбу, моя милая, но не могу сдѣлать этого. Если въ школѣ узнають, что ты пишешь письма своему двоюродному брату, всѣ дѣвочки обратятся ко мнѣ съ такой же просьбой. Ты понимаешь, что этого нельзя позволить. Тогда я должна буду просматривать всѣ письма.

Китти безропотно покорилась желанію миссисъ Шервудъ.

— Я отлично понимаю это,—сказала она,—и буду сообщать Джэку о себѣ черезъ моего отца.

— Конечно, дорогая; ты можешь писать сколько угодно твоему отцу и я никогда не буду читать этихъ писемъ. Но ты должна обѣщать мнѣ разъ навсегда, что никогда не будешь вкладывать въ нихъ письма къ Джэку.

Китти обѣщалась и сдержала свое слово.

Теперь Мэри Куппъ пришло въ голову, что если бы ей удалось переслать Джэку О'Доновану письмо, будто бы написанное Китти, то этотъ злой, жестокій поступокъ могъ бы помочь ей повредить Китти и въ то же время исполнить задушевное желаніе Генріэтты. У Мэри была чуть не геніальная способность подражать почти каждому почерку такъ искусно, что едва можно было отличить отъ настоящаго. Эта способность была такъ замѣчательна, что отецъ не позволялъ ей дѣлать такихъ опытовъ, когда она была ребенкомъ, и за послѣдніе годы никто и не подозрѣвалъ, что у дѣвочки не пропала эта способность. Въ это утро Мери почувствовала, что наступило время воспользоваться ею.

Было ровно четыре часа. Солнце взошло, но прислуга еще спала. Мэри осторожно отворила дверь „празднич-

ной залы". Она подошла къ письменному столу Китти. Беззаботная Китти оставила ключъ въ замкѣ. Не сдѣлай она этого, Мэри не такъ легко удалось бы задуманное ею дѣло. Мэри сѣла, взяла одну изъ тетрадей Китти, развернула ее и тщательно скопировала почеркъ Китти. Замѣтивъ всѣ его особенности, Мэри начала писать письмо Джэку. Она разсказала ему обо всемъ, что произошло наканунѣ и выразила сожалѣніе, что его не было на праздникѣ. Потомъ написала, что считаетъ правила миссисъ Шервудъ насчетъ переписки очень глупыми и надѣется только на то, что они вознаградятъ себя разговорами на каникулахъ. Простодушная Китти никогда не написала бы такого письма. Оно должно было бы удивить и мальчика, которому оно было написано. Но написано оно было почеркомъ Китти на бумагѣ съ ея монограммой, подписано со свойственнымъ ей оригинальнымъ росчеркомъ и адресовано мастеру Джэку О'Доновану въ имѣніе отца Китти, гдѣ Джэкъ проводилъ большую часть времени. Написавъ письмо и положивъ марку, Мэри пошла въ прихожую, положила письмо въ почтовый ящикъ и вернулась наверхъ. Она прошла въ свою комнату, легла въ постель и уснула. Она проснулась, когда Матильда потрясла ее за плечо.

— Полли, что съ тобой? Какъ ты блѣдна, какой у тебя усталый видъ! Какъ? Ты уже встала? Ты одѣта?

— Да, я одѣта? Но, пожалуйста, Матти, не разсказывай объ этомъ. Вчера съ вечера я была такъ взволнована, что не могла уснуть. Я встала, одѣлась и сошла внизъ, не надолго. Слушайте, дѣвочки, что бы ни случилось, ни въ какомъ случаѣ не разсказывайте никому, что видѣли, какъ я лежала на кровати одѣтой. Вы слышите? Ни слова!

— Конечно, мы не станемъ разсказывать,—сказала Джэни.—Отчего ты говоришь это такъ сердито, Мэри?

— Я вовсе не сердита, милочка... право, не сердита. У меня болѣла голова утромъ. Ну, такъ какъ я одѣта,

то мнѣ нечего оставаться здѣсь. Я хочу поговорить съ Генріэттой.

— Молли!

— Что?

Выраженіе озабоченночти появилось на лицѣ Матильды.

— Молли, — повторила она, — вчера ты была мила, очень мила. Надюсь, что ты будешь такъ же мила и дальше. Съ тѣхъ поръ какъ ты подружилась съ Томасиной и Генріэттой, ты почти перестала быть сестрой мнѣ и Джэни.

— Развѣ я не говорила вамъ, глупыя дѣвочки, что я дѣлаю все для васъ... Не надоѣдайте мнѣ... Я не могу говорить теперь. У меня столько тревогъ. Я разскажу вамъ все на каникулахъ. А теперь пустите меня. Я должна поговорить съ Генріэттой.

— Она очень измѣнилась; стала какая то странная,— замѣтила Джэни, лѣниво начиная одѣваться.

Она чувствовала себя усталой послѣ веселаго возбужденія майскаго праздника и неохотно подчинялась обычнымъ школьнымъ порядкамъ.

Между тѣмъ Мэри поспѣшно прошла къ комнатѣ Генріэтты и постучалась въ дверь. Генріэтта сказала:— Войдите,—и Мэри вошла. Генріэтта лежала еще въ постели.

— Ты опоздаешь, Герри!—вскрикнула Мэри.

— Мнѣ все равно, опоздаю, или нѣтъ. Я такъ не въ духѣ сегодня.

— Бѣдная, бѣдная Герри! Это неудивительно послѣ того какъ поступили съ тобой.

— Вчера я какъ то забыла объ этомъ,—продолжала Генріэтта,—но ночью все видѣла во снѣ эту противную Китти и теперь чувствую, что прямо ненавижу ее. Подумать, что она получила такой медальонъ! Ну развѣ не красота? Что за форма! А надпись? И знаешь мы сразу не замѣтили, но когда она открыла медальонъ, тамъ внутри оказалась прелестная миніатюра, нарисованная миссисъ Шервудъ, а съ другой стороны прядь волосъ

миссисъ Шервудъ. Этотъ медальонъ—настоящая драгоцѣнность. И подумать, что онъ достался Китти О'Донованъ! Воображаю, что такое имѣніе ея отца! Въ первыя же каникулы она потеряетъ медальонъ въ какомъ-нибудь болотѣ. О, я съ ума схожу отъ зависти!

— Ну, на будущій годъ ты будешь королевой мая. Вотъ посмотри что будешь.

— Если даже буду, то миссисъ Шервудъ уже не подаритъ такого медальона. Она каждый годъ даритъ разные подарки королевамъ мая и никто не можетъ угадать, что это будетъ за подарокъ. Я не сомнѣваюсь, что она дастъ мнѣ множество противныхъ книгъ, а я люблю только что-нибудь фантастическое. Я нисколько не развита, вовсе не умна. Я желаю только одного: чтобы на меня обращали вниманіе и чтобы весь міръ былъ у моихъ ногъ. Міры бываютъ различные, Мэри. Теперь я хочу, чтобы у моихъ ногъ былъ школьный міръ. Я желаю... и не стѣсняюсь говорить тебѣ это.

— Генріэтта, а что, если я устрою?..

— Устроишь что? Что ты хочешь сказать?

— Что если у устрою такъ, что Китти будетъ лишена почестей и унижена?

— Я была бы страшно обязана тебѣ, если бы это удалось, но это невозможно. Видишь, Китти, хотя и безшабашная, но порядочная дѣвочка; ей и въ голову не придетъ сдѣлать какой-нибудь низкій, или недостойный поступокъ. Прямо ужасно подумать объ этомъ! Китти трудно поймать на чемъ-нибудь.

— Ты, значитъ, думаешь. что Китти никогда ничего не сдѣлаетъ потихоньку?

— Увѣрена, что нѣтъ.

— Ну а я знаю, что она сдѣлала кое-что потихоньку.

— Ты знаешь?

— Да, знаю.

— Мэри! Увѣрена ты въ этомъ?

— Вполнѣ.

— Мэри, ты сильно взволновала меня.

— Взволную еще больше... гораздо больше, только... Генріэтта, не правда ли, ты вѣришь, что я хочу оказать тебѣ услугу?

— Да, дорогая, маленькая Мэри. Томасина говоритъ, что ты одна изъ самыхъ милыхъ дѣвочекъ въ школѣ, потому что ты такая умная и безпристрастная.

— Конечно, я не пристрастна къ Китти. Какъ бы это могло быть иначе? По крайней мѣрѣ въ настоящее время. А вотъ что скажи—ты, вѣдь, богата?

— А какъ ты думаешь?

— Я полагаю, что такъ.

— Быть богатой неособенно весело. Бѣдные думаютъ, что богатымъ очень хорошо живется, но они ошибаются.

— О нѣтъ, быть богатой очень хорошо. Во всякомъ случаѣ я не отказалась бы помѣняться съ тобой.

— Ты говоришь такъ,—сказала Генріэтта,—но если бы дѣйствительно очутилась на моемъ мѣстѣ, то не нашла бы въ этомъ ничего восхитительнаго. Но о чемъ ты собственно говоришь? Что ты хочешь сказать?

— Сейчасъ скажу. У меня есть братъ — чудесный братъ. Его зовутъ Поль. Онъ мой старшій братъ. Онъ очень боленъ. Мнѣ тяжело говорить объ этомъ. Я не думаю, чтобы онъ поправился, но есть еще одна возможность. У отца и матери нѣтъ денегъ. Мать писала мнѣ вчера. Они пригласили мѣстнаго доктора. И онъ сказалъ, что брата надо свезти въ Лондонъ къ спеціалисту; у моихъ родныхъ нѣтъ денегъ на это. Они написали мнѣ, прося дать мои маленькія сбереженія. Я скопила двѣнадцать фунтовъ. Эти двѣнадцать фунтовъ лежали въ сберегательной кассѣ. Отецъ поставилъ условіемъ, что я не буду трогать этихъ денегъ.

Они должны были оставаться въ кассѣ, пока мнѣ не исполнится двадцати одного года. Отецъ очень строгъ и мы всѣ немного боимся его. Мамы никто не боится. Когда я узнала, что мы поступимъ сюда, я очень взвол-

новалась; деньги мнѣ понадобились, такъ какъ я знала, что многія изъ васъ богаты. Ну я и вынула деньги изъ сберегательной кассы. Отецъ и мать, понятно, не знаютъ, что я вынула эти деньги... что же мнѣ дѣлать... что дѣлать, Генріэтта? О, Генріэтта!

Говоря это, Мэри стиснула руки, наклонилась впередъ и жадно устремила глаза на лицо Генріэтты. Мэри Куппъ была совсѣмъ нехороша собой. Наружность у нея была самая обыденная, цвѣтъ лица блѣдный, черты лица неправильныя. Маленькіе глаза сидѣли глубоко. Волосы были неопредѣленнаго цвѣта, свойственнаго большинству людей. Они были не густы и не жидки, не вились, и лежали не совершенно прямо. Фигура у нея была тоже плохая. Все въ ней слишкомъ ясно говорило, что она никогда не доѣдала, всегда бывала плохо одѣта. Но несмотря на это, въ данную минуту въ Мэри было что-то, заставлявшее обратить вниманіе на нее. Страстное желаніе сердца выражалось въ ея маленькихъ, некрасивыхъ глазахъ. Даже Генріэтта съ удивленіемъ смотрѣла на нее.

Генріэтта, въ сущности, вовсе не любила Мэри, но она сразу замѣтила, что Мэри не глупа, не особенно разборчива въ средствахъ, что въ настоящую минуту она находится въ большомъ затрудненіи и что она, Генріэтта, можетъ воспользоваться ею для своихъ цѣлей, если захочетъ.

— Жаль, что ты истратила эти деньги, — сказала Генріэтта,—а двѣнадцать фунтовъ—большая сумма?

— Для тебя, вѣроятно, нѣтъ,—отвѣтила Мэри.—Генріэтта, хотѣла бы ты, чтобы исполнилось твое завѣтное желаніе?

— И хотѣла бы, и не хотѣла,—сказала Генріэтта.— Двѣ недѣли тому назадъ страшно хотѣла, но теперь первое мая прошло; черезъ нѣсколько дней этотъ праздникъ будетъ забытъ; наступятъ другія веселыя развлеченія, а затѣмъ и каникулы. Отецъ и мать всегда устраиваютъ такъ, что я великолѣпно провожу свое свободное время.

— Да, да; но тебѣ надо подумать о будущемъ годѣ.

— Это правда; но я полагаю, что меня выберутъ королевой мая безъ твоей помощи, Молли.

— Я вовсе не увѣрена въ этомъ. Ты забываешь о Клотильдѣ Фокстиль. Ты знаешь, что миссисъ Шервудъ очень гордится тѣмъ, что у нея есть ученица изъ Америки, а сама Клотильда такая веселая и забавная, что дѣвочки, почти навѣрно, выберутъ ее.

— Ну, это было бы очень несправедливо! — сказала Генріэтта. Щеки ея вспыхнули.—Однако, время летитъ. У тебя въ головѣ какой-то планъ, Мэри. Какой?

— У меня великолѣпный планъ. Я могу устроить такъ, что миссъ Китти О'Донованъ попадетъ въ страшную передрягу. Я одна знаю это—больше никто. Я могу доказать истину моихъ словъ и охотно докажу ее. Но, Генріэтта, ты...

— Да, ты подходишь къ дѣлу. Что же я должна сдѣлать?

— Дай мнѣ... дай мнѣ двѣнадцать фунтовъ, которые я взяла изъ сберегательной кассы.

Генріэтта опустилась на ближайшій стулъ.

— Какъ спокойно ты говоришь это,—сказала она.

— Я должна дать тебѣ двѣнадцать фунтовъ?

— То что я скажу тебѣ, стоитъ тридцати, или сорока фунтовъ для такой богатой дѣвушки, какъ ты, а я прошу только двѣнадцать.

— Я, конечно, могла бы дать тебѣ эти деньги. У меня какъ разъ столько.

— О, Герри... если бы ты дала! Герри, я готова умереть за тебя, если ты дашь!

— Но какъ я узнаю, что то, что ты откроешь мнѣ стоитъ такихъ денегъ? Не раскажешь ли ты мнѣ впередъ.

— Вотъ этого-то я и не желаю. Повѣрь мнѣ и тогда я разскажу тебѣ.

— Хорошо, будутъ деньги; обѣщаю тебѣ.

— Герри! Ты въ самомъ дѣлѣ сдѣлаешь это?

— Сдѣлаю; но ты должна поскорѣе разсказать мнѣ эту исторію.

Генріэтта подошла къ своему ящику, отперла его, достала кошелекъ и дала Мэри Куппъ двѣ бумажки по пяти фунтовъ и два соверена.

— Вотъ,—сказала она.—У меня теперь мало денегъ. И помни—берегись, если ты не поможешь мнѣ.

— Я сдержу свое слово, дорогая; сдержу. О, Генріэтта, какъ я люблю тебя!

— Мнѣ не нужно твоей любви,—сказала Генріэтта.—Мнѣ нужна твоя помощь. Я желаю, чтобы Генріэтта Вермонтъ была поставлена на должное мѣсто. Я хочу, чтобы съ дочерью одного изъ богатѣйшихъ людей Англіи обращались, какъ должно обращаться съ нею и чтобы этотъ маленькій бѣсенокъ, эта дикарка—ирландка, живущая въ такой дикой части Ирландіи, разъ навсегда узнала, что будетъ думать о ней впослѣдствіе свѣтъ.

— Всѣ твои желанія исполнятся, всѣ до одного, — сказала Мэри; голосъ ея дрожалъ. — Теперь я разскажу тебѣ все, что случилось.

— Пожалуйста. Намъ нельзя терять времени.

— Хорошо. Ну такъ вотъ: ты знаешь, что наша начальница требуетъ строгаго исполненія тѣхъ немногихъ правилъ, которыя она предписываетъ намъ?

— Да. Продолжай, Мэри.

— Не могу тебѣ сказать, какъ мнѣ было досадно въ послѣдній день апрѣля,—продолжала Мэри.—Ты помнишь, что у насъ былъ длинный разговоръ; послѣ этого я не могла заснуть и вышла въ садъ.

— Вѣдь это было противъ правилъ, — сказала Генріэтта.—Смотрите, не попадите сами въ бѣду, миссъ Мэри.

— Ну, никто не видалъ меня. Ты знаешь — моя спальня, въ которой я сплю вмѣстѣ съ Матти и Джэнъ, далеко отъ остальныхъ. Я вышла потихоньку и погуляла немного. Тогда то я и увидѣла какъ милая, при-

мѣрная маленькая Китти О'Донованъ сидѣла за столомъ и писала письмо.

Генріэтта замерла на своемъ мѣстѣ и пристально взглянула на Мэри.

— Да, она писала письмо. Думаю, что къ отцу. Конечно, я не знаю...

— Это все? Мэри, если это дѣйствительно все, я, право, попрошу тебя возвратить деньги.

— Но это не все, далеко не все. Я разскажу тебѣ, что случилось сегодня утромъ.

— Сегодня утромъ?

— Да, слушай внимательно. Миссисъ Шервудъ позволяетъ намъ писать родителямъ, она не читаетъ этихъ писемъ. Она позволяетъ намъ и получать письма отъ родителей безъ контроля. Она говоритъ, что даже учительницы не должны стоять между дѣтьми и родителями. Но всѣ другія письма должны быть просмотрѣны ею.

— Ну да, я знаю все это,—сказала Генріэтта.—У меня нѣтъ ни двоюродныхъ братьевъ, ни двоюродныхъ сестеръ, ни подругъ, которымъ я особенно хотѣла бы писать; а такъ какъ я единственный ребенокъ у моихъ родителей, то мнѣ некому писать кромѣ отца и матери. Продолжай, Молли; у тебя такой взволнованный видъ.

— Есть отчего быть взволнованной. Вчера вечеромъ я пришла къ себѣ въ комнату до смерти усталая и нашла на туалетѣ письмо отъ матери, адресованное на мое имя. Мнѣ не хотѣлось читать его. Мы очень бѣдны и мама въ своихъ письмахъ постоянно говоритъ о бѣдности, а это наводитъ на меня уныніе, и я рѣшила не читать письма до утра. Но я была одна въ комнатѣ; Матти и Джэнъ не пришли еще ложиться спать. Поэтому я открыла письмо моей бѣдной матери и прочла его—Герри! оно было ужасно—ужасно!

Если на землѣ есть существо, которое я люблю, то это Поль. Видишь, онъ старшій изъ всѣхъ насъ; я нисколько не похожа на него.

Онъ такой милый и очень красивъ собой. У него такіе большіе, красивые глаза, такая стройная фигура и такое благородное выраженіе лица. Онъ такой веселый и мужественный; когда я была маленькимъ, слабымъ ребенкомъ, онъ носилъ меня на плечѣ, хотя между нами небольшая разница въ годахъ. Но онъ былъ сильный мальчикъ, а я такая слабая. Мы всегда были страшными друзьями, — знаешь, товарищами. Мы разсказывали другъ другу всѣ наши секреты. И вдругъ ужасное письмо, въ которомъ говорится, что Поль боленъ — страшно боленъ. Онъ упалъ въ обморокъ, когда пріѣхалъ изъ школы; пришелъ докторъ, и докторъ сказалъ, что у него плохи легкія и что его нужно показать спеціалисту въ Лондонѣ — немедленно; немедленно, чтобы узнать, можно ли что нибудь сдѣлать. И мама просила меня дать двѣнадцать фунтовъ, а я истратила ихъ. Можешь себѣ представить въ какомъ я была состояніи: я не только не могла помочь моему дорогому Полю, но не могла открыть мамѣ причины этого, потому что отецъ поставилъ строжайшимъ условіемъ, чтобы я не брала, безъ его согласія, изъ сберегательной кассы ни одного пенни, пока мнѣ не исполнится двадцати одного года. Отецъ очень строгій человѣкъ. Онъ не похожъ на мать. Конечно, онъ очень добръ, но такъ точенъ. Я знаю, что если бы онъ узналъ все, онъ написалъ бы миссисъ Шервудъ, разсказалъ бы ей, что мнѣ нельзя довѣрять и просилъ бы позволенія прислать въ школу маленькую Сусанну вмѣсто меня.

— Я полагаю, — медленно проговорила Генріэтта, — что ты одна изъ дѣвочекъ, воспитывающихся на средства фонда. За тебя ничего не платятъ, не такъ ли?

Мэри покраснѣла, затѣмъ поблѣднѣла.

— Можетъ быть да, можетъ быть нѣтъ, — сказала она, — это не имѣетъ никакого значенія.

— Конечно, не имѣетъ, — сказала Геріэтта, — но я всегда думала, что это такъ.

Я думаю, что многія изъ насъ считаютъ, что вы всѣ три воспитываетесь на средства фонда.

Маргарита Лэнгтонъ также и, можетъ быть, Томасина Осборнъ. Жаль, по моему, что объ этихъ ученицахъ не говорится совершенно откровенно вмѣсто того, чтобы дѣлать какую то тайну изъ этого. Впрочемъ, это не касается нашего разговора.

— Не должно касаться,—сказала Мэри.—Я не знаю, воспитываюсь ли я на средства фонда, или нѣтъ. Я не могу сказать тебѣ этого.

— Хорошо, продолжай. Конечно, мнѣ жаль тебя. Всякій пожалѣетъ дѣвочку, у которой боленъ братъ. Но ты, конечно, поступила очень дурно, истративъ деньги. И я не понимаю, почему я должна помочь тебѣ.

— Узнаешь сейчасъ, если будешь имѣть терпѣніе, Герри.

— Ну, такъ продолжай: продолжай же.

— Я прочла это ужасное письмо, — продолжала Мэри, — и услышала, что дѣвочки идутъ по корридору; тогда я взобралась одѣтой на кровать и потушила лампу. Я не была въ состояніи видѣть, какъ онѣ будутъ смотрѣть на меня, и разговаривать съ ними. Я притворилась спящей и слышала ихъ восклицанія. Онѣ зажгли лампу, но не замѣтили, что я лежу подъ простынею въ платьѣ, которое было на мнѣ на праздникѣ. Онѣ легли и заснули. Но, ты понимаешь, что я не могла уснуть. Я была такъ несчастна. Наконецъ, я не могла вынести больше. Теперь слушай хорошенько, Генріэтта; начинается самое интересное: я встала и переодѣлась. Я не разбудила спящихъ; надѣла платье, которое теперь на мнѣ. Было очень рано—только четыре часа утра. Я рѣшила сойти внизъ въ „Праздничную залу", и взять какую-нибудь книжку, чтобы развлечься. Въ домѣ еще никто не вставалъ... такъ, по крайней мѣрѣ, думала я. Но когда я пріотворила дверь тихо—тихо такъ, что она не скрипнула, кого я увидѣла сидящей за своимъ сто-

ломъ? Китти О'Донованъ! Сердце у меня почти остановилось. Ты знаешь, какъ разъ у дверей стоятъ ширмы; я прокралась за нихъ безшумно, словно мышь, и встала неподвижно. Китти сидѣла за своимъ столомъ. Ни она, ни я не могли видѣть другъ друга. Я слышала только, какъ скрипѣло ея перо. Она писала очень быстро и рѣшительно, а я стояла и старалась догадаться, что такое она пишетъ.

Наконецъ, она встала и вышла изъ комнаты. Я думаю, она пошла за чѣмъ нибудь. Она не замѣтила меня, потому что ширмы скрывали меня. Когда она вышла изъ залы, я не могла удержаться, прошла на ципочкахъ по комнатѣ и увидѣла на ея столѣ толстое, запечатанное письмо съ адресомъ: „Мастеру Джэну О'Донованъ, имѣніе „Пикъ", Киллерней, графство Керри".

— О!—сказала Генріэтта.

— Да; вотъ, что я увидѣла. Я еле успѣла вернуться въ залу, когда она снова вошла въ комнату. Я думаю, она ходила за маркой. Потомъ она взяла письмо и вышла въ большую прихожую. Я прокралась за ней. Она меня не видѣла.

Я встала за большую статую Аполлона—ты знаешь, гдѣ она стоитъ—и увидѣла, что она бросила письмо въ почтовый ящикъ. Потомъ она, напѣвая что то, побѣжала наверхъ. Ну, это было довольно большое преступступленіе противъ нашихъ правилъ. Ты, какъ и я, навѣрно знаешь, что мастеръ Джэкъ О'Донованъ — троюродный братъ Китти и она очень его любитъ. Онъ проводитъ большую часть времени въ помѣстьѣ у ея отца. Когда она поступила къ намъ въ школу, она разсказывала всѣмъ, что очень просила миссисъ Шервудъ позволить ей писать Джэку, такъ какъ она привыкла всегда переписываться съ нимъ. Но миссисъ Шервудъ запретила ей это и сказала, что она никогда не должна писать Джэку; она можетъ посылать ему поклоны черезъ своего отца, но не только не можетъ писать ему, но

даже и вкладывать записки къ нему въ письма отца. Ну, а теперь она написала ему довольно таки длинное письмо и оно уже на пути къ мастеру Джэку О'Доновану, потому что письма изъ почтоваго ящика вынимаются въ семь часовъ утра. Вотъ намъ съ тобой и извѣстно кое-что объ этой удивительной королевѣ мая!

Что же намъ сдѣлать съ этимъ?

— Что въ самомъ дѣлѣ? — сказала Генріэтта. — Мэри, какъ все это необыкновенно, удивительно! Какъ ты умно открыла все это!

— Ну, ума тутъ нѣтъ особеннаго. Это была совершенная случайность. Я пришла за книгой. Единственное, что хорошо вышло — это то, что мнѣ удалось открыть дверь залы такъ тихо, что Китти не увидала меня. Письмо теперь на пути и она никакъ не можетъ отказаться, что нарушила правила школы. Не знаю, что выйдетъ изъ этого.

Генріэтта опустилась на стулъ рядомъ съ Мэри. — Я также не знаю, что можетъ случиться, — сказала она. — Но, я знаю одно.

— Что именно, Герри?

— Что ты, Мэри, должна сказать это

— Я? Что ты хочешь сказать?

— Да, ты должна. Ты должна пойти къ миссисъ Шервудъ и разсказать ей всю правду; не хорошо скрывать это отъ нея. Китти, можетъ быть, съумѣетъ объяснить свое поведеніе, а, можетъ быть, и нѣтъ. Миссисъ Шервудъ не любитъ сплетенъ, но, конечно, желаетъ знать о случаяхъ открытаго неповиновенія. Тебѣ лучше всего пойти къ ней во время рекреаціи и разсказать ей подробно все, что случилось.

— Это довольно непріятно. Не могла ли бы ты сдѣлать это, Генріэтта?

— Я! Я считаю, что моя роль окончена послѣ того, какъ я дала тебѣ двѣнадцать фунтовъ. Нѣтъ, ты должна сдѣлать это непремѣнно. Будь это другая дѣвочка, мы

могли бы постараться спасти ее, но я вовсе не намѣрена спасать миссъ Китти О'Донованъ. Она то—олицетворенная честность! Развѣ ты не слышала что говорила ей миссисъ Шервудъ вчера вечеромъ? Развѣ ты не слушала, когда она давала ей этотъ чудесный медальонъ и говорила ей о правдивости и искренности и о томъ, какъ она должна жить такъ, чтобы быть достойной другихъ королевъ мая.

Она то достойна! Благодарю тебя, Мэри. Ты, дѣйствительно разсказала мнѣ нѣчто нужное для меня. Я не скрываю, что довольна этимъ.

Я всегда знала, что она отвратительная дѣвченка. Тебѣ можно разсказать объ этомъ поступкѣ Китти, потому что никто не подумаетъ, что тебѣ хочется быть когданибудь королевой мая. Врядъ ли кто-нибудь изберетъ тебя на этотъ почетный постъ. Но если бы я вмѣшалаь въ дѣло, то это могли бы счесть за чувство злобы с моей стороны. Это вѣрно, Мэри. Отправь деньги и потомъ разскажи все подробно миссисъ Шервудъ.

— Я, думаю, что должна разсказать,—сказала Мэри.

— А теперь тебѣ нужно пойти къ себѣ и привести себя въ порядокъ. Ненужно, чтобы насъ видѣли разговаривающими другъ съ другомъ. Сегодня днемъ я не буду обращать вниманія на тебя, но вечеромъ приди ко мнѣ въ комнату и разскажи, что сказала тебѣ миссисъ Шервудъ.

VI. „Я не люблю Мэри Куппъ".

Письмо было отправлено. Мэри съ облегченіемъ написала нѣсколько строкъ:

„Милая, дорогая мама, я достала денегъ отъ одной изъ моихъ школьныхъ подругъ и потому не просила у миссисъ Шервудъ. Эта дѣвочка очень добра и богата, а

я могу уплатить ей дня черезъ два. Пожалуйста, напишите мнѣ какъ можно скорѣе, что Поль? Некогда писать больше. Ваша любящая, несчастная дочь

Мэри Куппъ.

P. S. Я не говорила Матильдѣ и Джэнъ про Поля, но скажу, если вы желаете".

Окончивъ письмо, которое она писала за своимъ столомъ въ „Праздничномъ залѣ", Мэри оглянулась вокругъ. Она раздумывала, кто изъ живущихъ въ школѣ былъ бы такъ добръ, чтобы пойти въ почтовое отдѣленіе, размѣнять монету въ два соверена и отправить письмо. Вдругъ она увидѣла миссъ Хонибенъ. Миссъ Хонибенъ была олицетворенная доброта. Она вошла въ залу въ хорошенькой шляпкѣ и кофточкѣ. На рукѣ у нея висѣла корзинка.

— Мэри, дитя мое,—сказала она,—отчего ты не съ другими? Черезъ полчаса начнутся занятія. Не надо утомляться послѣ вчерашнихъ волненій.

— Миссъ Хонибенъ, — сказала Мэри подходя къ учительницѣ и сжимая обѣ ея руки. — У меня большое горе. Мой братъ страшно боленъ. Я отсылаю матери очень важное письмо. Не идете ли вы въ село?

— Да, моя милая. Я только что собралась идти туда.

— Вотъ два соверена. Въ письмѣ есть еще деньги Я не хочу, чтобы шли разговоры объ этомъ Деньги. мои собственныя; я прошу васъ размѣнять эти два соверена для посылки и вложить ихъ въ письмо. Потомъ запечатайте его, отправьте по почтѣ и возьмите квитанцію. Сдѣлаете вы это?

— Да, мое бѣдное дитя. Ты блѣдна и какъ будто плакала.

— О, не говорите со мной объ этомъ; я не смѣю не должна поддаваться...

— Хорошо, дитя мое; не буду надоѣдать; дай мнѣ письмо, я отправляю его. Ты говоришь, что въ конвертѣ положены деньги?

— Да; а вотъ еще два соверена и шесть пенсовъ на квитанцію и марку.

— Понимаю, моя милая. Дай мнѣ деньги. А теперь иди и постарайся развлечься. Не надо терять надежды. Твой братъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, скоро поправится.

— Она не понимаетъ,— подумала Мэри.

Она пошла на воздухъ, на площадку для игръ. Навстрѣчу ей летѣла Китти. Бѣгущая по полянкѣ Китти напоминала собой граціозную ласточку, такъ быстры и легки были ея движенія. На головѣ ея не было шляпы; ея очаровательное личико сіяло счастьемъ.

— Ага, Молли!—сказала она.—Я не видѣла тебя сегодня. Ну какъ поживаешь, милая? У тебя видъ такой, какъ будто ты страшно устала.

— Я устала немного, Китти. Мнѣ бы хотѣлось... мнѣ бы хотѣлось остаться ненадолго одной.

— Нѣтъ, ты не останешься одна,—сказала Китти.— Я пройдусь съ тобой. Я часто видѣла папу въ унынiи и развеселяла его. Теперь я развеселю тебя. До начала занятій еще двадцать минутъ. Пойдемъ посмотрѣть на золотыхъ рыбокъ. Онѣ дѣйствительно великолѣпны.

Мэри казалось, славно ласковость и веселость Китти собираютъ горячіе уголья на ея голову. Она отдала бы все на свѣтѣ, чтобы быть подальше отъ милой дѣвочки, но Китти не отставала отъ нея. Ея веселый, нѣжный голосъ дъйствовалъ на Мэри, помимо ея воли, успокоительно.

— У всѣхъ насъ бываютъ свои заботы,—сказала Китти.—Я теперь думаю о моемъ милочкѣ папѣ и о Джэкѣ. Я такъ люблю Джэка. Вотъ весело будетъ поговорить съ нимъ, когда я вернусь домой на каникулы! Какъ бы онъ веселился вчера! А, вотъ Клотильда. Иди сюда и помоги мнѣ развеселить Молли. У бѣдной Молли припадокъ меланхоліи. Этого нельзя допускать. Клотильда,

я только что говорила Молли какъ мнѣ хотѣлось бы, чтобы Джэкъ былъ здѣсь вчера.

— Мнѣ просто загорѣлось видѣть твоего удивительнаго Джэка,—сказала американка.

— Ты не знаешь до чего мнѣ хочется видѣть его,—продолжала Китти.—О, вчера я чуть было не сошла съ ума; мнѣ такъ хотѣлось написать ему, но, понятно, я не могла сдѣлать этого, потому что это противъ правилъ.

— Это довольно жестоко, потому что онъ тебѣ все равно, что братъ,—сказала Клотильда.

— Да. Ну сегодня вечеромъ я напишу папѣ цѣлый томъ и онъ долженъ будетъ многое передать моему милому Джэку. Джэкъ теперь у насъ въ имѣнiи. Онъ проводитъ такъ большую часть времени. Онъ долженъ былъ уѣхать изъ школы, потому что тамъ началась корь. Вотъ почему онъ теперь въ нашемъ помѣстьѣ „Пикъ".

Китти болтала по обыкновенiю весело и почти безсвязно. Клотильда смѣялась и болтала о событiяхъ прошлаго дня, а Мэри съ каждой минутой чувствовала себя все болѣе стѣсненной и несчастной.

Наконецъ раздался звонъ большого колокола, дѣвочки собрались въ классѣ и начались обычные уроки.

Во время перемѣны, продолжавшейся четверть часа, маленькая Джэни подошла къ Матильдѣ.

— Я надѣюсь, что Мэри разскажетъ намъ теперь о томъ, что такъ тревожитъ ее,—сказала она.

— Вѣдь она обѣщалась сказать намъ во время перемѣны.

— Мэри уйдетъ разговаривать съ кѣмъ-нибудь, если мы не схватимъ быка за рога,—вскрикнула Матильда.—Я пойду сейчасъ же поговорить съ ней. Послушай, Молли!

— Да, Матильда.

— Развѣ ты не придешь поговорить съ Джэни и со мной, какъ обѣщала?

— Нѣтъ; мнѣ очень жаль; но сейчасъ не могу.

— Какая досада! Это просто стыдно! — крикнула Джэни.

Какъ разъ въ эту минуту Генріэтта, опираясь на руку Елизаветы Решлей, прошла мимо Мэри. Она взглянула на Мэри взглядомъ полнымъ значенія и вышла на полянку. Мэри, почти задыхаясь, обратилась къ mademoiselle de Courcy.

— Dites—moi, donc, mademoiselle, où est madame Sherwood? *)

— Je l'ai vue entrer dans la Blue Parlour, Mary **).

— Est—ce qu'on peut parler avec elle? ***)

— Mais oui, ma chère; mais il faut vous depêcher ****).

Въ это рѣшительное мгновеніе Мэри желала совсѣмъ другого отвѣта. Рекреація продолжится только четверть часа. Успѣешь ли она разсказать свою ужасную исторію въ этотъ промежутокъ? Она прошла по корридору и постучалась въ дверь голубой гостиной. „Войдите",— сказалъ пріятный голосъ миссисъ Шервудъ и Мэри вошла.

Миссисъ Шервудъ сидѣла за письменнымъ столомъ. Она отвѣчала на письма, полученныя съ утренней почтой. Мэри Куппъ особенно интересовала ее, какъ одна изъ дѣвочекъ, воспитывавшихся на средства фонда и какъ дочь ея бывшей гувернантки, хотя добрая миссисъ Шервудъ должна была сознаться, что въ самой Мэри не было ничего, что мало бы привлечь вниманіе. Она была вполнѣ незначительной и ни лаской, ни дисциплиной, ни воспитаніемъ нельзя было сдѣлать ее иной. Но даже и миссисъ Шервудъ не подозрѣвала, что въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ Мэри была далеко не ординарной дѣвочкой.

— Садись, милая,—сказала миссисъ Шервудъ.—Тебѣ, вѣрно, нужно поговорить со мной?

— Да, очень нужно. Я... я страшно несчастна.

*) — Скажите, пожалуйста, mademoiselle, гдѣ г-жа Шервудъ?
**) — Я видѣла, какъ она вошла въ голубую гостиную, Мэри.
***) — Можно поговорить съ ней?
****) — Да; но поторопитесь.

— Несчастна? Отчего, дитя мое?

— Мой братъ Поль боленъ.

— Твой братъ Поль? Милая Мэри, твой бѣдный, милый братъ? Когда ты узнала это?

— Я получила письмо вчера вечеромъ, съ послѣдней почтой, миссисъ Шервудъ. Я нашла его въ своей комнатѣ, когда пошла ложиться спать. Поль очень боленъ, отецъ и мать везутъ его къ доктору въ Лондонъ.—Глаза Мэри наполнились слезами.

— Не плачь, милое дитя. Твой отецъ и мать сдѣлаютъ для него все что можно. Будемъ надѣяться, что старанія ихъ увѣнчаются успѣхомъ. Не падай духомъ, милая. Мнѣ очень жаль тебя. Я напишу твоей дорогой матери.

— Миссисъ Шервудъ, я пришла сюда по... по ужасному дѣлу.

— Насчетъ твоего милаго брата?

— Нѣтъ, вовсе не о немъ...

— Такъ о чемъ же, Мэри?

— Вы желаете, чтобы—по правиламъ школы—дѣвочка, увидавшая, что другая оказываетъ непослушаніе, сообщила объ этомъ не всѣмъ товаркамъ, или кому-нибудь изъ учительницъ, но прямо вамъ. Не правда ли?

— Зачѣмъ это спрашивать, Мэри? Я не выношу сплетенъ, или злословія, но желаю, чтобы мнѣ сообщали о случаяхъ явнаго непослушанія, чтобы я могла дѣйствовать немедленно и такимъ образомъ прекратить зло въ зародышѣ. Насколько возможно, я скрываю, кто сообщилъ мнѣ объ этомъ.

— Мнѣ все равно, будетъ это скрыто, или нѣтъ,—сказала Мэри.—Но я должна передать вамъ нѣчто... нѣчто очень печальное.

— Ну говори... и поскорѣе, потому что у насъ мало времени.

— Я сошла сегодня внизъ, въ „Праздничную залу“, чтобы взять книгу, такъ какъ не могла спать, думая о Полѣ

— Это было тоже не совсѣмъ по правиламъ, милая Мэри, но въ данномъ случаѣ и такъ, какъ ты сама призналась въ этомъ—я прощаю тебя.

Мэри повторила въ точности все, что разсказывала Генріэттѣ.

— И ты видѣла, что она опустила письмо? ты пошла въ прихожую?

— Да, пошла; я стояла за статуей Аполлона.

— И была сильно удивлена?

— Да, потому что знала, что вы навсегда запретили Китти писать отсюда ея двоюродному брату Джэку О'Доновану.

— А! Ты знала это?

— Да.

— Это все, что ты имѣешь сказать?

— Да.

— Ты можешь идти, Мэри. Пожалуйста, не говори никому изъ своихъ подругъ о томъ, что разсказала мнѣ. Если мнѣ будетъ нужно, я пришлю за тобой. Иди... Я тороплюсь.

Мэри вышла. Когда за ней закрылась дверь, миссисъ Шервудъ закрыла лицо руками и слегка вздрогнула.

— Что это значитъ?—сказала она себѣ. Потомъ прибавила, послѣ глубокаго раздумья, съ большой горячностью:—Хотя она и дочь Матильды, я не люблю Мэри Куппъ.

Занятія шли въ этотъ день своимъ обычнымъ ходомъ. За исключеніемъ Мэри Куппъ всѣ дѣвочки были въ отличномъ настроеніе духа. Китти, никого не боявшаяся, казалась самымъ беззаботнымъ существомъ на свѣтѣ.

Послѣ полудня миссисъ Шервудъ вышла къ своимъ ученицамъ. День былъ чудесный и потому рѣшили пить чай на лужайкѣ. Миссисъ Шервудъ наблюдала за Китти. Ей казалось, что она видитъ какое то сіяніе на ея лицѣ. Это сильно удивляло ее. Потомъ она взглянула на Мэри Куппъ. Мэри, очевидно, скрывала что то. Мэри казалась

какъ то странно, непонятно унылой. Миссисъ Шервудъ старалась доказать себѣ, что это унынiе вызвано состоянiемъ здоровья Поля. Она знала, что вся любовь матери сосредоточена на ея чудесномъ сынѣ—перь яцѣ. Она сочувствовала миссисъ Матильде [illegible]. Раздумывая обо всемъ этомъ, она невольно удивиласъ какъ у Матильды—въ свое время откровенной, доброй, милой дѣвушки—могла быть такая дочь, какъ Мэри. Въ дѣйствительности Мэри походила лицомъ на отца, а характеромъ на одного изъ предковъ мистера Куппа, бывшаго черной овцой въ своей семьѣ. Это былъ братъ дѣда Мэри.

Въ настоящее время его уже не было на свѣтѣ. Про него обыкновенно говорили:—Бѣдный малый. Онъ велъ плохую жизнь,—но никто не сообщалъ подробностей его поведенiя.

Китти быстрымъ движенiемъ, напоминавшимъ полетъ ласточки, подошла къ миссисъ Шервудъ.—Я набрала для васъ эти незабудки,—сказала она и положила цвѣты на колѣни начальницы. Выраженiе глубокой привязанности сверкнуло въ ея прекрасныхъ глазахъ. Вдругъ она опустилась на колѣни и взяла руку миссисъ Шервудъ.—Я люблю васъ!—продолжала она.

— Я никогда, никогда не забуду вчерашняго дня и всего, что случилось, и вашихъ словъ, и какъ вы были добры ко мнѣ. Я никогда не забуду—никогда.

Глаза ея наполнились искренними слезами. Прежде чѣмъ миссисъ Шервудъ успѣла отвѣтить ей, она уже улетѣла разговаривать съ одной изъ подругъ. Всѣ требовали Китти. Конечно, она не была уже королевой мая, но, безъ сомнѣнiя, оставалась любимицей школы. Генрiэтта, нахмурясь, наблюдала за ней. Она взглянула на Мэри, но Мэри избѣгала оставаться наединѣ съ ней. Мэри была очень смущена поведенiемъ миссисъ Шервудъ. До настоящаго времени она, очевидно, ничего не предприняла; а Мэри необходимо было нужно принести какiя-нибудь извѣстiя Генрiэттѣ, когда она пойдетъ къ

ней вечеромъ. Она была такъ взволнована и нервна, что не могла съ удовольствіемъ напиться чаю. Сестры замѣтили отсутствіе у нея аппетита и одна изъ нихъ сказала другой:

— Право, Молли съ каждой минутой становится все страннѣе и непохожей на себя.

По окончаніи чая дѣвочки обыкновенно проводили веселый часъ въ саду, если погода была хороша, или въ „Праздничной залѣ“, если она была дурна. Никто не требовалъ отъ нихъ отчета, какъ онѣ проводили этотъ часъ. Онѣ могли разговаривать другъ съ другомъ; могли даже—вдвоемъ—ходить въ село за покупками или по какимъ-нибудь своимъ дѣламъ, испытывая при этомъ чувство свободы. Миссисъ Шервудъ заботилась о томъ, чтобъ ея ученицы были нѣсколько знакомы съ реальной жизнью—т. е. настолько, насколько могутъ ее знать школьницы. Живя въ Мербери-сквэрѣ, миссисъ Шервудъ не могла отпускать ихъ безъ учительницы; въ Мертонъ-Гебльсѣ—совсѣмъ иное дѣло.

Село состояло изъ длиннаго ряда домовъ. Оно находилось менѣе чѣмъ въ полумилѣ отъ школы и идти къ нему можно было все время по цвѣтущимъ тропинкамъ между изгородями. Чувство свободы, испытываемое дѣвочками, когда онѣ ходили въ село Мертонъ, было однимъ изъ главныхъ наслажденій ихъ пребыванія въ Мертонъ-Гебльсъ.

Въ этотъ день Генріэтта, Елизавета и Клотильда Фокстиль отправились въ Мертонъ. Имъ нужно было купить почтовыя марки и еще болѣе хотѣлось поговорить о вчерашнихъ событіяхъ. Клотильда и Елизавета были въ неистовомъ восторгѣ отъ Китти. Онѣ восхваляли ее до небесъ. Генріэтта слушала ихъ съ мукой въ сердцѣ. Она не смѣла даже намекнуть о мысляхъ, занимавшихъ ея умъ. Поэтому она сдѣлала большое усиліе, чтобы присоединиться къ гимну похвалъ, вылетавшихъ изъ устъ дѣвочекъ.

— Она будетъ самымъ прекраснымъ созданіемъ на свѣтѣ—поразительно красивой ирландкой,—сказала Елизавета Решлей.—Я часто думаю, какова она будетъ черезъ нѣсколько лѣтъ. Думаю о ней, когда ее будутъ представлять ко двору и когда она будетъ невѣстой.

— Ты забываешь,—сказала Генріэтта,—что, несмотря на несомнѣнное очарованіе лица Китти и ея манеръ, она чрезвычайно бѣдна. Я не сомнѣваюсь, что она выйдетъ замужъ такъ, какъ она—какъ вы говорите—хорошенькая.

— Можетъ быть, она выйдетъ за своего двоюроднаго брата Джэка,—сказала Клотильда.—То то было бы весело!

Генріэтта разсмѣялась. Въ смѣхѣ ея было что то злое такъ, что Клотильда обернулась и посмотрѣла на нее.

— Герри,—внезапно проговорила она,—мнѣ кажется, если бы я могла заглянуть вглубь твоего сердца, то увидѣла бы тамъ неособенно нѣжныя чувства къ нашей милой Китти. Не понимаю, почему ты не любишь ея.

— Ты не имѣешь права такъ говорить,—отвѣтила Генріэтта.—Я очень люблю ее, но должна сказать, что всякая слишкомъ захваленная дѣвочка можетъ многихъ возбудить противъ себя. Вы производите слишкомъ много шуму вокругъ Китти.

— Ну вотъ, мы и пришли въ село,—сказала Елизавета.

Дѣвочки покончили со своими покупками, простояли нѣсколько минутъ у оконъ лавокъ, обсуждая вопросъ о возможности купить яркія ленты, выставленныя въ мануфактурномъ магазинѣ, и потомъ пошли домой.

Между тѣмъ въ Мертонъ-Гебльсѣ происходили иныя событія. Послѣ чая дѣвочки разсѣялись во всѣ стороны. Мэри Куппъ хотѣла послѣдовать ихъ примѣру, но миссисъ Шервудъ положила руку на ея плечо.

— Мэри, милая, я должна поговорить съ тобой.

— Хорошо, миссисъ Шервудъ. Что вы желаете?

— Пойдемъ со мной въ домъ, моя милая.

Мэри повиновалась съ удивленіемъ и нѣкоторымъ страхомъ. Онѣ вошли въ домъ и миссисъ Шервудъ направилась къ голубой гостиной.

— Закрой дверь, Мэри.

Дѣвочка исполнила приказаніе.

— Милая Мэри, я много думала о тѣхъ печальныхъ новостяхъ, которыя ты принесла мнѣ сегодня утромъ. Въ случаяхъ подобнаго рода—къ счастью, мнѣ очень рѣдко приходится слышать о нихъ—я считаю поспѣшность излишней. Въ особенности мнѣ не хочется дѣйствовать быстро, когда дѣло идетъ о Китти О'Донованъ.

Я знала ея отца и ея милую мать, которая уже давно умерла. И Китти я знаю съ тѣхъ поръ, какъ она была маленькимъ ребенкомъ.

Я хочу поступить вполнѣ справедливо какъ въ отношеніи ея, такъ и школы. Я питаю глубокую привязанность къ Китти, очень глубокую. Въ ней есть что то особенно привлекательное и прекрасное. Она вполнѣ дитя природы. Мнѣ никогда не приходилось встрѣчаться съ такимъ непосредственнымъ ребенкомъ, думающимъ при этомъ болѣе о другихъ, чѣмъ о самой себѣ. То что она могла дойти до такого недостойнаго поступка смущаетъ и невыразимо огорчаетъ меня.

— Она сдѣлала это, миссисъ Шервудъ.

— Да, Мэри. Ты говоришь, что видѣла ее. Я не имѣю никакого основанія не довѣрять твоимъ словамъ. Вѣдь у тебя не могла быть какой-нибудь цѣли, чтобы придти ко мнѣ съ ложнымъ обвиненіемъ противъ одной изъ твоихъ товарокъ.

— Никакой, никакой. Какая могла быть у меня цѣль? Меня самое огорчаетъ это.

— Я вижу, что ты очень несчастна, дитя мое. Я не знала, что ты такъ дружна съ Китти.

— Боюсь, что не это причина моей грусти,—сказала Мэри,—а болѣзнь брата. Я безпрестанно думаю о немъ.

— Конечно, милая, конечно. Я хочу сегодня же вечеромъ написать твоей матери и если я чѣмъ-нибудь могу помочь ей—относительно денегъ, или чего-нибудь въ этомъ родѣ, то дорогая Матильда знаетъ, что я въ ея распоряженіи. Я никогда не забуду, какъ добра была она ко мнѣ, когда я была маленькимъ, капризнымъ ребенкомъ. Ахъ, Мэри, ты, навѣрно, не можешь себѣ представить твоей почтенной воспитательницы капризнымъ ребенкомъ? Но, увѣряю тебя, что это было такъ. Ну, моя милая, во время чая я наблюдала за всѣми вами и замѣтила, что ты была чрезвычайно печальна и разсѣяна, а Китти О'Донованъ удивительно весела и радостна.

— Боюсь... сказала Мэри.

— Да, моя милая, ты боишься. Чего?

— Что... что Китти изъ тѣхъ, что не бываютъ чувствительны.

— Ты не имѣешь права говорить это, Мэри Куппъ. Она чрезвычайно чувствительна и потому то меня и удивляетъ необыкновенно веселое настроеніе ея духа. Никто въ школѣ не знаетъ про то, что ты разсказала мнѣ, милая Мэри?

Мэри покраснѣла.—Никто,—сказала она.

— Ты увѣрена въ этомъ, Мэри?

— Увѣрена.

— Это успокаиваетъ меня. Я рада, что ты одна знаешь про это. Такъ мнѣ будетъ легче дѣйствовать.

— Я одна, одна я знаю это; я могу увѣрить васъ въ этомъ.

— Мэри, я должна просить тебя... я хочу взять съ тебя торжественное обѣщаніе. Ты не должна говорить объ этомъ случаѣ никому изъ своихъ школьныхъ товарокъ, ни своимъ сестрамъ, никому—даже ни одной изъ учительницъ въ школѣ. Ты сказала мнѣ и безъ моего разрѣшенія не можешь говорить никому.

— Увѣряю васъ, не буду. Я не скажу никому.

— Ты можешь понять, милая Мэри, что я отъ души желаю поступить честно и справедливо въ этомъ дѣлѣ. Я должна имѣть въ виду будущее не одной Китти, но и всей школы.

Я не желаю выказывать особаго снисхожденія къ Китти на томъ основаніи, что люблю ее, но все же думаю, что могу дать ей одинъ шансъ.

— Да, миссисъ Шервудъ; какой же?

— Если она сознается мнѣ въ своемъ проступкѣ и выкажетъ искреннее раскаяніе, я думаю, что въ этомъ случаѣ, я могу наказать ее тайно; ты одна будешь знать это, а школѣ не придется видѣть униженія своей королевы мая. Развѣнчаніе королевы мая—вещь ужасная. У меня былъ одинъ такой случай—онъ разбилъ мнѣ сердце—я не могу говорить о немъ. Но именно ради этой дѣвочки я хочу быть особенно добра къ милой Китти. По этому, Мэри, отыщи ее сейчасъ же. Скажи ей прямо, что случилось сегодня утромъ и попроси ее придти ко мнѣ. Скажи ей, что если она сознается, я не буду слишкомъ строга къ ней. Иди, дитя мое, и если тебѣ удастся привести ее или прислать ко мнѣ съ раскаяніемъ въ душѣ, я буду благодарна и буду любить тебя, Мэри Куппъ.

Нельзя было найти болѣе трудной задачи для Мэри Куппъ чѣмъ та, которая такъ неожиданно выпадала на ея долю.

— Я сдѣлаю все, что могу,—медленно проговорила она.—Но... но... если мнѣ не удастся?

— Конечно, Мэри, ты сдѣлаешь все, что можешь. Тебѣ нужно только быть простой, откровенной и твердой.

— Она подумаетъ, что съ моей стороны странно было прятаться за ширмы,—отвѣтила Мэри.

— Безъ сомнѣнія, подумаетъ; но ты должна перенести эту непріятность. Съ твоей стороны, Мэри, было бы гораздо прямѣе сразу выйти и поговорить съ Китти. Ты могла бы предупредить посылку письма и этотъ ужасный случай неповиновенія не имѣлъ бы мѣста.

— Миссисъ Шервудъ, вы даете мнѣ страшную задачу. Я не знаю какъ исполнить ее.

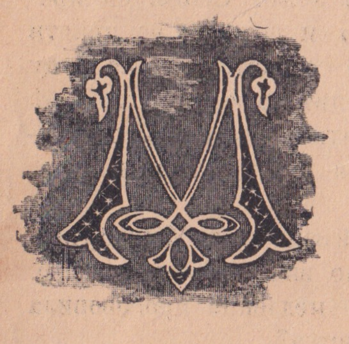
— Но, я считаю, что ты должна сдѣлать это. Боюсь, что я должна принудить тебя сдѣлать это.

— Я желала бы, чтобы вы не заставляли меня, — сказала Мэри.

— Ободрись, милая. Сдѣлай все, что можешь. Будь кротка и ласкова. Я буду ждать Китти въ этой комнатѣ впродолженіи часа. Если тебѣ удастся—помни отъ чего ты спасешь королеву мая—да и школу. Сдѣлай все, что можешь, Мэри, и поскорѣе, дорогая.

Мэри медленно вышла изъ комнаты.

V. Мэри Куппъ обвиняетъ Китти.



Мэри Куппъ была совершенно подавлена страшной, неожиданной задачей, возложенной на нее.

— Что мнѣ дѣлать? — говорила она себѣ. — Право, мнѣ кажется, что я сойду съ ума!— Она медленно и печально вышла въ садъ. — Мнѣ кажется, я съ каждой минутой становлюсь все хуже и хуже, — тихо пробормотала она. — Не понимаю, что дѣлается со мной. Никогда не думала, что я дойду до чего-нибудь подобнаго. Какую ужасную исторію я придумала — какое ужасное письмо написала! А какъ я налгала миссисъ Шервудъ, сказавъ, что не разсказывала никому изъ дѣвочекъ! А теперь я должна говорить съ Китти... Боже мой, Боже мой!

Мэри дрожала съ головы до ногъ. Она шла по одной изъ хорошенькихъ дорожекъ, расходившихся во всѣ сто-



Мнѣ нужно сказать тебѣ, что то Китти.

роны по саду въ Мертонъ-Гебльсъ, когда вдругъ увидѣла шедшую ей навстрѣчу Китти. Китти несла цѣлую корзину подснѣжниковъ. сорванныхъ ею для больной дочери привратника. Дѣвочку звали Анни и она страдала болѣзнью спины. Она не могла ни бѣгать, ни играть, какъ другія дѣти и принуждена была всегда лежать на спинѣ. Она могла смотрѣть на полевые цвѣты, но была лишена наслажденія срывать ихъ.

Она очень подружилась съ Китти. Не проходило ни одного дня безъ того, чтобы Китти не заходила поболтать съ Анни, посмѣяться съ ней, оказать ей какую-нибудь маленькую услугу. Когда Китти увидѣла Мэри, она сказала.

— Мэри, мнѣ сказали, что у тебя боленъ братъ. Мнѣ жаль его. Боже мой! если бы что-нибудь случилось съ нашимъ Джэкомъ, я думаю, я сошла бы съ ума. Бѣдная Мэри! Надѣюсь, твоему брату скоро станетъ лучше. Ну, не красивы ли эти подснѣжники! Я несу ихъ въ привратницкую милой маленькой Анни. Миссисъ Уолкеръ говоритъ, что она такъ любитъ полевые цвѣты. Не пойдешь ли со мной, Мэри? Я думаю, тебѣ было бы пріятно видѣть Анни. Она такая хорошенькая, миленькая дѣвочка. Она разсказала мнѣ, что думали бѣдняки о вчерашней королевѣ мая.

— Какая ты тщеславная, Китти!—вскрикнула Мэри, плохо сознавая, что она говоритъ.

— Неужели съ тебя еще недостаточно лести?

— Но я не слышала никакой лести, — сказала Китти, подымая свои глубокіе сѣрые глаза и пристально смотря на Мэри.

— Никакой лести! Я никогда не видѣла, чтобы за дѣвочкой такъ ухаживали и баловали ее.

— О, да, да, — сказала Китти. — Всѣ были удивительно ласковы со мной; но вѣдь не назовешь же ты это лестью? Я думаю, что они говорили это искренне. Мнѣ кажется, вчера я дѣйствительно была очень хоро-

шенькая, не правда ли? Мнѣ и въ голову не приходило, что тѣ, кто говорилъ мнѣ это, думали иначе.

— Конечно, говорили и люди, которые не думали этого, глупенькая Китти! Вчера, по нѣкоторымъ замѣчаніямъ, ты могла вообразить себя самымъ красивымъ существомъ на свѣтѣ.

— Вчера я казалась очень красивой и нисколько не горжусь этимъ. Я думаю, что, то былъ прекрасный, милосердый даръ Бога! я была красива и прове лачудный день. Зачѣмъ ты говоришь это и почему ты такъ странно смотришь на меня, Мэри?

— Мнѣ нужно тебѣ сказать кое-что, Китти... я должна сказать это, хотя тебѣ будетъ больно. Я знаю, что сама поступила дурно, но все же не такъ дурно, какъ ты. Я признаюсь, что я сдѣлала. О, Китти, ты исполнишь ея желаніе, неправда ли?

— Исполню ея желаніе? А ты поступила дурно, но не такъ дурно, какъ я? Что ты хочешь сказать?

Китти была очень горячая дѣвочка. При возбужденіи глаза ея становились темными, какъ ночь. Смѣлый вызовъ, негодованіе сверкали въ ея глазахъ. Трусость была несвойственна Китти О'Донованъ.

Въ настоящую минуту она была только поражена и стояла неподвижно, пристально смотря на свою товарку.

— Я разскажу тебѣ что случилось,—сказала Мэри.— Я не могла уснуть послѣ того, какъ получила отъ матери ужасное письмо и... я сошла внизъ въ „Праздничную залу“, чтобы взять книгу. Было четыре часа утра. Я отворила дверь тихонько, такъ, чтобы никого не потревожить. Когда я вошла, то увидѣла тебя. Ты сидѣла за твоимъ письменнымъ столомъ...

— Боже милосердый! Ты... ты увидѣла меня — ты увидѣла *меня*, Мэри!

— Да, увидѣла, Китти, и ты не можешь отпереться отъ этого. Ты писала. Я не стала мѣшать тебѣ и спряталась за ширмы и я слышала, какъ ты писала, очень быстро и...

— Продолжай... продолжай! Никогда въ жизни не слыхала ничего подобнаго! — сказала Китти. — Пожалуйста, продолжай.

— Ты писала очень быстро и написала длинное письмо; потомъ ты вышла изъ комнаты — я думаю, за маркой — и когда тебя не было, я поступила низко. Я подошла къ твоему письму и прочла адресъ на письмѣ. Письмо было адресовано мастеру Джэку О'Донованъ, „Пикъ“ Киллерней, графство Керри. Ты вернулась и наклеила марку; я видѣла, какъ ты опустила письмо въ почтовый ящикъ въ корридорѣ и потомъ побѣжала наверхъ.

— И ты въ самомъ дѣлѣ вѣришь, что я сдѣлала это?

— Ты сдѣлала это, Китти. Я видѣла тебя.

— Мэри! Что за вздоръ ты говоришь! Я вовсе не вставала съ постели, никогда не писала этого письма. Я устала до смерти и крѣпко спала всю ночь. Ты говоришь самыя нелѣпыя безсмыслицы. Въ этомъ нѣтъ ни слова правды—ни слова!

— Я боюсь, Китти, что тебѣ безполезно отпираться. Я видѣла тебя и думаю, что, со временемъ, ты узнаешь, что твой двоюродный братъ получилъ это письмо. Какъ бы то ни было, по правиламъ школы, я чувствовала себя обязанной разсказать все миссисъ Шервудъ...

— О, Мэри! Ты почти свела меня съ ума!

Китти бросила корзину съ подснѣжниками и встала прямо передъ Мэри.

— Подумать только, что ты пришла сюда, чтобы сказать мнѣ такую ложь! Потому что вѣдь это ложь, Мэри, Мэри! Я не могу понять тебя!

— Я должна была сдѣлать это. Я вовсе не хотѣла. Миссисъ Шервудъ не хочетъ наказывать тебя такъ, чтобы всѣ знали. Она такъ любитъ тебя и говоритъ, что ужасно развѣнчать королеву мая. Такой вещи никогда не дѣлаютъ; по крайней мѣрѣ... по крайней мѣрѣ это было только разъ; миссисъ Шервудъ помнитъ этотъ

случай. Она хочетъ, чтобы ты пришла къ ней и сказала, что сожалѣешь и раскаяваешься—вотъ и все. Пожалуйста, поди къ ней, Китти.

— Да, я пойду, — сказала Китти. Не трогай этихъ цвѣтовъ. Анни придется оставить на сегодня. Оставь меня, ради Бога! Уйди; я не хочу говорить съ тобой.

Мэри наблюдала за Китти, которая медленно шла къ дому. Походка дѣвочки совершенно измѣнилась. Головка съ красивыми кудрями была слегка наклонена впередъ; руки крѣпко стиснуты.

— Что я съ ума сошла — или вижу это во снѣ— что же это такое?—думала бѣдная дѣвочка.

Черезъ минуту она стучалась въ дверь комнаты миссисъ Шервудъ. Сердце миссисъ Шервудъ забилось отъ радости при этомъ стукѣ. Увидѣвъ личико Китти, она обернулась съ улыбкой.

— А, моя милая Китти! — сказала она.—Я такъ и думала, что ты не долго выдержишь. Мэри Куппъ говорила съ тобой и ты пришла ко мнѣ. Ты пришла сказать, какъ глубоко, страшно ты огорчена. Подойди ко мнѣ, дорогая. Вотъ такъ! О, дитя мое, дитя мое! Мое милое, дорогое дитя!

— Но... миссисъ Шервудъ,—сказала Китти.

— Да, милая; ты объяснишь, ты все разскажешь мнѣ. Вчерашнія событія вскружили тебѣ голову; и не удивительно, дорогая. Я готова... готова простить. Только скажи мнѣ, что искренне сожалѣешь о случившемся и я не буду жестока къ тебѣ и никто, кромѣ Мэри Куппъ, не узнаетъ объ этомъ.

— Но... но... дорогая миссисъ Шервудъ!..

Дѣвочка бросилась на колѣни передъ начальницей и схватила мягкія руки миссисъ Шервудъ. Она сжала ихъ въ своихъ рукахъ и взглянула въ лицо ей.

— Вы велѣли Мэри Куппъ сказать мнѣ эти слова?

— Я велѣла Мэри Куппъ отыскать тебя, сказать, что она видѣла, что ты дѣлала и попросить тебя придти ко

мнѣ какъ можно скорѣе. Она видѣла тебя; неправда ли, моя милая?

— Видѣла. Я рвала подснѣжники. Она мнѣ казалась грустной весь день; я не понимала, почему.

— Она тревожится о своемъ братѣ, дорогая.

— Но, миссисъ Шервудъ, теперь намъ надо оставить брата Мэри въ сторонѣ. Она сказала мнѣ, что я написала письмо Джэку, что я рано утромъ пошла въ „Праздничную залу“, сидѣла тамъ, написала длинное письмо Джэку и отправила его по почтѣ. Но, дорогая миссисъ Шервудъ, я ничего этого не дѣлала.

— Китти!

— Я не дѣлала этого, миссисъ Шервудъ; я не писала никакого письма. Я навѣрно помнила бы это. Я не вставала съ постели. Я крѣпко спала всю ночь. Я не писала никакого письма. Я не могу раскаяваться въ томъ, чего не дѣлала. Я знаю, что я очень необузданная и, можетъ быть, дерзкая — у меня куча недостатковъ. Папа говоритъ, что я полна ими, хотя онъ такъ любитъ меня. Но я не стану нарушать разъ установленныхъ вами правилъ. Я нарушила одно и пришла сказать вамъ. Я написала очень короткое письмо папѣ въ моей спальнѣ 30-го апрѣля; мнѣ такъ хотѣлось выразить ему мой восторгъ. То, что я писала въ такое время — противъ правилъ. Пожалуйста, простите меня за *это* письмо. Но, дорогая, *я не писала никакого другого* — право, не писала. Мнѣ часто хотѣлось написать милому Джэку, потому что онъ мнѣ все равно, что родной братъ, но я не дѣлала того, въ чемъ меня обвиняетъ Мэри.

— Китти, ты совершенно сбила меня съ толку.

— Вы должны повѣрить мнѣ, дорогая. Вы не можете повѣрить хоть на минуту, что ваша королева мая захочетъ такъ опозорить васъ, себя и всю школу.

— Милое, милое дитя! Присядь на минуту, Китти. Дай мнѣ подумать.

Китти сѣла. Черезъ нѣсколько минутъ она нѣсколько тревожно взглянула на миссисъ Шервудъ.

— Вы, конечно, не сомнѣваетесь во мнѣ? — спросила она.

— Думаю, что нѣтъ, Китти; но весь вопросъ становится очень затруднительнымъ. Какое могло быть побужденіе у Мэри Куппъ, чтобы обвинить тебя въ этомъ проступкѣ?

— Я не знаю. Каково бы ни было ея побужденіе— я этого не дѣлала. Пожалуйста, скажите, что вы вѣрите, что я этого не дѣлала!

— Я, конечно, готова повѣрить тебѣ, Китти; но если я повѣрю тебѣ, то подумай, въ какое ужасное положеніе я поставлю Мэри Куппъ: неужели она хоть на одно мгновеніе могла выдумать такую исторію насчетъ одной изъ своихъ товарокъ и придти съ ней ко мнѣ?

— Ну,—сказала Китти,—дѣло очень просто. Если я написала письмо и послала его, то Джэкъ долженъ получить его черезъ два дня. Единственное, что я могу придумать—это дать телеграмму Джэку или отцу, чтобы узнать, получено ли мое письмо. Погодите. Я отлично знаю всѣ почтовые порядки. Почта ушла отсюда половина седьмого утромъ. Она придетъ въ Лондонъ и оттуда къ намъ послѣ завтра. Джэкъ получитъ мое письмо послѣ завтра съ первой почтой. Это разрѣшитъ вопросъ, не правда ли?

— Ты очень умна, Китти. Конечно, это будетъ разрѣшеніе всѣхъ недоразумѣній. Отчего я раньше не подумала объ этомъ! Мы будемъ телеграфировать не завтра, а рано утромъ послѣ завтра въ „Пикъ". Ты навѣрно знаешь, что твой двоюродный братъ тамъ, Китти?

— Почти увѣрена; могу сказать почти навѣрно, что онъ тамъ. Во всякомъ случаѣ отецъ будетъ знать, получено ли имъ письмо.

— Да, милая, нужно будетъ сдѣлать это. Пока ничего не можетъ случиться. Все пойдетъ попрежнему. Бѣдное дитя мое! я совсѣмъ потерялась. Конечно, ты оправдаешься. Но подумай о Мэри Куппъ? Что могло побудить ее къ такому поступку?

Дѣйствительно, у завѣдующей школой хлопотъ и тревогъ безконечно много!

VI. Миссъ Хонебёнъ смущена.



ечеромъ Мэри Куппъ, по уговору, пришла въ комнату Генріэтты.

— Я могу остаться только пять минутъ, — сказала Мэри. — Не могу представить себѣ, что случилось, но оставаться съ тобой придется на самое короткое время.

— Ну, входи и разсказывай все поскорѣе. Я болѣе чѣмъ когда-нибудь сердита на эту отвратительную Китти. Я обрадуюсь, когда она будетъ выведена на посмѣшище школы.

— Всѣ будутъ страшно огорчены, — въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія, — сказала Мэри, — потому что всѣ такъ любятъ ее.

— Ну, разскажи мнѣ, что ты сдѣлала сегодня, Мэри. Какъ ты заработала двѣнадцать фунтовъ?

— Я заработала ихъ очень тяжелымъ и ужаснымъ образомъ, — сказала Мэри. — Я пошла, какъ и говорила, къ миссисъ Шервудъ и разсказала ей, что случилось: какъ я видѣла, что Китти О'Донованъ писала письмо и все остальное.

— Да, нечего повторять это. У меня это такъ все запечатлѣлось въ умѣ, что я никогда не забуду. Но скажи мнѣ, что она сказала? Очень вышла изъ себя?

Во время чая я такъ странно себя чувствовала. Я думала, что ты ничего не сдѣлала. Я чуть было не заговорила объ этомъ передъ всѣми. Китти попрежнему суетилась, смѣялась и шутила, а миссисъ Шервудъ ласково смотрѣла на нее. Ты не замѣтила, какъ послѣ чая Китти положила букетъ незабудокъ на колѣни миссисъ Шервудъ? Она такъ много воображаетъ о себѣ. Она думаетъ, что пріобрѣтетъ больше любви такими выдумками. Ну, теперь она скоро увидитъ совсѣмъ иное отношеніе къ себѣ.

— Конечно,—сказала Мэри.—Въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Но, понятно, миссисъ Шервудъ сразу ничего не сказала. Ты знаешь, что у насъ всегда бываетъ свободный часъ послѣ чая и я только что хотѣла приняться за длинное письмо бѣдной мамѣ, какъ миссисъ Шервудъ положила руку на плечо мнѣ и сказала, что хочетъ поговорить со мной. Сердце у меня сильно забилось, но я пошла съ ней въ ея кабинетъ; тамъ она сказала мнѣ, что много думала объ этомъ случаѣ и— что ты думаешь? — Она спросила *меня* — очень торжественно, скрыла ли я это отъ другихъ и пожелала, чтобы я не разсказывала ни одной душѣ объ этомъ. Она такъ тревожилась, такъ сильно тревожилась, что я... я... поддалась и солгала самымъ ужаснымъ образомъ. Я сказала, что никому не говорила объ этомъ. Видишь, Генріэтта, какъ тебѣ нужно быть осторожной.

— О да, но я то ничего. А вотъ ты такъ попадешь въ бѣду, Мэри Куппъ.

— Да, да, это правда. Какъ ты думаешь, что я должна была сдѣлать послѣ этого разговора? Я должна была повидаться съ Китти—да, повидаться съ ней, уговорить ее пойти къ миссисъ Шервудъ и сознаться въ томъ, что она сдѣлала. И если Китти сознается, воспитанницамъ ничего не скажутъ и королева мая будетъ спасена отъ позора.

— Въ такомъ случаѣ я получу назадъ мои двѣнадцать фунтовъ, я непремѣнно получу ихъ,—сказала Ген-

ріетта, расхаживая по комнатамъ, съ пылающими, какъ піоны, щеками.

— Тебѣ нечего такъ страшно огорчаться, Герри. Чтобы ни случилось, истина, конечно, должна открыться, разъ письмо послано. Вѣдь я же видѣла это и что бы Китти ни говорила миссисъ Шервудъ, письмо разскажетъ свою собственную исторію, когда дойдетъ до „Пикъ".

— Какъ Китти приняла твои слова?

— Она пришла въ ярость. Вѣдь она бываетъ, какъ бѣшеная, когда выйдетъ изъ себя!

— Воображаю!—похожа на молодую фурію.

— Она — очень красивая фурія, по правдѣ сказать, Генріэтта.

— Не разсказывай; увѣряю тебя, что я достаточно наслышалась о ея красотѣ. Что же, пошла она къ миссисъ Шервудъ?

— Да.

— Ты больше ничего не знаешь?

— Ничего больше не знаю. Конечно, она отперлась.

— Да? въ самомъ дѣлѣ?

— Да, вполнѣ; такъ что приходится ждать, пока придетъ извѣстіе, что письмо получено. Вотъ-то подымется переполохъ.

— Да, подымется, подымется! Мэри, какъ ты думаешь, когда дойдетъ письмо въ „Пикъ?"

— Не знаю,—отвѣтила Мэри,—и, само собой разумѣется, не должна разспрашивать. Ты знаешь, это вѣдь далеко, на западѣ Ирландіи. Я думаю, завтра вечеромъ, если почта приходитъ къ нимъ нѣсколько разъ въ день, а не то на слѣдующее утро.

— Какъ я буду волноваться пока,—сказала Генріэтта.—Я полагаю, миссисъ Шервудъ будетъ телеграфировать. Знаешь что, Мэри, ты можешь завтра спросить Китти, что рѣшено дѣлать. Обѣщай, что спросишь ее.

— Мнѣ бы не хотѣлось спрашивать ее. Теперь она страшно ненавидитъ меня.

— Она возненавидитъ тебя еще больше современемъ. Лучше спроси ее. Видишь, моя милая, на свѣтѣ существуетъ такое учрежденіе, какъ почта; я случайно знаю адресъ твоего отца въ Манчестерѣ и могу разсказать ему о деньгахъ въ сберегательной кассѣ. Поэтому, Мэри Куппъ, тебѣ полезнѣе во всякомъ случаѣ держаться меня.

— Отлично,—сказала Мэри,—я сдѣлаю все, что ты желаешь, Генріэтта. Думаю, что въ концѣ концовъ мы какъ-нибудь выпутаемся, но теперь я отъ всей души желаю, чтобы мы оставили въ покоѣ бѣдную королеву мая.

— Что ты хочешь этимъ сказать? Чтобы мы оставили ее въ покоѣ, когда ты видѣла, какъ она совершала такой проступокъ? Если правила школы будутъ нарушаться такъ безнаказанно, то я (не знаю, какъ другія) скажу объ этомъ отцу и матери. Они, навѣрно, не пришлютъ меня больше сюда. Мои родные имѣютъ твердыя убѣжденія насчетъ воспитанія дѣвушекъ. Они вѣрятъ въ правила—твердыя правила, которыя должны исполняться. Мой отецъ, въ особенности, вѣритъ въ дисциплину. А я спрошу тебя, Мэри Куппъ, чего стоитъ дисциплина, если ее нарушаютъ и никто не безпокоится объ этомъ? Если бы въ этой школѣ дѣйствительно была справедливость и если бы я была избрана королевой мая, ничего бы этого не было; Китти О'Донованъ была бы на своемъ мѣстѣ, ей не представилось бы искушенія написать своему кузену Джэку, а ты...

— Ну, я не знаю, было ли бы мнѣ лучше, — сказала Мэри прерывающимся голосомъ. — Поль все равно былъ бы боленъ. То обстоятельство, что я вынула деньги изъ сберегательной кассы, не измѣнилось бы; не измѣнился бы и тотъ, болѣе важный фактъ, что матери нужны были бы эти деньги для спасенія жизни Поля и — о, Герри, Герри! ты не была бы тѣмъ ангеломъ-спасителемъ, который далъ мнѣ деньги и позволилъ отослать ихъ матери.

— Ну, Мэри,—сказала Генріэтта,—она не любила видѣть дѣвочку въ такомъ состояніи, которое она называла истерикой,—ради Бога, не распускайся! Я одолжила тебѣ денегъ и если ты исполнишь свою задачу и поставишь эту противную, маленькую Китти на ея мѣсто въ школѣ—я не скажу больше ни слова о деньгахъ. Чтобы окончательно успокоить тебя, скажу тебѣ, что я написала сегодня папѣ, прося его дать мнѣ пятнадцать фунтовъ. Онъ любитъ, когда я прошу его выслать денегъ. Знаешь, я—его единственное дитя и онъ работаетъ такъ много и наживаетъ столько серебра и золота, чтобы тратить все на меня. Неправда ли, это страшно мило съ его стороны? Онъ сказалъ мнѣ, когда я возвращалась этотъ разъ въ школу: „Погоди, пока начнешь выѣзжать, Генріэтта, дорогая моя. Тогда во всей Англіи — во всю ширину и длину ея—ни одна дѣвушка не будетъ проводить время такъ, какъ ты“.

— Хотѣла бы я знать, что будетъ съ тобой, Генріэтта,—сказала Мэри, опускаясь на стулъ и смотря на свою любимую подругу завистливыми глазами.

— Почемъ я знаю? Знаю только одно, что папа хочетъ имѣть домъ въ городѣ и что есть нѣкая лэди Лаудердэль, которая была очень добра къ папѣ. Я лично думаю, что и папа былъ очень добръ къ ней. Какъ бы то ни было, она представитъ меня ко двору, когда наступитъ время. Она очень интересуется мной и хочетъ, чтобы папа позволилъ мнѣ выѣзжать очень рано. Поэтому, если мнѣ удастся хорошенько повліять на папу, мнѣ останется быть въ этой противной школѣ только два года, а потомъ—да здравствуетъ свобода! Ступай спать, Мэри Куппъ, ступай спать. Ты блѣдна, какъ полотно.

Мэри въ раздумьѣ вышла изъ комнаты. Сестры ея сидѣли на кроватяхъ, очевидно съ нетерпѣніемъ поджидая ее.

— Ну, Молли!—вскрикнула Матильда, — *мы* непремѣнно хотимъ узнать, что случилось.

— Ничего, ничего не случилось.

— Это чистая чепуха,—сказала Матильда.—Должно быть случилось что-нибудь очень важное; иначе ты не имѣла бы вида привидѣнія, не скрывала бы чего-то, не избѣгала бы своихъ сестеръ и не посвящала своего времени другимъ дѣвочкамъ въ школѣ. Я нахожу, что это стыдно. Я годомъ старше тебя, Молли, и думаю, что тебѣ не слѣдуетъ такъ обращаться ни съ Джэни, ни со мной.

— Ну, я очень несчастна,—сказала Мэри.—Я скажу вамъ въ чемъ дѣло. Я не говорила цѣлый день, думала и вовсе не говорить, а теперь скажу.

— О, Господи!—сказала Джэни дрожащимъ отъ волненія голоскомъ.—Это что-нибудь дурное?

— Да, ужасное, большое несчастіе... Это касается... нашего Поля.

У Джэни было милое, откровенное, простое личико, полное кротости и любви. Оно было вовсе не красиво, но выраженіе его было откровенно и пріятно. Она была изъ тѣхъ дѣвочекъ, которыя совершенно не думаютъ о себѣ. Матильда была очень некрасивая, неловкая дѣвочка, но и у нея было честное, открытое лицо. Матильда посмотрѣла на Мэри очень пристально, а Джэни вскочила съ кровати. Въ слѣдующее мгновеніе она уже сидѣла на кровати Матильды и, крѣпко сжавъ руки Мэри, говорила выразительнымъ тономъ:

— Говори—скажи намъ все! Поль боленъ?

— Вѣдь я же сказала вамъ. Развѣ вы не знаете, что такое для меня Поль?

— Онъ также и мой братъ,—сказала Джэни.

— И мой,—сказала Матильда.—Иногда, Мэри, ты говоришь такъ, какъ будто Поль принадлежитъ одной тебѣ во всемъ домѣ.

— Онъ принадлежитъ прежде всего мнѣ,—сказала Мэри задыхающимся голосомъ.—Онъ очень боленъ и вотъ почему я такъ мрачна. Мать писала мнѣ вчера вечеромъ...

— Удивляюсь, что она не написала мнѣ, — сказала Матильда.—Я старшая.

— Ну, какъ бы то ни было, она написала мнѣ. Я прочла письмо прежде, чѣмъ вы пришли ложиться спать. У Поля сдѣлался обморокъ, когда онъ пріѣхалъ изъ школы; послали за докторомъ и онъ сказалъ, что Поля надо показать спеціалисту въ Лондонѣ. Отецъ и мать повезутъ его въ Лондонъ завтра или послѣзавтра. Тогда мы узнаемъ, что скажетъ спеціалистъ. Но вы понимаете, что я несчастна. Какъ могло быть иначе?

— Молчи,—сказала маленькая Джэни тихимъ, дрожащимъ голосомъ, — ты не думаешь, что нашъ Поль умретъ?

— Я не знаю, не знаю. Не говори объ этомъ. Не упоминай этого слова. Я не выношу этого. Если онъ умретъ, я сойду съ ума. Оставьте меня. Дайте мнѣ лечь, я такъ устала—мнѣ такъ тяжело. Ну, дѣвочки,—нѣтъ, я не могу поцѣловать васъ, не могу. Я хочу, чтобъ меня оставили въ покоѣ и не могу больше говорить.

Говоря это, Мэри сошла съ кровати и стала поспѣшно раздѣваться. Какъ разъ въ эту минуту миссъ Хонебёнъ просунула голову въ дверь.

— Милая Мэри, — сказала она, — отчего вы не въ постели? Уже десять минутъ прошло сверхъ обычнаго времени. Поторопитесь, дорогая, поторопитесь, а то я должна буду потушить лампу и вамъ придется раздѣваться въ темнотѣ.

— Мы очень, очень несчастны, дорогая,—рыдая, проговорила маленькая Джэни. Она рыдала такъ горько, что добрая миссъ Хонебёнъ въ одно мгновеніе очутилась около взволнованной дѣвочки и, обнявъ ее, старалась успокоить.

— Поль, нашъ братъ, очень боленъ, я не могу говорить объ этомъ!—сказала Мэри.

— Молли знала это весь день, миссъ Хонебёнъ,— сказала Матильда,—но передала намъ только теперь; по моему, это не очень хорошо съ ея стороны.

— Ну, не сердитесь на нее, милая. Всякому видно, какъ она огорчена этимъ извѣстіемъ Мэри, дорогая, дайте, я помогу вамъ раздѣться.

Миссъ Хонебенъ отличалась практическимъ смысломъ. Она не стала терять словъ надъ усталой, измученной дѣвочкой. Она помогла ей раздѣться. Она аккуратно сложила ея вещи и положила рядомъ съ постелью, потомъ уложила ее въ постель и вышла изъ комнаты.

— Я сейчасъ вернусь,—сказала она.

Она вернулась со стаканомъ молока съ сбитымъ яйцомъ.

— Вотъ, дитя мое,—сказала она.—Выпейте это и вамъ станетъ лучше.

Мэри почти не дотрогивалась до пищи весь день и потому обрадовалась напитку, который поддержалъ ея силы. Она дѣйствительно такъ устала, что лишь только положила голову на подушку, погрузилась въ сонъ безъ сновидѣній, несмотря на печаль о Полѣ, отчаяніе при мысли о совершенномъ ею грѣхѣ и о страшныхъ осложненіяхъ насчетъ Китти О'Донованъ, угрожавшихъ ей позоромъ. Миссъ Хонебёнъ разговаривала съ остальными двумя дѣвочками и утѣшала ихъ, какъ могла.

— Теперь, милочки, ложитесь спать и мы помолимся Богу о вашемъ братѣ. Я разскажу все миссисъ Шервудъ и знаю, что она, милая и добрая, сдѣлаетъ все, что можетъ, чтобы помочь вашимъ отцу и матери.

— Они, миссъ Хонебёнъ, знаете, такъ бѣдны,—сказала маленькая Джэни.—Они такъ бѣдны, что—что я никогда не слыхала о комъ-нибудь такомъ же бѣдномъ. И почти страшно, что мы живемъ здѣсь!

— О, не думайте объ этомъ; все будетъ какъ слѣдуетъ,—сказала миссъ Хонебёнъ,—если вашъ отецъ и мать бѣдны, Джэни, то миссъ Шервудъ богата и кромѣ того обладаетъ сокровищами сердца, которыя позволяютъ ей испытывать радость и наслажденіе отъ возможности

помочь другимъ своимъ богатствомъ. Поэтому она даетъ бѣднымъ, когда они нуждаются въ этомъ.

— Она такая милая,—сказала Джэни.—Поцѣлуйте меня, Хонебёнъ, потому что и вы милая.

Миссъ Хонебёнъ вышла изъ комнаты и пошла внизъ. Минуту спустя она постучалась въ дверь комнаты миссисъ Шервудъ.

Миссисъ Шервудъ любила всѣхъ своихъ учительницъ, но, можетъ быть, миссъ Хонебёнъ была ея любимицей. Во первыхъ, она дольше всѣхъ жила у нея; во вторыхъ, была чрезвычайно симпатична и вмѣстѣ съ тѣмъ разсудительна. Всѣ вокругъ говорили:—миссъ Хонебёнъ такъ положительна. Къ тому же она была миловидна—свѣжа и благоуханна, какъ старинный англійскій цвѣтокъ; очень чистоплотна въ одеждѣ, мила и утончена въ рѣчи. Она не была особенно образованной женщиной, не имѣла особыхъ талантовъ, но была лэди отъ природы, съ умомъ, полнымъ прекрасныхъ мыслей. Она во всемъ любила самое лучшее: лучшія книги, лучшія картины, лучшихъ дѣтей. Дѣтей она любила страстно, что дѣлало ее неоцѣнимой въ школѣ и эта природная любовь помогала ей находить хорошія черты въ каждой отдѣльной личности.

Горе маленькой Джэни, мрачное отчаяніе на некрасивомъ, но честномъ лицѣ Матильды, горькая и вмѣстѣ съ тѣмъ угрюмая печаль Мэри—все это произвело сильное впечатлѣніе на миссъ Хонебёнъ. Она считала, что миссисъ Шервудъ должна обратить вниманіе на этотъ случай. У бѣдной миссисъ Шервудъ и безъ того было тяжело на душѣ и потому, когда миссъ Хонебёнъ вошла къ ней, она пытливо взглянула на нее.

— Могу я поговорить съ вами нѣсколько минутъ, или вы слишкомъ устали?—спросила учительница-англичанка.

— Я не слишкомъ устала для того, чтобы говорить съ вами, дорогая. Что вы хотите сказать мнѣ, Люси?

— Я была наверху, у трехъ дѣвочекъ Куппъ.

Миссисъ Шервудъ взглянула на нее нѣсколько тревожно, но ничего не сказала.

— Я попала на очень тяжелую сцену.

— Въ самомъ дѣлѣ, Люси? Разскажите мнѣ.

— Мэри, вторая сестра—знаете, та, у которой самый сильный характеръ,—миссисъ Шервудъ молчала—даже не собиралась ложиться спать. Я начала съ выговора бѣдняжкамъ. Джэни сидѣла въ ночной рубашкѣ на постели Матильды, а Матильда лежала. Я сказала Мэри:— „Я должна потушить лампу. Вы поступаете противъ правилъ“. Бѣдная дѣвочка взглянула на меня съ печальнымъ видомъ, а другія двѣ сразу стали разсказывать мнѣ свою исторію. Оказывается, что Мэри получила вчера вечеромъ письмо отъ миссисъ Куппъ, въ которомъ та говоритъ о серьезной болѣзни ихъ брата Поля. Почему эта тайна была сообщена именно Мэри—я не могу сказать; какъ бы то ни было, она только теперь разсказала все сестрамъ и онѣ были въ ужасномъ состояніи. Самое худшее—это то, что Мэри держала себя чрезвычайно странно, говорила, что не можетъ и не хочетъ говорить объ этомъ и не выказывала ни малѣйшаго сочувствія къ горю своихъ сестеръ, думая только о своемъ. Нѣтъ сомнѣнія, что бѣдная дѣвочка страшно измучена, такъ, что я сочла себя обязанной поухаживать за ней. Я принесла ей горячаго молока съ яйцомъ, сидѣла съ ней, пока она не уснула, а потомъ старалась утѣшить остальныхъ двухъ сестеръ. Маленькая Джэни прелестна; да и обѣ очень милы. Мнѣ страшно жаль ихъ, но я знаю, что вы всегда были привязаны къ ихъ матери.

— Да, Люси, я всегда была привязана къ ней. Она была моей гувернанткой. Вы знаете, я потеряла мать, когда была совсѣмъ маленькой. Отецъ мой не женился и я воспитывалась, какъ попало. Потомъ эта дѣвушка, Матильда Давидсонъ, стала жить у насъ и учить меня. Я, право, не знаю, была ли она замѣчательно учена, или

нѣтъ, но только она такъ отличалась отъ другихъ, что я прямо обожала ее. Она оставалась со мной много лѣтъ, пока не вышла замужъ, когда ей уже было больше тридцати лѣтъ, за священника, нѣкоего мистера Куппъ. Я вышла замужъ очень молодой и вы знаете мою исторію. У меня очень хорошія средства и я рѣшила помогать Матильдѣ, у которой такой бѣдный мужъ. Поэтому всѣ три дѣвочки воспитываются на средства фонда и Куппамъ не приходится ничего платить за нихъ, такъ какъ вы знаете, что онѣ остаются здѣсь и на каникулы. Вы можете быть увѣрены, дорогая Люси, что я не оставлю Матильду въ горѣ. У нея большая семья—семеро дѣтей и единственный удачный изъ нихъ старшій сынъ Поль, который, по всему, что я слышу о немъ, не только красивый, но, вообще, замѣчательный мальчикъ. Очень возможно, что я сама съѣзжу въ Лондонъ, повидаюсь съ Матильдой и узнаю, что посовѣтуетъ спеціалистъ; и если для его поправленія нужны деньги, то можете быть увѣрены, Люси, что они найдутся. Поэтому оботрите ваши глаза, дорогая, и не волнуйтесь.

— Я знала, что вы такъ поступите,—сказала миссъ Хонебенъ.—Вы великолѣпны, прямо великолѣпны. Я такъ горжусь, что я съ вами, что я членъ вашего заведенія!

— Ну, дорогая, я также горжусь, что вы со мной. Я довѣряю вамъ вполнѣ.

— Миссисъ Шервудъ, у васъ страшно усталый видъ. Не случилось-ли чего-нибудь?

— Да, Люси. Случилось нѣчто очень серьезное.

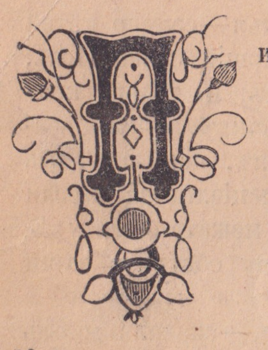
— Что же?

Миссисъ Шервудъ встала.—Простите, дорогая,—сказала она, кладя руку на плечо молодой гувернантки.—Мнѣ, можетъ быть, придется довѣриться вамъ, а между тѣмъ я не знаю ничего положительнаго. Пожалуйста, вспомните обо мнѣ, когда будете молиться. А теперь оставьте меня, дорогая. Если мнѣ удастся избѣгнуть

этого, то обстоятельство, которое несказанно тревожитъ и волнуетъ меня, останется неизвѣстнымъ за исключеніемъ тѣхъ лицъ въ школѣ, которыя уже знаютъ о немъ.

— Что бы это могло быть?—думала бѣдная миссъ Хонебенъ. Но спрашивать было безполезно и потому она удалилась къ себѣ въ спальню.

VII. Джэкъ въ восторгѣ.



икъ“ въ Киллерней было чудесное старое помѣстье изъ тѣхъ, что восхищаютъ душу, ослѣпляютъ и возбуждаютъ воображеніе. Всѣ видавшіе Киллерней уѣзжаютъ, унося съ собой впечатлѣніе, что эта страна горъ и озеръ, облаковъ и солнечнаго свѣта самая чудесная, самая красивая во всемъ обширномъ мірѣ. Но люди, живущіе въ графствѣ Керри, смотрятъ на Келлерней въ другомъ свѣтѣ. Изъ старыхъ фамилій, увы! осталось очень немного. Остальныя исчезли съ лица земли. Ихъ величественные замки были куплены англичанами или болѣе богатыми сосѣдями—ирландцами. Члены старыхъ фамилій уѣхали и никогда болѣе не появлялись въ этой мѣстности.

Но О'Донованы изъ „Пикъ“, хотя съ трудомъ, оставались въ своемъ старинномъ помѣстьѣ. О'Донованъ не хотѣлъ продавать своей земли. Онъ не хотѣлъ покинуть своего разрушеннаго жилища. Кругомъ царила красота природы, но все было болѣе или менѣе въ развалинахъ. Крыша требовала починки. Въ сырыя ночи дождь безпрепятственно лилъ черезъ нее. Обои обвисли жалкими складками на старыхъ, сырыхъ стѣнахъ. Ковры были прорваны. Занавѣси на окнахъ видѣли не только лучшіе,

но и худшіе дни и теперь дошли до того, что отъ нихъ осталось очень мало.

Несмотря на это О'Донованъ изъ „Пикъ" и его единственная дочь Кетлинъ—или Китти, какъ онъ звалъ ее, жили здѣсь счастливо все время. Крестьяне ихъ обожали, а о деньгахъ они думали мало или даже совсѣмъ не думали. Что такое деньги, когда солнце сіяетъ, облака отражаются въ озерахъ, горы одѣваются въ различные, пышные цвѣта, когда въ озерѣ подъ старымъ домомъ можно ловить лососей, форелей и всевозможныхъ рыбъ; когда, короче сказать, быть О'Донованомъ изъ „Пикъ" лучше всякаго титула.

Однажды утромъ О'Донованъ всталъ раньше обыкновеннаго. Онъ былъ въ тревожномъ настроеніи духа и не могъ спать. Хотя онъ и не сознавался въ этомъ, но сновидѣнія, предзнаменованія удачъ и неудачъ сильно вліяли на него. Онъ видѣлъ во снѣ Китти и сонъ не особенно нравился ему. О'Доновану снилось, что Китти пришла къ нему, горько плакала, обняла его шею своими милыми ручками и говорила:—папа, папа, я слышу, какъ рыдаетъ призракъ.

Конечно, у семьи О'Донованъ былъ „банши"—свой особенный призракъ—покровитель. Иначе, они не были бы знатными ирландцами. Онъ всегда появлялся, когда у нихъ бывали какія-нибудь тревоги. Онъ никогда не забывалъ сидѣть ночью подъ окнами и издавать неземные вопли — вопли, которые проникали въ сердце тѣхъ, кто слышалъ ихъ. Бѣдный призракъ! Въ него твердо вѣрили; никто и не думалъ сомнѣваться въ дѣйствительности его существованія.

О'Донованъ не видѣлъ „банши" на яву, но видъ этой важной особы даже во снѣ возбуждалъ тревогу. Онъ всталъ, одѣлся и спустился внизъ.

— Что хорошаго въ лежаньѣ, когда не можешь спать?—сказалъ онъ себѣ.—Лучше пойду, посмотрю на озеро. Я увѣренъ, что они не сдѣлали того, что я гово

рилъ насчетъ соленія послѣдняго улова лососей. Я осмотрю все спокойно, пока еще никого нѣтъ. Позову только Джэка. Онъ, навѣрно, захочетъ пойти со мной.

Джэкъ былъ сынъ двоюроднаго брата О'Донована, храбраго воина, убитаго во время бурской войны. По смерти его О'Донованъ, у котораго у самого не было ни гроша за душой, сейчасъ же взялъ Джэка, чтобы воспитывать его, насколько возможно хорошо, въ старомъ помѣстьѣ. Правда, мальчику осталось въ наслѣдство немного денегъ на образованіе и, такъ какъ онъ былъ записанъ въ Уинчестерскую школу, его послали туда; но все свободное время онъ проводилъ у дяди, и Джэкъ и Китти любили другъ друга, какъ родные братъ и сестра.

— Вставай, Джэкъ, я жду тебя, — сказалъ старикъ. Джэкъ соскочилъ съ кровати и пошелъ съ дядей.

— Мы прогуляемся вдоль озера и, можетъ быть, встрѣтимъ почтальона. Я люблю получать газету какъ можно раньше.

— Можетъ быть, будетъ и письмо отъ Китти,—сказалъ Джэкъ.

— Врядъ ли, мой мальчикъ, врядъ ли. Китти очень занята. Ты знаешь, она будетъ королевой мая; ей некогда писать. Но какъ только можно будетъ, она напишетъ. Она лучшая дѣвочка во всей Ирландіи.

— Какъ бы мнѣ хотѣлось, чтобы она вернулась домой,—сказалъ Джэкъ.—Здѣсь скучно, когда нѣтъ Китти, которая всегда исполняетъ всѣ мои желанія.

— Ну, слушай, мальчикъ, не заставляй Китти исполнять всѣ твои желанія. Помни, что она — лэди, и я хочу, чтобы съ ней обращались, какъ съ лэди. Ну идемъ; почтальона не дождаться. Я видѣлъ дурной сонъ, Джэкъ, я радъ, что воздухъ такъ свѣжъ: мнѣ хочется прогнать это впечатлѣніе.

— Что же вы видѣли, дядя Фергусъ?

Старикъ нагнулся къ мальчику.

— Мнѣ снилась Китти и „банши“,—сказалъ онъ.

— Что это, дядя, какъ вы блѣдны!

— Ты думаешь, что я обращаю вниманіе на это? Нисколько. Но послѣ этого я не могъ оставаться въ постели. Поэтому я всталъ и вотъ мы теперь наслаждаемся утреннимъ воздухомъ.

— Нигдѣ нѣтъ такого воздуха, какъ въ Ирландіи,— сказалъ Джэкъ, — а изо всей Ирландіи нѣтъ лучше воздуха, какъ въ Киллерней. Дядя Фергусъ, я не знаю, что было бы со мной, если бы я не могъ пріѣзжать сюда. Все время, что я не бываю здѣсь, я только и думаю, что о моемъ домѣ, о васъ, о Китти. Я надѣюсь, дядя, что вы воспитаете меня такъ, чтобы я могъ быть, въ нѣкоторомъ родѣ, управляющимъ вашего имѣнія и всегда жить въ немъ. Я буду исполнять свои обязанности; не буду упускать лососей, не допущу, чтобы воровали рыбу; я хорошенько изучу сельское хозяйство и мы знатно подымемъ старое мѣсто.

— Нѣтъ, Джэкъ, мой мальчикъ. Теперь никто ничего не можетъ подѣлать въ старой Ирландіи.

— Но,—сказалъ мальчикъ съ слегка дрожащими губами, и его глаза, такіе же темные, какъ у дяди, сверкнули въ одно и то же время печалью и нѣжностью,—настоящая жизнь только въ Ирландіи. Жить во всякомъ другомъ мѣстѣ все равно, что умереть. Я лучше хотѣлъ бы остаться здѣсь, чѣмъ быть самымъ богатымъ человѣкомъ на землѣ.

— Но ты долженъ жить, Джэкъ,—сказалъ старикъ,— а этимъ имѣніемъ, что ты ни говори, не проживешь. Къ тому же все, что останется отъ него, будетъ принадлежать Китти, когда меня положатъ въ семейный склепъ. Это, знаешь, мрачная церемонія, Джэкъ. Насъ, О'Донованов изъ „Пикъ", несутъ въ наше послѣднее жилище ночью. Насъ несутъ—взгляни, подыми глаза, мой мальчикъ. Видишь, вонъ тамъ крестъ на вершинѣ холма? Это кладбище О'Донованов. Оно обнесено рѣшеткой. Это мѣстечко было освящено для этой цѣли и кто бы ни

былъ священникомъ, ему приходится хоронить главу О'Донованов, дочерей и сыновей этого дома при первомъ ударѣ полуночи. Я помню, какъ хоронили тамъ послѣдняго покойника. Онъ былъ мой отецъ, Джэкъ, и я очень любилъ его. Плачъ на его похоронахъ былъ прямо удивительный и не воображай, что это были наемные плакальщики. Нѣкоторые люди унижаются до этого. Правда, мой мальчикъ, истинная правда; но на похоронахъ О'Донована плакали отъ всего сердца и, я думаю, то же будетъ, когда придетъ и моя очередь. Но все же это такъ ужасно торжественно и печально.

— Должно быть, дядя,—сказалъ мальчикъ,—и я понять не могу, почему вы заговорили сегодня объ этомъ? Я люблю думать о жизни, а не о смерти. Ну, развѣ озеро не красиво? А вотъ и самъ почтальонъ идетъ по бечевнику. Позвольте мнѣ побѣжать на встрѣчу ему, чтобы взять письма. Можно, дядя?

— Мы вмѣстѣ пойдемъ навстрѣчу ему, Джэкъ. Сдержи свое нетерпѣніе, мой мальчикъ. Я еще не старый человѣкъ и могу ходить такъ же быстро, какъ лучшіе ходоки изъ васъ. Дай-ка мнѣ плечо, чтобы опереться. Ты славный, высокій мальчикъ, да благословитъ тебя Господь! и большое утѣшеніе мнѣ съ тѣхъ поръ, какъ меня уговорили отослать мою кисаньку Китти въ эту англійскую школу.

— О, это очень хорошо для нея—сказалъ Джэкъ.—Я ненавижу Уинчестеръ, но все же онъ приноситъ мнѣ громадную пользу. Онъ выбиваетъ изъ меня ложную гордость.

— Ложную гордость! У О'Донована изъ „Пикъ" не можетъ быть слишкомъ много гордости. Не называй ее ложной гордостью, Джэкъ, не то мнѣ станетъ дурно. Вѣдь ты же знаешь, мой мальчикъ, что ты станешь О'Донованомъ изъ „Пикъ", когда наступитъ моя очередь отправиться къ праотцамъ?

Джэкъ покраснѣлъ.

— Ну, если у человѣка впереди такая цѣль, то она достаточно высока, чтобы удержать его отъ всякихъ глупостей. Но все же, дядя Фергусъ, надѣюсь, что это случится только тогда, когда я буду очень старъ. Однако, поторопимся, дядя. Можетъ быть, есть письмо отъ Китти.

— Наврядъ ли, наврядъ, — сказалъ старикъ. — Но пойдемъ поскорѣе. Эй, почтальонъ,—ну какъ вамъ нравится это раннее утро?

— Утро раннее и прекрасное, ваша честь, — крикнулъ почтальонъ.

Почтальона звали Тэди О'Флиннъ и во всѣхъ окрестностяхъ не было человѣка, котораго болѣе любили и уважали, чѣмъ его. Не онъ ли какъ бы распоряжался почтой его величества? Онъ приносилъ вѣсти со всѣхъ сторонъ свѣта. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что его любили и уважали и относились къ нему со смѣшаннымъ чувствомъ страха и гостепріимства. Если бы онъ захотѣлъ, то могъ бы никогда не покупать себѣ пищи, потому что въ каждомъ коттэджѣ деревушки его ожидалъ радушный пріемъ, теплый уголокъ у огня и лучшая ѣда, какую только можно было найти въ скромномъ домикѣ.

Однако, во всей окрестности соблюдалось правило, что почта должна была прежде всего отправляться въ „Пикъ" потому, что если бы О'Донованъ не получилъ своей газеты къ завтраку, Тэди чувствовалъ бы себя опозореннымъ.

— Да, ваша честь, у меня есть для васъ газета и еще два письма. Мастеръ Джэкъ, подойдите, возьмите ихъ.

Джэкъ бросился къ нему.

— Это отъ Китти, отъ Китти!—кричалъ онъ со сверкающими глазами. — Одно вамъ, дядя Фергусъ, а другое—ура! ура! ура!—мнѣ. Одно мнѣ отъ Китти, дядя Фергусъ.

— Ну, это очень пріятно слышать,—сказалъ О'Донованъ со вспыхнувшими отъ удовольствія щеками.— Вотъ вамъ шесть пенсовъ, мой милый, и если у васъ нѣтъ писемъ слугамъ, то вамъ не зачѣмъ идти къ намъ въ домъ. Мастеръ Джэкъ и я прочтемъ наши письма на открытомъ воздухѣ.

— Благодарю васъ, ваша честь, а я выпью за здоровье мисси въ „Синемъ Драконѣ".

— Не дѣлайте этого; моя дѣвочка не захотѣла бы, чтобы вы напились, потому что она вздумала написать мнѣ. Ну, добраго утра.

— Добраго утра О'Доновану!—отвѣтилъ почтальонъ.

— Ну, дядя,—сказалъ Джэкъ, глаза котораго горѣли отъ восторга,—гдѣ мы будемъ читать наши письма?

— Вотъ на этомъ самомъ мѣстѣ,—сказалъ О'Донованъ.—Не стану отрицать, мой мальчикъ, что эти неожиданныя письма—большая радость для меня послѣ всѣхъ этихъ дурныхъ сновъ и другихъ непріятностей. Изъ нихъ я узнаю, здорова ли моя дѣвочка и что она чувствуетъ. Сначала мы оба прочтемъ свои письма про себя, а потомъ прочитаемъ наши письма другъ другу; хорошо, Джэкъ, мой мальчикъ?

— Да, сдѣлаемъ такъ,—сказалъ Джэкъ.

О'Донованъ разорвалъ конвертъ и прочелъ письмо, написанное Китти въ ночь передъ тѣмъ, какъ она стала королевой мая. Письмо Джэку было послано позже, но благодаря задержкѣ на почтѣ, оба письма пришли одновременно. Старый сквайръ дрожалъ, пробѣгая глазами строки письма.

— Милая! Милая! Да благословитъ ее Господь!— бормоталъ онъ.—Какая она, должно быть, была хорошенькая! Какъ бы мнѣ хотѣлось ее видѣть! Никакая похвала недостаточна для нея. Право, Джэкъ, мой мальчикъ, наконецъ то у нихъ оказалась настоящая королева мая—дочь древнихъ ирландскихъ королей, дѣвушка, въ жилахъ которой течетъ настоящая королевская кровь. Она,

должно быть, была очаровательна, украшенная цвѣтами, неправда ли, Джэкъ?

— Дядя,—сказалъ Джэкъ, какъ бы задыхаясь немного,—отъ какого числа ваше письмо?

— Мое письмо? Погоди, посмотрю. Ну, конечно, отъ 30-го апрѣля. Она писала его въ полночь, кисанька, какъ разъ, когда наступало первое мая; она говоритъ, проказница, что знаетъ, что нарушаетъ правила, но скажетъ миссисъ Шервудъ и все будетъ хорошо. Я не понимаю такихъ строгихъ правилъ—мѣшать ребенку писать ея отцу.

— Она никогда не писала мнѣ прежде,—сказалъ Джэкъ.—А, разсказывала она вамъ про всю церемонію, какъ все это было и остальное?

— Ну, Джэкъ, ты говоришь глупости. Какъ могла она разсказывать про церемонію, когда ея еще не было? Она написала бы мнѣ подробно, дала полный отчетъ. Если все будетъ хорошо, я ожидаю, что почтальонъ принесетъ мнѣ завтра еще письмо отъ нея.

— Но у меня уже есть такое письмо!—почти крикнулъ Джэкъ.—Она написала мнѣ позже, вечеромъ того же дня. Мое письмо помѣчено первымъ маемъ и этотъ чудный день пришелъ уже къ концу и—слушайте, слушайте, дядя. Вотъ что она говоритъ.

— Она написала раньше тебѣ, — сказалъ старикъ и, нахмурясь, поглядѣлъ на мальчика.

— Да, вотъ это письмо.

— Удивляюсь, что она написала тебѣ прежде чѣмъ своему старому отцу.

— Но вы не сердитесь, дядя? Это такая радость для меня.

— Сержусь ли я? Конечно нѣтъ, мой мальчикъ. Прочти же мнѣ его скорѣе, Джэкъ.

— Да, письмо ея очень милое,—сказалъ старикъ, выслушавъ Джэка, читавшаго въ полномъ восторгѣ,—но тонъ его нѣсколько удивляетъ меня. Оно какъ то непохоже на обычныя письма Китти. Мое мнѣ нравится

лучше. Оно не такъ горячо, но болѣе похоже на мою милую дѣвочку, на мою любящую, маленькую Китти, которая никогда не думала о томъ, красива она или нѣтъ. Не знаю, полезна ли для школы вся эта церемонія съ королевой мая. Я думаю самъ поѣхать за Китти, чтобы взять ее на каникулы и тогда поговорю объ этомъ съ миссисъ Шервудъ.

Старикъ и мальчикъ пошли домой, гдѣ ихъ ожидалъ превосходный, настоящій ирландскій завтракъ. Оба были голодны и накинулись на ѣду; потомъ Джэкъ ускользнулъ въ большой лѣсъ за домомъ, гдѣ могъ снова нѣсколько разъ перечитать письмо Китти. Вдругъ онъ замѣтилъ необычайное явленіе—мальчика съ телеграфа, который шелъ по дорогѣ къ „Пикъ".

Что бы это могло быть? Никто не присылалъ телеграммъ О'Доновану. Джэкъ спряталъ письмо въ карманъ и побѣжалъ домой.

Телеграмма была адресована О'Доновану.

— Я пойду, поищу дядю,—сказалъ Джэкъ мальчику.—Подожди здѣсь.

Мальчикъ сѣлъ. Джэкъ пошелъ отыскивать О'Донована и нашелъ его на заднемъ дворѣ, гдѣ онъ осматривалъ поросятъ, появившихся рано утромъ на свѣтъ Божій.

— Эй! Ты здѣсь, Джэкъ? Вотъ опять счастье. Очевидно, мой сонъ—чистый вздоръ. Съ письмами Китти и съ такими поросятами у насъ все пойдетъ хорошо. Что это такое, мальчикъ? Въ чемъ дѣло?

— Ничего,—отвѣтилъ Джэкъ,—т. е. я думаю, что ничего. Вамъ пришла телеграмма, дядя, и тамъ дожидается мальчикъ. Онъ хочетъ знать, будетъ ли отвѣтъ.

— Боже сохрани насъ! Телеграмма мнѣ? Дай мнѣ ее, мальчикъ, дай! Уже много лѣтъ я не получалъ никакихъ телеграммъ. Знаешь, Джэкъ, мнѣ какъ то не нравится это. Я не получалъ телеграммъ съ тѣхъ поръ, какъ цѣна на нихъ упала съ шиллинга на шесть пенсовъ. Въ чемъ дѣло?

— А что если бы вы прочли, милый дядя?

— Да, конечно. Это хорошая мысль. У меня немного дрожитъ рука. Открой, пожалуйста, ее, Джэкъ.

Джэкъ исполнилъ желаніе дяди. Рабочіе съ фермы стояли вокругъ, возбужденные и внимательные. Джэкъ громко прочелъ слѣдующія слова:

— О'Доновану „Пикъ“, Киллерней. Получено ли сегодня утромъ письмо отъ Китти О'Донованъ, адресованное Джэку О'Донованъ. Отвѣтъ уплоченъ. Телеграфируйте да или нѣтъ. Шервудъ.

— Господи, Боже мой! Письмо -- то, оказывается, имѣетъ важное значеніе.

— Я отвѣчу; хорошо, дядя?

— Да, конечно. Какой шумъ они поднимаютъ! Конечно, получено. Отправленное по почтѣ обыкновенно доходитъ, т. е. если этимъ завѣдуетъ нашъ почтальонъ. Онъ никогда не теряетъ писемъ. Онъ знаетъ свое дѣло.

— Что мнѣ написать, дядя?

— Напиши: „Да, радъ, что получилъ. Джэкъ О'Донованъ“.

Джэкъ быстро написалъ эти слова и мальчикъ отправился обратно. Много разъ среди дня сквайръ выражалъ удивленіе по поводу этой телеграммы, но и не подозрѣвалъ какъ много она значила для бѣдной, маленькой Китти, для дорогой его сердцу Китти.

VIII. „Неужели вы вѣрите, что я виновна“.

Миссисъ Шервудъ послала свою телеграмму въ половинѣ десятаго, утромъ 4-го мая. Къ этому времени не оставалось сомнѣнія, что письмо, если оно было написано, должно быть получено обитателями „Пикъ“. Она ожидала важнаго отвѣта съ плохо скрываемой тревогой. Онъ получился незадолго до часа. Его короткое

содержаніе: — „Да, радъ, что получилъ пронзило, словно мечомъ, ея сердце. Она едва могла сдержаться: Телеграмму принесли ей, когда вся школа была на лицо. Глаза всѣхъ дѣвочекъ устремились на лицо ихъ начальницы. Никто не былъ посвященъ въ тайну кромѣ Китти. Ея милое личико поблѣднѣло; глаза сами собой остановились на одно мгновеніе на миссисъ Шервудъ. Благодаря замѣчательному умѣнью владѣть собой, начальница не выказала ни малѣйшаго волненія. Она обернулась къ прислугѣ и сказала:—отвѣта не будетъ,—и спокойно продолжала свое дѣло. Но какъ сильно билось ея сердце! Какое болѣзненное, мучительное чувство отчаянія испытывала она! Она молила Бога наставить ее. Она раздумывала, какъ ей поступить въ такомъ тяжеломъ случаѣ.

— Что случилось? Неужели она сдѣлала это? Если есть вообще невинное лицо, то именно ея,—говорила себѣ миссисъ Шервудъ.—А между тѣмъ нѣтъ никакого сомнѣнія.

Она ушла въ свою комнату. Дѣвочки, по обыкновенію, разошлись во всѣ стороны. Ничего не случилось. Всѣ были веселы. Генріэттѣ приходилось скрывать свое волненіе. Мэри Куппъ также должна была сдерживаться Мэри имѣла нѣкоторое преимущество надъ Генріэттой: если у нея на лицѣ выражались тревога и волненіе, то это приписывалось состоянію здоровья Поля, такъ какъ всѣ дѣвочки въ школѣ уже знали, что онъ боленъ и болѣе или менѣе жалѣли его сестеръ и ухаживали за ними.

Послѣ обѣда Китти ушла въ садъ. Она была совсѣмъ одна. Телеграмма получена. Она оправдана. Каждую минуту за ней можетъ прислать любимая начальница. Она нѣсколько удивлялась, что за ней еще не присылали. Но, конечно, тысячи случайностей могли помѣшать этому.

Она вошла въ домъ, ожидая получить тамъ приглашеніе, котораго она такъ долго ожидала. Она видѣла, что миссъ Хонебёнъ прошла въ комнату миссисъ Шер-



Я хочу предложить вамъ обѣимъ одинъ вопросъ.

вудъ; замѣтила, что и миссъ Хизъ также прошла туда. Это ее немного удивило. Впрочемъ, можетъ быть, учительницы собрались по какому-нибудь особенному дѣлу. Она снова пошла въ садъ. На сердцѣ у нея было легко. Чего можетъ бояться дѣвочка, когда она знаетъ, что она не сдѣлала того, въ чемъ ее обвиняютъ? Отецъ и Джэкъ нѣсколькими магическими словами очистятъ ее отъ жестокаго, неосновательнаго обвиненія.

Послѣдніе два дня Китти, помимо своей воли, была въ нѣсколько подавленномъ настроеніи духа. Но теперь она чувствовала себя вполнѣ счастливой. Минутная тревога улеглась. Свойственная ирландцамъ способность веселиться вернулась къ ней. Она танцовала, пѣла; она летала граціознымъ движеніемъ по полянѣ. Она наклонилась сорвать цвѣтокъ и поднесла его къ носу, чтобы насладиться его запахомъ. Она смѣялась. Легкій вѣтерокъ обвѣвалъ ея веселое лицо; онъ подхватывалъ ея кудрявые, темные волосы и откидывалъ ихъ назадъ. Она имѣла видъ наполовину волшебнаго духа, наполовину дѣвочки и казалась воплощеніемъ радости.

Трое людей, незамѣченныхъ ею, слѣдили за ней изъ окна. То были миссисъ Шервудъ, миссъ Хонебёнъ и миссъ Хизъ. Учительницы только что были посвящены въ тайну. Обѣ были поражены. Чувства ихъ почти не поддавались описанію. Нѣжное сердце миссъ Хонебёнъ было переполнено отчаяніемъ, любовью и страстнымъ желаніемъ.

— Бѣдная, бѣдная, маленькая Китти!—сказала она.— Что дѣлать?

— Милая, я теряюсь почти такъ же, какъ вы, — сказала миссисъ Шервудъ.—Теперь я сказала вамъ все. Я надѣялась, что мнѣ не придется разсказывать этого вамъ. Помните тотъ день, дорогая Люси, когда вы пришли ко мнѣ и я говорила о непріятностяхъ? Я думала, что только что полученная телеграмма положитъ конецъ этимъ непріятностямъ; напротивъ, она только подтверждаетъ ихъ.

Теперь вопросъ въ томъ: слѣдуетъ ли намъ дать Китти еще возможность оправдаться?

— Если можете, дайте ей эту возможность!—сказала миссъ Хонебенъ.

— Во всякомъ случаѣ, поступайте безпристрастно,— сказала миссъ Хизъ.

— Да, да, я поступлю безпристрастно во что бы то ни стало; но, мнѣ кажется, что изъ добраго чувства надо дать дѣвочкѣ еще одинъ шансъ. Видите, вотъ каково положенiе. Какъ королева мая, Китти отвѣтственна передъ каждой дѣвочкой въ школѣ. Такъ какъ она королева мая, то наказанiе ей должно быть назначено не мной, не другими учительницами, а ея школьными товарками. Должна ли я оставить ее на ихъ милосердiе? У дѣвочекъ нѣтъ опытности. Дѣвочки могутъ быть завистливы; дѣвочки могутъ быть жестоки. Мнѣ ли имѣть дѣло съ ней, или предоставить это дѣвочкамъ?

— Возьмитесь за это сами, возьмитесь, дорогая миссисъ Шервудъ,—сказала миссъ Хонебенъ.

— Я полагаю, что, при данныхъ обстоятельствахъ, вамъ лучше самой имѣть съ ней дѣло,—прибавила миссъ Хизъ.

— Я рада, что вы такъ думаете. Я склонна согласиться съ вами. Я повидаюсь съ бѣдной, несчастной, заблудшей дѣвочкой и, если она скажетъ всю правду, то, даже теперь—, я можетъ быть, накажу ее, но не подвергну ее самому тяжелому наказанiю—быть развѣнчанной. Вы, конечно, знаете, дорогая, что это почетное положенiе длится цѣлый годъ. Ахъ, я не могу говорить объ этомъ! Я хочу видѣть дѣвочку. Дай Богъ, чтобы она созналась мнѣ. Люси, милая, пришлите мнѣ Китти.

Миссъ Хонебёнъ позвала Китти, танцовавшую на лужайкѣ, къ миссисъ Шервудъ.

— Ахъ, какъ я рада!—сказала Китти. Она даже не взглянула на миссъ Хонебёнъ, а полетѣла, какъ могла быстрѣе, въ домъ, потомъ по корридору и постучалась

въ дверь комнаты миссисъ Шервудъ. Послышался голосъ миссисъ Шервудъ:

— Войдите,—и Китти вошла.

Глаза Китти блестѣли почти ослѣпительно. Щеки ея горѣли, какъ розы. Она поспѣшно вошла въ комнату.

— Вы получили телеграмму, — я такъ рада! Теперь вы знаете: теперь вы можете быть увѣренной. О, я такъ рада! Конечно, я все время знала, что я не дѣлала этого; но я видѣла, что, несмотря на то, что вы были такъ милы со мной, вы все же нѣсколько сомнѣвались во мнѣ. Теперь вы не будете сомнѣваться во мнѣ. Что говоритъ папа? Вы—вы покажете мнѣ телеграмму? Что—что такое, милая,—дорогая, хорошая? Что случилось? Какая-нибудь непріятность? Это пришла другая телеграмма? Я такъ была увѣрена, что эта та. Когда ее принесли въ школьную комнату, я сказала себѣ:—оправдана, оправдана!—Я чуть было не крикнула эти слова! А тутъ вы такъ нѣжно взглянули на меня—немного печально, но такъ нѣжно. А теперь, что же такое, дорогая? Можетъ быть, это была не моя телеграмма?

— Нѣтъ, Китти, твоя.

— Такъ въ чемъ же дѣло, дорогая миссисъ Шервудъ? Конечно, папа могъ написать только одно. Что вы писали ему?

— Я предложила ему вопросъ, милая. Я спрашивала, получилъ ли твой двоюродный братъ Джэкъ сегодня письмо отъ тебя. Я написала какъ только возможно ясно.

— Ну, конечно. А Джэкъ, милый, старый Джэкъ, онъ былъ очень радъ получить письмо отъ меня; онъ такой милый,—со смѣхомъ проговорила Китти!—Но, бѣдняга, не могъ же сказать, что онъ получилъ письмо, неправда-ли миссисъ Шервудъ?

— Китти, ты очень хорошо выпутываешься. Ты удивляешь меня больше, чѣмъ я могу выразить. Вотъ отвѣтъ изъ „Пикъ“, который я получила сегодня въ школьной комнатѣ. Онъ подписанъ твоимъ двоюроднымъ братомъ.

Говоря это, миссисъ Шервудъ вложила въ руку Китти маленькій темный конвертъ. Дѣвочка вскрыла его. Въ первый разъ за все время она нѣсколько испугалась и смутилась. Она не понимала обращенія начальницы. Потомъ ея глаза упали на слова:—Да, радъ, что получилъ. Джэкъ О'Донованъ.

Медленно, очень медленно истина этихъ зловѣщихъ словъ проникла въ мозгъ Китти. По правдѣ сказать, сначала она совсѣмъ не поняла ихъ. Потомъ расхохоталась какимъ-то принужденнымъ, рѣзкимъ смѣхомъ. Затѣмъ уронила телеграмму и вглянула прямо въ лицо миссисъ Шервудъ.

— Милая,—сказала миссисъ Шервудъ,—ты видишь сама.

— Да,—сказала Китти,—вижу, что кто-то написалъ Джэку. Я не писала ему.

— Сядь, милая Китти. Я должна поговорить съ тобой объ этомъ.

— Я лучше хочу стоять, — сказала Китти. — Мнѣ нужно быть поближе къ окну. Сердце у меня бьется очень, очень сильно. Я какъ-будто задыхаюсь. Меня удивляетъ Джэкъ.

— Неужели ты думала, что онъ скроетъ твой дурной поступокъ, Китти О'Донованъ.

— Миссисъ Шервудъ! Неужели это вы говорите такъ со мной?

— Китти, это разбиваетъ мнѣ сердце! Но эта телеграмма доказываетъ твою вину. Иначе нельзя сказать. Ты писала своему двоюродному брату. Ты нарушила строгое правило школы. Хуже того, ты отрицала свою вину. Ты наговорила много лжи. Тебѣ было оказано много снисхожденія. Ты сама предложила, чтобы въ „Пикъ" была послана телеграмма. Я поступила по твоему указанію. Пока не пришелъ отвѣтъ, я обращалась съ тобой, какъ съ невиновной. Теперь я не могу больше дѣлать этого. Эта телеграмма подтверждаетъ твою вину. Но, дитя мое,

бѣдное дитя мое, Китти, скажи, что ты раскаиваешься. Я накажу тебя, милая, должна наказать; но ты не должна испытать худшаго наказанія. Скажи мнѣ, что ты сдѣлала это и искренно жалѣешь. Дорогая, скажи!

— Я не могу,—отвѣтила бѣдная дѣвочка.—Я не дѣлала этого; я не могу сказать вамъ, что писала. Это невозможно.

— Ну, такъ ты знаешь, Китти, что ожидаетъ тебя.

— Не знаю; и мнѣ все равно. Если вы думаете, что я могла сдѣлать это и скрыть отъ васъ и попросить васъ телеграфировать Джэку, предполагая, что Джэкъ скроетъ, что я прислала ему письмо,—тогда мнѣ, кажется, все равно. Что же будетъ со мной?

— Ничего, если ты сознаешься, дитя мое. Даже теперь, если ты скажешь мнѣ правду.

— Миссисъ Шервудъ, если бы васъ обвинили въ томъ, чего вы не дѣлали, сознались ли бы вы, чтобы избѣжать наказанія, въ проступкѣ, котораго вы не дѣлали?

— Ахъ, Китти, дитя мое, да вѣдь съ тобой дѣло обстоитъ иначе.

— Нѣтъ такъ же. Миссисъ Шервудъ,—Китти вдругъ упала на колѣни,—миссисъ Шервудъ, дайте мнѣ вашу руку.

Начальница протянула руку дѣвочкѣ.

— Теперь, пожалуйста, взгляните мнѣ въ глаза —

— Китти, къ чему это?

— Взгляните, взгляните. Неужели вы по моимъ глазамъ можете подумать, что я виновата? Неужели вы думаете, что я, дочь самаго гордаго человѣка въ Ирландіи, унизилась бы до низкой, грязной лжи? Миссисъ Шервудъ, я ничего не знаю объ этомъ письмѣ. Я не имѣю ни малѣйшаго понятія о томъ, какъ оно попало въ „Пикъ". Я знаю только, что я никогда, никогда не писала его.

— Ахъ, бѣдное дитя, бѣдное дитя!

Китти медленно, очень медленно поднялась съ колѣнъ. лицо ея такъ поблѣднѣло, что одну минуту начальница подумала, что она лишится чувствъ.

— Нужно сдерживаться,—сказала миссисъ Шервудъ.

— Я стараюсь... очень стараюсь. Вы не вѣрите мнѣ?

— Нѣтъ.

— Вы считаете меня виноватой?

— Да, Китти, ты виновата.

— Миссисъ Шервудъ, вы разбиваете мнѣ сердце.

— Мнѣ очень жаль, дитя мое. Мнѣ самой кажется, что у меня разрывается сердце. Ты недавно еще въ школѣ, Китти, но въ тебѣ было что-то такое, милое, какая-то особая прелесть, что пріобрѣло тебѣ нашу привязанность, заставило всѣхъ насъ относиться къ тебѣ съ особой любовью. Я убѣждена, Китти, что всѣ въ школѣ чувствуютъ большое расположеніе къ тебѣ. Это доказано тѣмъ, что тебя избрали королевой мая. Ты вѣдь знаешь, милая, что эта честь оказывается самими дѣвочками. Учительницы тутъ ни при чемъ. Тебя полюбили такъ сильно, что выбрали королевой мая, хотя многія дѣвочки въ школѣ — Генріэтта Вермонтъ, Мэри Куппъ и обѣ француженки—имѣли больше правъ на это отличіе, такъ какъ пробыли дольше въ школѣ. Но тебя выбрали только потому, что любили.

— Теперь это ничего не значитъ,—сказала Китти.

— Нѣтъ, Китти, значитъ много. И я должна разсказать тебѣ, какъ обстоитъ дѣло. Я дала тебѣ всѣ возможности загладить свою вину. Я послала телеграмму и получила отвѣтъ, подтверждающій, что ты писала письмо, какъ видѣла Мэри Куппъ. Я ничего не говорю о поступкѣ Мэри Куппъ, не предупредившей тебя, что она находится въ комнатѣ. Если бы она сдѣлала это, то, вѣроятно, спасла бы тебя отъ того ужаснаго положенія, въ которомъ ты теперь находишься; она, понятно, заговоривъ съ тобой, напомнила бы тебѣ, что ты нарушаешь строгое правило. Но не нарушеніе правила такъ сильно огорчаетъ меня, Китти, а твое настойчивое желаніе скрыть свой поступокъ; вотъ это и огорчаетъ меня до глубины души. Но и теперь, дитя мое, я согласна протянуть тебѣ

оливкую вѣтвь любви и прощенія. Если бы это былъ обыкновенный проступокъ, то и наказаніе было бы обыкновенное. Но тутъ не обыкновенный случай. Я даю тебѣ время до завтра, Китти. Если къ этому времени ты не сознаешься, что написала это письмо и не выразишь сожалѣнія о своемъ проступкѣ и лжи—да, лжи, Китти О'Донованъ, мнѣ придется передать твое дѣло въ руки дѣвочекъ, избравшихъ тебя королевой мая. Онѣ назначатъ судъ и поступятъ, какъ найдутъ справедливымъ. Избравшія тебя дѣвочки, твои фрейлины и статсъ-дамы, будутъ твоими судьями. Я не могу представить себѣ, что онѣ сдѣлаютъ съ тобой, но чтобы это ни было, Китти, ты должна подчиниться ихъ рѣшенію. А теперь оставь меня.

Китти медленно, съ гордымъ видомъ вышла изъ комнаты. Въ лицѣ ея произошла совершенная перемѣна. Она была настолько замѣтна, что пробудила чувство удивленія и тревоги въ сердцѣ миссисъ Шервудъ. Дѣвочка казалась какимъ-то новымъ существомъ. Кротость уступила мѣсто высокомѣрному презрѣнію. Ея глаза, обыкновенно полные любви, трогательно нѣжные и невинные, горѣли гнѣвнымъ огнемъ. Китти вышла изъ комнаты съ высокомѣріемъ, свойственнымъ ея расѣ; сердце ея было полно гнѣва и ярости. Воображеніе ея отказывалось понять то, что случилось съ ней. Она почти не могла думать. Одно только она рѣшила: она не скажетъ, что она сдѣлала то, чего она не дѣлала.

Когда Китти вышла изъ комнаты, ей пришлось пройти мимо группы дѣвочекъ, стоявшихъ въ корридорѣ. Прекрасная погода перваго мая смѣнилась пасмурной и холодной. Дулъ холодный восточный вѣтеръ. Солнце пряталось за тучи; начинался дождь.

Анжелика, очень любившая Китти, крикнула ей:—Не придешь ли въ залу разсказать намъ какую-нибудь ирландскую исторію, Китти О'Донованъ?

— Нѣтъ, не приду, Анжелика,—отвѣтила Китти.

Анжелика, милая, добросердечная дѣвочка. съ изумленіемъ взглянула на Китти. Китти никогда прежде не говорила такимъ высокомѣрнымъ тономъ. Елизавета Решлей тревожно взглянула на Китти. Сердце Генріэтты, стоявшей невдалекѣ, внезапно преисполнилось надеждой: возможно ли, возможно ли, чтобы приблизилось время ея торжества? Не открыла ли миссисъ Шервудъ чего-нибудь, что превратило ея сомнѣнія въ увѣренность? Въ такомъ случаѣ торжество Генріэтты близко. Она была вполнѣ увѣрена, что миссисъ Шервудъ поступитъ твердо и рѣшительно. Она не отступитъ передъ униженіемъ Китти О'Донованъ.

Китти побѣжала на верхъ, по направленію къ своей комнатѣ. Какъ разъ, когда она добѣжала до нея, она увидѣла Мэри Куппъ, которая пробѣжала мимо нея, хотя Китти окликнула ее. Мэри, дрожа, помчалась внизъ. По выраженію лица Китти она поняла, что случилась новая катастрофа. Дѣвочки продолжали стоять въ корридорѣ. Генріэтта подошла къ Мэри и взяла ее подъ руку.

— Мэри,—сказала она, — я хочу поговорить съ тобой. Не думаю, чтобы теперь въ залѣ былъ кто-нибудь. Пойдемъ туда.

Дѣвочки ушли и сѣли въ уголокъ, откуда онѣ могли увидѣть каждаго, кто войдетъ въ залу, и откуда нельзя было разслышать ихъ словъ.

— Я замѣтила кое-что, — сказала Генріэтта,—и думаю, что время нашего торжества близко.

— Не говори, не говори этого, — сказала Мэри. Многія изъ дѣвочекъ замѣтили выраженіе лица Китти, а по сердцу Мэри оно словно рѣзнуло острымъ ножомъ.

— Что такое съ тобой, Мэри? Вѣдь ты же отлично знаешь, что мы собираемся унизить Китти О'Донованъ. И мнѣ кажется, что униженіе начинается.

— О-о!—сказала Мэри.

— Между прочимъ, слышала ты что-нибудь о твоемъ братѣ?

— Ничего еще, и очень безпокоюсь.

— Ну, такъ не будемъ говорить о немъ. Пожалуйста, не падай духомъ. Если ты будешь блѣдна и разстроена, то всѣ начнутъ подозрѣвать, что мы желаемъ униженія Китти О'Донованъ; а это не годится, моя милая. Мы должны продѣлать всю эту церемонію очень торжественно и не уклоняться отъ непріятностей. Китти такъ популярна, что, я вижу, это будетъ нелегко. Но мы должны настоять на своемъ и, главное, добиться помощи Елизаветы Решлей. Маргарита Лэнгтонъ, я увѣрена, будетъ вполнѣ на нашей сторонѣ.

— Я назову тебѣ дѣвочку, которая не будетъ на нашей сторонѣ—это Клотильда Фокстиль.

— Я думала о ней,—сказала Генріэтта,—но надѣюсь, что сумѣю справиться съ ней. Мнѣ бы только хотѣлось узнать, что происходитъ здѣсь. Нѣсколько времени тому назадъ Китти позвали въ гостиную миссисъ Шервудъ и она вышла оттуда съ такимъ видомъ...

— Съ какимъ?—спросила Мэри.

— Ну, съ такимъ, какого, я надѣюсь, никогда не увижу у тебя. Она казалась почти безумной. Я никогда не видала ничего подобнаго во всю мою жизнь.

Дверь отворилась и въ залу вошла Елизавета Решлей. Она медленно подошла къ дѣвочкамъ.

— Ахъ, по обыкновенію, шушукаетесь, — сказала она.—Я хотѣла предложить вамъ одинъ вопросъ.

— Присядь къ намъ, Елизавета,—проговорила Генріэтта самымъ ласковымъ тономъ,—пожалуйста. Мы съ Мэри очень дружны—не правда ли, Мэри?—но мы ничего не имѣемъ противъ того, чтобы поболтать еще съ одной подругой, въ особенности если она милая.

— Я не желаю оставаться съ вами, — холодно сказала Елизавета.—Я хочу только предложить обѣимъ вамъ одинъ вопросъ.

— О!

Генріэтта подняла глаза и встрѣтила взглядъ ясныхъ,

красивыхъ глазъ Елизаветы. Елизавета была передъ Китти королевой мая. Почетное положенiе было обезпечено ей. Ни одной дѣвочки не уважали и не обожали такъ, какъ Елизавету Решлей.

— Я чувствую, что могу говорить откровенно,—сказала она.—У меня нѣтъ никакихъ доказательствъ моихъ словъ. Я основываюсь только на томъ, что мнѣ говоритъ мой умъ и мое сердце и сильно склонна подозрѣвать васъ въ томъ, что вы по какой-то непонятной причинѣ замышляете что-то противъ милой маленькой Китти О'Донованъ.

— О, какiя глупости!—крикнула Генрiэтта.—Удивляюсь, какъ ты можешь быть такой несправедливой, Елизавета!

— Я вовсе не несправедлива; но, какъ я уже говорила, я чувствую сердцемъ и вижу, что вы неискренны въ отношенiи къ Китти. У васъ могутъ быть свои причины. Но ваше непрiязненное отношенiе замѣтно не только мнѣ, но и всѣмъ дѣвочкамъ въ школѣ. Если бы я могла узнать въ чемъ дѣло, то, можетъ быть, помогла бы вамъ устроить его.

— Можетъ быть и вовсе ничего нѣтъ,—сказала Мэри.

Генрiэтта взглянула на свою прiятельницу.

— Нѣтъ, Мэри,—серьезно сказала она, — было бы очень дурно не сказать этого Елизаветѣ, которой всѣ вѣрятъ, которую любятъ и уважаютъ. Случилось что-то дурное и я очень боюсь, что всѣмъ намъ предстоятъ волненiя и огорченiя изъ-за Китти О'Донованъ.

— Но, что же она сдѣлала, бѣдняжка?

— Нехорошо разсказывать объ этомъ, — замѣтила Генрiетта. — Если она сдѣлала то, что мы предполагаемъ—ты, конечно, скоро узнаешь это. А говорить теперь было бы нехорошо съ нашей стороны.

— Но это продолжается уже нѣсколько дней, съ того самаго счастливаго дня, когда веселая Китти стала королевой мая.

Мэри молчала.

— Мнѣ жаль огорчить тебя, Елизавета, но я не могу сказать ничего больше,—сказала Генріэтта.

— Такъ вотъ почему у нея было такое выраженіе лица, — проговорила Елизавета. — Сейчасъ же пойду къ ней и попытаюсь узнать сама.

— Право, Елизавета, я отъ души желаю, чтобы ты не дѣлала этого,—сказала Генріэтта.

— Благодарю тебя. Я предпочитаю дѣлать то, что считаю правильнымъ.

Елизавета вышла изъ комнаты.

— Ну, вотъ,—сказала Генріэтта, — это именно то, чего я больше всего не хотѣла. Со всѣми ея превосходными качествами Елизавета чрезвычайно впечатлительна и если привязывается къ кому-нибудь, то очень, очень горячо и неизмѣнно. Не желала бы я, чтобы Китти встрѣтилась теперь съ ней.

Елизавета медленно поднялась наверхъ. Хорошенькая комнатка Китти была не очень далеко отъ ея комнаты. Елизавета постучалась. Отвѣта не было. Она снова постучалась. Снова нѣтъ отвѣта. Тогда она сказала тихимъ голосомъ:—Китти, милая, это я—Елизавета Решлей. Я очень хочу поговорить съ тобой. Впусти меня, дорогая.

Отвѣта все не было. Подождавъ немного, Елизавета повернула ручку двери и вошла.

Въ школѣ было правило никогда не запирать дверей; не дозволялось имѣть ключей или задвижекъ. Поэтому Елизавета знала, что можетъ войти въ комнату Китти. Она нашла ее лежащей на постели, уткнувшись лицомъ въ подушку. Она не плакала, но лежала тихо, очень тихо. Елизавета поспѣшно подошла къ ней.

— Ну, Китти, въ чемъ дѣло?—спросила Елизавета. Ты должна разсказать мнѣ.

— Ты узнаешь достаточно скоро, Елизавета.

— Но я хочу знать теперь.

— Ты такая же, какъ и другія; ты не повѣришь мнѣ.

— Испытай меня, — сказала Елизавета. — Я вѣдь замѣтила, что ты въ тревогѣ и не похожа на самое себя съ перваго мая. Сегодня четвертое число и ты совсѣмъ сражена горемъ. Ты далеко отъ родныхъ, у тебя нѣтъ матери...

— О,—проговорила Китти.—Она зарыдала, но тотчасъ же подавила рыданіе.

— Я, однажды, испытывала то же, что ты,—сказала Елизавета.—У меня были непріятности въ школѣ. Одна дѣвочка очень недобро относилась ко мнѣ. Можно мнѣ сѣсть у твоей постели? Я подержу тебя за руку и разскажу все.

— Пожалуй... мнѣ все равно,—сказала Китти.

— Ну я все таки разскажу тебѣ. Но прежде всего я положу тебѣ на ноги это пуховое одѣяло.

Елизавета укрыла Китти. Она сѣла у ея кровати и стала медленно проводить по лбу дѣвочки своей бѣлой, красивой рукой. Это магнетическое прикосновеніе успокоительно дѣйствовало на бѣдную Китти.

— Я разскажу тебѣ все про себя и про то, что случилось со мной,—продолжала Елизавета.—Я была, какъ и ты, единственной дочерью; отецъ мой жилъ въ Индіи, а мать въ Англіи. Другихъ дѣтей, кромѣ меня, у нихъ не было. Мать была больна—очень больна. Я страстно любила мою мать! Я съ трудомъ переносила жизнь вдали отъ нея. Но у отца были странныя понятія насчетъ нѣкоторыхъ вопросовъ, и онъ пожелалъ, чтобы я жила въ школѣ, и именно здѣсь. Мать отослала меня сюда. Я была страшно несчастна. Я всегда стремилась узнать что-нибудь о ней. Ты знаешь, здѣсь въ школѣ немного правилъ, но тѣмъ болѣе мы обязаны соблюдать ихъ. Ну, я разскажу тебѣ, какъ я нарушила одно изъ этихъ правилъ.

Китти, которая не двигалась съ той минуты, какъ

вошла Елизавета, лежала очень тихо и Елизавета догадалась, что она думаетъ свою думу.

— Вотъ какъ это случилось,—продолжала Елизавета.—Ты знаешь, что изъ деревни Мертонъ, которая находится вблизи Мертонъ-Гебльсъ, по четвергамъ вторую почту не приносятъ кому нужно, тотъ самъ идетъ за письмами въ Мертонъ-Гебльсъ. Наступилъ четвергъ и я страшно тревожилась, ожидая вѣстей о матери. Въ то время я была страшно горда, вродѣ тебя, и ни за что не хотѣла разсказать дорогой миссисъ Шервудъ о томъ, какъ страшно больна моя мать. Передъ тѣмъ я получила письмо, которое очень встревожило меня, и думала пойти въ Мертонъ въ надеждѣ получить еще письмо съ почтой послѣ полудня. Я была вполнѣ увѣрена, что получу письмо. Съ тѣхъ поръ какъ ты поступила, правила, ты знаешь, нѣсколько измѣнились. Теперь дѣвочки могутъ вдвоемъ ходить въ Мертонъ, но, когда я поступила сюда, если дѣвочка шла въ деревню, то должна была идти съ учительницей. Я чуть не сошла съ ума въ этотъ день, такъ какъ ни одна учительница не была свободна, а просить какую-нибудь дѣвочку пойти со мной я не рѣшалась. Поэтому я рѣшилась нарушить правила и идти одной. Такъ я и сдѣлала. Я пошла въ деревню, добралась до почтоваго отдѣленія и получила мое письмо. Матери было лучше. Вернувшись, я прямо прошла въ комнату миссисъ Шервудъ и разсказала ей, что я сдѣлала. Я показала ей письмо и сказала, что ходила за нимъ. Я сказала, что не жалѣю о томъ, что сдѣлала, но знаю, что нарушила правила и потому считаю себя обязанной сказать ей. Она попробовала заставить меня сказать, что я сожалѣю о томъ, что сдѣлала, но я не согласилась, и она наказала меня и мнѣ было горько и обидно.

О моемъ поступкѣ было разсказано другимъ дѣвочкамъ и дня на два я была въ нѣкоторомъ родѣ исключена изъ школы, была въ опалѣ. Это случилось три года тому назадъ и тогда я совсѣмъ не понимала миссисъ

Шервудъ. Только тогда, когда умерла моя мать,—когда она покинула меня—только тогда я поняла сердце миссисъ Шервудъ. Тогда я поняла ея великую любовь ко всѣмъ намъ. О, Китти, нѣтъ другихъ такихъ людей, какъ она! Ей можно довѣриться вполнѣ и если у тебя есть какія-нибудь недоразумѣнія—мой совѣтъ: скажи ей всю правду, скажи правду.

— Я такъ и сдѣлала,—сказала Китти. Она скинула одѣяло, сѣла на кровати, прислонясь спиной къ подушкѣ и взглянула прямо въ лицо Елизаветѣ.—Я сказала ей всю правду, Елизавета, а она не повѣрила мнѣ. Она дѣлаетъ все на свѣтѣ, чтобы заставить меня сказать страшную ложь и, такъ какъ я не хотѣла сказать этой лжи, то она собирается страшно наказать меня. Я не знаю, что это будетъ за наказаніе, но, очевидно, что-то ужасное.

— Объясни мнѣ все, Китти.

— Хорошо. Я разскажу тебѣ все. Можетъ быть, ты такъ же, какъ и миссисъ Шервудъ, не повѣришь мнѣ, но я все же разскажу тебѣ.

— Дай мнѣ твою руку; я буду держать ее, пока ты говоришь. Китти, прежде чѣмъ ты начнешь свой разсказъ, я тебѣ скажу кое-что: у тебя видъ дѣвочки, которая не въ состояніи солгать.

— Я такъ же думала, Елизавета, и потому попросила миссисъ Шервудъ взглянуть мнѣ въ глаза и посмотрѣть, солгала ли я, а...

— А я все-таки ничего не знаю, милая. Разскажи же мнѣ свою исторію,—сказала Елизавета.

Китти исполнила ея желаніе и разсказала все безъ утайки.

— Такъ разсказала я все и миссисъ Шервудъ, но она не повѣрила и продолжаетъ думать, что я написала это письмо,—закончила Китти свой разсказъ,—а я, Елизавета, *никогда, никогда не писала его.* Что же будетъ со мной?

— Бѣдное дитя!—проговорила Елизавета.

— Елизавета, ты также будешь противъ меня и возненавидишь меня?

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ; я не возненавижу тебя, Китти, и выясню это дѣло. Тутъ есть что-то неладное—въ настоящую минуту не понимаю, что именно, но взгляни на меня, Китти.

Китти исполнила ея желаніе.

— Китти, я вѣрю тебѣ.

— Елизавета! Слава Богу!—Дѣвочка обвила руками шею Елизаветы и нѣсколько разъ поцѣловала въ щеку.— Слава Богу! Теперь я могу перенести это.

— Я вѣрю въ тебя, милая, но думаю, что тебѣ придется пережить тяжелое время и ниоткуда не вижу свѣта. Одно только могу сказать тебѣ: я намѣрена объявить всѣмъ въ школѣ, что вѣрю тебѣ и буду стоять за тебя; я имѣю большое вліяніе на дѣвочекъ. Я сейчасъ же пойду поговорить съ миссисъ Шервудъ объ этомъ дѣлѣ и попрошу ее не оставлять камня на камнѣ, пока не узнаютъ, кто затѣялъ все это дѣло.

— Теперь я могу жить,—сказала Китти.—Богъ послалъ мнѣ тебя. Я чуть было не сошла съ ума; хотѣла бѣжать отсюда, къ папѣ; теперь я могу остаться здѣсь.

— Да, ты должна остаться и быть мужественной.

— Елизавета, если ты вѣришь мнѣ, то не думаешь, что завтра утромъ я должна сказать страшную ложь и сознаться, что я написала письмо, котораго совсѣмъ не писала?

— Конечно не дѣлай этого, моя милая. Ты не писала письма и потому стой на этомъ. Много придется тебѣ перенести, но я думаю, что въ концѣ концовъ ты оправдаешься отъ подозрѣнія въ приписываемомъ тебѣ поступкѣ.

А теперь, Китти, времени нельзя терять и потому я ухожу.

IX. Передышка.



Елизавета Решлей была дѣвочка, не любившая откладывать разъ задуманнаго ею дѣла. Одно мгновеніе она усумнилась было въ правдивости разсказа Китти, но сомнѣніе это скоро исчезло. Въ свѣтлыхъ, ясныхъ, темносѣрыхъ глазахъ дѣвочки отражалась ея честная, правдивая душа. Если бы она поддалась искушенію и совершила этотъ проступокъ, то, навѣрно, созналась бы въ немъ. Она не сдѣлала этого. Но кто же зачинщикъ этого злого дѣла? Какіе враги могли быть въ школѣ у Китти?

Елизавета задумалась, обдумывая, съ кѣмъ бы посовѣтоваться. Прежде всего она должна повидаться съ миссисъ Шервудъ. Она пошла прямо къ ней и постучалась въ дверь ея комнаты. Ее впустили.

— Могу я сказать вамъ нѣсколько словъ, миссисъ Шервудъ.

— Конечно, Елизавета. Что же такое, милая?

— Я была наверху у бѣдной Китти О'Донованъ.

— Ты была у нея, Елизавета?—съ чувствомъ облегченія, выразившемся на ея лицѣ, сказала миссисъ Шервудъ.—Бѣдное, милое, несчастное дитя! Я такъ рада, что ты была у нея. Ну что же, Елизавета, удалось тебѣ... какъ-нибудь повліять на нее—заставить ее сознаться мнѣ? Она, конечно, разсказала тебѣ всю эту печальную исторію?

— Она разсказала мнѣ все съ начала до конца, миссисъ Шервудъ. Я нашла ее въ ужасномъ состояніи. Она была, какъ помѣшанная, въ полномъ отчаяніи. Наконецъ мнѣ удалось заставить ее говорить и она призналась мнѣ въ своемъ горѣ. Я скажу вамъ, миссисъ Шервудъ, что я посовѣтовала Китти.



...и Матильда Куппъ. „Милыя, сказала Елизавета. — что нибудь случилось съ вами“?..

— Да благословитъ тебя Богъ, милая Елизавета! Ты, конечно, посовѣтовала бѣдняжкѣ сказать мнѣ правду, что она написала письмо и боялась сознаться въ этомъ?

— Нѣтъ. Я посовѣтовала ей твердо стоять на своемъ. Она говоритъ, что не писала письма. Миссисъ Шервудъ, я вѣрю ей.

— Елизавета! И послѣ этой телеграммы? Вѣдь мальчикъ получилъ письмо; онъ такъ и отвѣтилъ въ телеграммѣ. Вотъ она, взгляни сама милая.

Елизавета взглянула и положила тонкій листъ бумаги на столъ.

— Надо сохранить ее,—сказала она.—Безъ сомнѣнія Джэкъ О'Донованъ получилъ какое-то письмо, но не отъ своей кузины Китти; въ этомъ я увѣрена такъ же, какъ въ томъ, что стою здѣсь.

— Тогда въ какомъ ужасномъ поступкѣ ты обвиняешь Мэри Куппъ, милая Елизавета?

— Я никого не обвиняю. Я не вижу ни проблеска свѣта въ этой тьмѣ. Но я хочу основательно разобраться въ этомъ дѣлѣ. Я хочу во что бы то ни стало добиться правды. Но во всякомъ случаѣ, что бы ни произошло, я остаюсь при убѣжденіи, что Китти О'Донованъ не виновата.

— Ты забываешь, Елизавета, что если Китти будетъ продолжать отрицать свою вину, мнѣ придется разсказать этотъ случай судьямъ, въ числѣ которыхъ будешь и ты. Ты знаешь, что бываетъ, когда королеву мая приходится развѣнчивать вслѣдствіе ея проступка?

— Да, знаю: правиламъ, рѣшеніе предоставляется тѣмъ дѣвочкамъ, которыя избрали ее.

— Развѣнчиваніе королевы происходитъ съ такой же торжественностью, какъ и провозглашеніе ея, — сказала миссисъ Шервудъ.—Это дѣлается публично и развѣнчанная королева должна отдать всѣ знаки своего достоинства въ присутствіи тѣхъ, кто видѣлъ ее въ часъ ея торжества. Не могу выразить, какое ужасное испытаніе предстоитъ этой несчастной дѣвочкѣ.

Елизавета стояла нѣсколько времени въ полномъ безмолвіи.

— Это совершенно вѣрно,—наконецъ проговорила она.—Но хуже всего, въ данномъ случаѣ, той, которая написала это письмо.

— Твои симпатіи къ Китти заставляютъ тебя несправедливо судить о какой-нибудь другой дѣвочкѣ,—сказала миссисъ Шервудъ.—Конечно, милая, дѣло очень просто: дѣвочка была внѣ себя отъ гордости и восторга и написала двоюродному брату; когда ее обвинили, она испугалась и не созналась въ своемъ проступкѣ. Такое предположеніе гораздо болѣе вѣроятно, чѣмъ то, что какая-то дѣвочка захотѣла сдѣлать ей зло. И, кромѣ того, кто можетъ подражать почерку Китти? Онъ единственный въ своемъ родѣ, не скажу по красотѣ, но по оригинальности.

— Все это такъ,—сказала Елизавета,—и Китти могла бы поступить, какъ вы говорите, но она не предложила бы вамъ телеграфировать ея двоюродному брату, если бы написала это письмо.

— Сознаюсь, что сильно поколебалась, когда она предложила мнѣ послать телеграмму,—сказала миссисъ Шервудъ.—Я была такъ рада за Китти и думала, что все объяснится; а теперь, боюсь, мнѣ придется поступить такъ, какъ будто я считаю ее виновной. Я подозрѣваю, что она просила меня телеграфировать въ разсчетѣ, что ея двоюродный братъ поддержитъ ее и отвѣтитъ, что не получалъ письма.

— О, Боже мой!—сказала Елизавета.—Ну, я рѣшилась. Я вполнѣ увѣрена въ невинности Китти и предприму мѣры, чтобы доказать ее. Конечно, мнѣ придется быть одной противъ многихъ, но меня любятъ въ школѣ и я не оставлю камня на камнѣ, пока не доберусь до истины въ этомъ отвратительномъ дѣлѣ.

— Если тебѣ удастся доказать ея невинность, то никто не будетъ радъ этому, болѣе меня—сказала мис-

сисъ Шервудъ.—Но теперь оставь меня, Елизавета. Изъ твоихъ словъ я вижу, что несчастная дѣвочка будетъ упорствовать въ отрицанiи своей вины. Жаль, если ты такъ воспользовалась своимъ влiянiемъ на нее. Тогда мнѣ остается только одно.

— Не могли ли бы вы отложить обсужденiе этого дѣла на недѣлю,—сказала Елизавета,—и дать мнѣ время узнать, виновна ли Китти, или нѣтъ?

— Нѣтъ, милая; это было бы нехорошо въ отношенiи другихъ. Я слишкомъ долго скрывала отъ нихъ. Помни, что королева мая принадлежитъ своимъ подданнымъ. Помни, что королева мая, по крайней мѣрѣ въ Мертонъ-Гебльсѣ, пользуется властью впродолженiи цѣлаго года. Нехорошо оставлять Китти возможность пользоваться этой властью хотя бы впродолженiе часа послѣ того, какъ мы сочли ее недостойной.

Елизавета вышла изъ комнаты. Вокругъ нея царилъ мракъ, но она все же искала свѣта.

Миссисъ Шервудъ сказала правду: въ ея особой и во многихъ отношенiяхъ замѣчательной школѣ королева мая играла такую же роль, какую исполняетъ старшина въ мужской общественной школѣ. Всѣ празднества въ году устраивались ею. Она должна была давать свое согласiе на задуманныя дѣвочками развлеченiя. Правда, она не носила видимой глазу короны, зато она носила болѣе достойную: любовь ея молодыхъ подданныхъ окружала какъ бы ореоломъ ея головку. И какъ это ни странно, ни одна изъ бывшихъ до тѣхъ поръ королевъ мая не пользовалась такой популярностью, какъ маленькая Китти О'Донованъ. Въ ней было что-то особенно свѣжее, откровенное, достойное любви. Она была такъ весела, такъ добродушно остроумна, такъ проста. Во всѣхъ людяхъ она видѣла только хорошее. Ставъ королевой мая, она нисколько не возгордилась выпавшей на нее высокой честью; напротивъ, она относилась къ своему избранiю съ трогательнымъ смиренiемъ. Со стороны дѣвочекъ было такъ мило,

что онѣ выбрали ее. Сможетъ ли она когда-нибудь доказать имъ, какъ глубоко она любитъ ихъ за этотъ поступокъ?

Но въ настоящее время бѣдная дѣвочка внезапно подверглась испытанію и чувства, о существованіи которыхъ она и не подозрѣвала, волновали ея душу. Нѣчто въ родѣ отчаянія охватило ее. Она не писала этого письма, а между тѣмъ Джэкъ получилъ письмо, какъ онъ думалъ, отъ нея. Кто могъ послать его. Кто могъ поддѣлаться подъ ея почеркъ? Невозможно. Она чувствовала, какъ будто надъ ней тяготѣетъ какая-то злая сила, какъ будто она живетъ въ какомъ-то ужасномъ снѣ. Даже мысль о поддержкѣ Елизаветы вскорѣ перестала утѣшать ее.

Между тѣмъ Мэри Куппъ жила въ постоянной тревогѣ. Дѣйствительно, положеніе ея было незавидное. Въ характерѣ Мэри было столько же непріятныхъ чертъ, сколько было пріятныхъ въ характерѣ Китти. Мэри могла завидовать, могла, какъ оказалось, обманывать. Но душа ея была полна всепоглощающей, великой любви, страстнаго обожанія брата Поля. Чтобы спасти его, она поступила очень дурно. Теперь она уже не должна отступать, хотя бы, въ концѣ концовъ, была съ позоромъ изгнана изъ школы. Если даже все будетъ открыто, она должна стоять на своемъ.

Миссисъ Шервудъ провела безъ сна почти всю ночь. Елизавета Решлей переговорила съ миссъ Хонебенъ и миссъ Хизъ. Милая, добрая миссъ Хонебенъ расплакалась, но не могла не признать яснаго факта; безъ сомнѣнія, Китти написала письмо.

— Не во снѣ ли она написала?—вдругъ проговорила она.—Я слышала, что это бываетъ. Вотъ тогда и разгадка.

— Пустяки,—сказала миссъ Хизъ.—Все совершенно ясно. Китти написала письмо подъ вліяніемъ минутнаго возбужденія. Она была очень взволнована выпавшими на ея долю почестями. Она, дѣйствительно, нѣсколько мо-

лода для королевы мая. Что касается меня, то, когда дѣвочки обсуждали этотъ вопросъ, я пожалѣла, что онѣ не выбрали Клотильды Фокстиль или Генріэтты Вермонтъ. Конечно, у меня не было голоса въ этомъ дѣлѣ, но я подумала, что обѣ онѣ болѣе знакомы съ свѣтскими обычаями и если бы одна изъ нихъ была выбрана королевой мая, Китти годилась бы на будущій годъ. Но она была избрана единогласно, такъ что сказать было нечего и я, понятно, и не думала больше объ этомъ. Дѣвочка была взволнована; она встала рано, написала письмо и отправила его. Теперь она боится сознаться. Вотъ и все. Она— милое, прелестное существо; да, я говорю это, несмотря на то, что въ настоящую минуту она такъ плохо ведетъ себя. Конечно, ей придется перенести наказаніе. Если до завтра, къ перерыву утреннихъ занятій, не откроется ничего, что могло бы доказать ея невинность, миссисъ Шервудъ должна будетъ изложить дѣло передъ всей школой.

— Боже мой!—сказала Елизавета,—мнѣ жаль, что вы такъ смотрите на это дѣло, миссъ Хизъ.

— Это единственно вѣрный взглядъ, моя милая.

— И хотя сердце у меня разрывается, признаюсь, что раздѣляю этотъ взглядъ,—сказала миссъ Хонебенъ.

— Спрашивали ли вы мнѣніе другихъ учительницъ?— спросила Елизавета.

— Да; у насъ было собраніе сегодня вечеромъ послѣ чая. Миссъ Уэрингъ была страшно поражена. Вы знаете, она недавно у насъ, но вполнѣ согласилась съ нами. Бѣдная мадемуазель плакала. Такъ было жаль ее. Она сказала со своей милой французской манерой:—Не наказывайте ее. Только простите. Сжальтесь надъ ней!—Но вы понимаете, дорогая, что это невозможно. Фрейленъ также согласилась, что Китти виновата. Итакъ, завтра утромъ это дѣло будетъ разбираться передъ всѣми, если не случится чего-нибудь новаго.

Елизавета сидѣла неподвижно, погруженная въ раз-

думье. Было восемь часовъ. Старшія воспитанницы ложились спать около девяти. У нея былъ еще часъ впереди на размышленіе. Она подозрѣвала двухъ дѣвочекъ. Одна изъ нихъ была Генріэтта Вермонтъ, другая — Мэри Куппъ. Нельзя ли поговорить съ ними? Нельзя ли открыть имъ глаза на громадное значеніе предстоящаго событія? Пока Китти не заняла ея мѣста, Елизавета была главой школы и никто не имѣлъ болѣе силы и вліянія въ Мертонъ-Гебльсѣ. У Елизаветы болѣла голова. Вечеръ былъ замѣчательно хорошій. Она вышла въ садъ и стала ходить взадъ и впередъ по лужайкѣ. Вдругъ она увидѣла двухъ дѣвочекъ, шедшихъ подъ руку. Онѣ разговаривали шепотомъ. Елизавета сначала не обратила вниманія на нихъ, но потомъ взглянула внимательнѣе и услышала рыданія одной изъ нихъ. Она быстро прошла по травѣ и подошла къ нимъ. Это были Джэни и Матильда Куппъ.

— Милыя, милыя!—сказала Елизавета.—Что-нибудь случилось съ вами?

— Да, Бетти, да,—сказала Матильда.

— Не могу ли я чѣмъ-нибудь помочь вамъ?

— Никто не можетъ помочь намъ. Мэри въ страшномъ горѣ и мы также. Вѣдь онъ такъ же дорогъ намъ, какъ и Мэри. Но Молли, кажется, думаетъ, что онъ принадлежитъ только ей. Отъ этого намъ вдвое тяжелѣе.

— Да, это правда,—сказала Джэни.—О, это ужасно! Я не знаю, что дѣлать, что дѣлать!

— Бѣдныя, дорогія мои,—сказала Елизавета самымъ задушевнымъ тономъ.—Разскажите мнѣ, Бетти, въ чемъ дѣло. Вы знаете, я должна помогать вамъ. Вѣдь я была главой школы. Вы не можете пойти сегодня за совѣтомъ къ бѣдной Китти, такъ посовѣтуйтесь со мной. Что случилось, мои милыя?

Матильда съ трудомъ удержала душившія ее рыданія.

— Отъ мамы пришло письмо; оно было къ Мэри. Поля возили въ Лондонъ къ доктору—знаменитому док-

тору и докторъ сказалъ, что Поль очень, очень боленъ и... я, право, не знаю, что это значитъ, но Мэри просто сходитъ съ ума.

— А вы любите его?—спросила Елизавета своимъ нѣжнымъ голосомъ.

— Любимъ ли!—сказала Джэни.—Всѣ, кто знаетъ Поля, любятъ его. Вѣдь онъ непохожъ на насъ, Бетти. Мы всѣ три очень некрасивы—ну да это намъ все равно. Что дѣлать! Богъ сотворилъ насъ некрасивыми и ничего тутъ не подѣлать. Но Поля Богъ создалъ такимъ красивымъ, такъ не похожимъ на другихъ. Мнѣ хотѣлось бы, чтобы ты видѣла его, Бетти. Ты знаешь, какія мы три самыя обыкновенныя созданія; а онъ—совсѣмъ необыкновенный. У него въ выраженіи лица есть что-то напоминающее Китти. Теперь я знаю, почему я такъ люблю Китти. Она напоминаетъ мнѣ Поля. У него такой открытый, смѣлый взглядъ, а по выраженію его лица можно подумать, что онъ будетъ современемъ великимъ человѣкомъ; лицо у него прямо удивительное! Не могу объяснить, какое. Я думаю, онъ слишкомъ хорошъ. Но, Бетти, если бы Мэри позволила намъ плакать, намъ не было бы такъ страшно тяжело.

— Поплачьте, бѣдняжки! Я поговорю о васъ съ миссисъ Шервудъ. Я знаю, что она собирается въ Лондонъ навѣстить вашу мать. Можетъ быть, если я попрошу ее, она возьметъ съ собой васъ, всѣхъ трехъ, чтобы повидаться съ Полемъ. Согласны вы? Пріятно это будетъ вамъ?

— Ты думаешь, она возьметъ насъ? Въ самомъ дѣлѣ, думаешь? Ты ангелъ, Бетти! Бетти, не знаю, что мы всѣ готовы сдѣлать для тебя, если тебѣ удастся уговорить миссисъ Шервудъ взять насъ; изъ Мертонъ-Гебльса ужъ не такъ далеко до Лондона. А ты думаешь, она возьметъ насъ?

— Я думаю, что да. Я сейчасъ пойду и поговорю съ нею.

— О, Бетти! А потомъ скажешь намъ—скажешь, есть ли надежда?

— Подождите здѣсь; времени еще много. Я вижу огонь въ кабинетѣ миссисъ Шервудъ.

— Сейчасъ пойду къ ней, а потомъ вернусь и разскажу вамъ, что она скажетъ.

Джэни подлетѣла къ Елизаветѣ, схватила ея бѣлую руку, поцѣловала ее, потомъ взяла руку Матильды и долго смотрѣла въ слѣдъ удалявшейся высокой дѣвушкѣ.

Елизавета постучалась въ дверь комнаты миссисъ Шервудъ и вошла къ ней.

— Моя милая Елизавета! Есть у тебя какія-нибудь новости?—спросила миссисъ Шервудъ. Лицо ея поблѣднѣло отъ горя и тревоги.

— Новости есть, но онѣ не касаются Китти.

— Мнѣ очень жаль, моя милая, но въ настоящую минуту ничто не интересуетъ меня. Если твои новости не особенно важны, то нельзя ли отложить ихъ до послѣзавтра? Боюсь, что завтра будетъ очень тяжелый день для школы.

— Миссисъ Шервудъ, я пришла къ вамъ съ просьбой. Я сказала вамъ, что расхожусь съ вами въ мнѣніи относительно Китти.

— Да, милая. Ты осталась одна при этомъ мнѣніи. Я посовѣтовалась со всѣми учительницами и всѣ мы, противъ желанія, несмотря на нашу любовь къ милой дѣвочкѣ, пришли къ убѣжденію въ ея виновности. Ради ея собственной пользы она должна подвергнуться заслуженному наказанію.

— Миссисъ Шервудъ, я просила васъ отложить разборъ дѣла Китти на недѣлю.

— Это было бы безполезно, милое мое дитя. Дѣло не измѣнится ни отъ какой отсрочки, а Китти пришлось бы цѣлую недѣлю переносить муки, зная мнѣніе учительницъ объ ея поведеніи.

— Теперь,—торжественно проговорила Елизавета,—

я пришла просить васъ, дорогая миссисъ Шервудъ, отложить на двадцать четыре часа наказаніе Китти. Вы хотѣли объявить эту ужасную вещь завтра въ классѣ, передъ перемѣной—не правда ли?

— Да, таково мое намѣреніе, милая.

— Но случилось нѣчто очень, очень грустное и я пришла сказать вамъ объ этомъ. Вы знаете дѣвочекъ Куппъ.

— Куппъ? Само собой разумѣется, милая.

— Мэри Куппъ сказала, что видѣла, какъ Китти писала письмо?

— Да.

— У Мэри Куппъ и ея сестеръ, Джэни и Матильды, большое горе.

— Бѣдныя, бѣдныя дѣти! Неужели? Получили онѣ какое-нибудь извѣстіе о Полѣ? Должна сознаться, что среди всѣхъ этихъ тревогъ я совершенно забыла о бѣдномъ мальчикѣ.

— Получены извѣстія о Полѣ. Не знаю, навѣрно, какія. Я гуляла въ саду, думая о Китти и увидѣла Матильду и Джэни. Бѣдныя дѣвочки, которыя, очевидно, ничего не знаютъ о Китти, шли рука объ руку и жалобно плакали. Я подошла къ нимъ; бѣдняжки сказали мнѣ, что Мэри получила письмо съ очень дурными вѣстями о Полѣ. Всѣ три онѣ очень несчастны, но двумъ остальнымъ еще тяжелѣе отъ страннаго обращенія Мэри съ ними. Вы знаете, что я неособенно долюбливаю Мэри; что то въ ней не нравится мнѣ.

— Тсъ! милая. Она въ горѣ.

— Я знаю; но и сестры ея также въ горѣ. Она, повидимому, думаетъ, что Поль принадлежитъ исключительно ей и не хочетъ позволить сестрамъ раздѣлить ея горе. Вы, кажется, говорили, миссисъ Шервудъ, что очень любили миссисъ Куппъ?

— Я очень люблю ее, Елизавета. Она была мнѣ дорогой воспитательницей, добрымъ другомъ впродолже-

ніе многихъ лѣтъ, которые были бы очень тяжелы для меня, если бы не ея нѣжныя заботы.

— Вы говорили, что собираетесь въ Лондонъ, чтобы повидаться съ ней, не такъ ли?

— Да, говорила и, конечно, поѣду. Я повидаю Матильду Куппъ и узнаю содержаніе ея письма—конечно, не завтра, а дня черезъ два. Я поѣду въ городъ, навѣщу моего бѣднаго друга и узнаю, чѣмъ бы помочь ему. Боюсь, не чахотка ли у бѣднаго мальчика. Вѣроятно, тутъ нужны деньги и полная перемѣна климата.

— И время, конечно, имѣетъ важное значеніе,— замѣтила Елизавета своимъ молодымъ серьезнымъ голосомъ.—Развѣ не жаль откладывать хотя бы на одинъ день?

— Откладывать что, милая?

— Ваше посѣщеніе, миссисъ Шервудъ. Дѣло Китти можетъ подождать лишнія сутки. Вы вѣрите, что она виновата. Оставьте ее до послѣзавтра и—могу я говорить? Вы не разсердитесь на меня?

— Ты можешь говорить, Елизавета. Я никогда не разсержусь на тебя, дорогая.

— Хотите вы осчастливить двухъ милыхъ дѣвочекъ, Джэни и Матильду? Не возьмете ли всѣхъ трехъ завтра въ городъ, чтобы повидаться съ ихъ отцомъ, матерью и Полемъ? Какъ бы онѣ были счастливы! Я сказала Джэни и Матильдѣ объ этомъ и онѣ ждутъ меня въ саду. Я могу послать къ вамъ Мэри: она покажетъ вамъ письмо; а наказаніе Китти, навѣрно, можно отложить на сутки.

— Что ты за странная дѣвушка, Елизавета. Дай мнѣ подумать минутку.

Миссисъ Шервудъ провела рукой по лбу и, прикрывъ глаза, быстро обдумала предложеніе Елизаветы. Она опустила руку и пристально взглянула на дѣвушку.

— Твое желаніе будетъ исполнено,—сказала она.— Ты вѣрно говоришь: въ вопросѣ о Полѣ время играетъ важную роль, а съ наказаніемъ Китти можно подождать.

— Благодарю васъ—благодарю васъ,—сказала Елизавета.—А вы позволите мнѣ приложить завтра мои слабыя усилія къ раскрытію этого таинственнаго дѣла?

— Дитя мое, если бы тебѣ удалось доказать невинность Китти, я не знаю чѣмъ вознаградить тебя. Хотя, впрочемъ, Елизавета, тебѣ не нужны награды, твое благородное, любящее сердце въ самомъ себѣ найдетъ награду.

Елизавета подошла къ начальницѣ съ серьезнымъ видомъ и поцѣловала ей руку.

— Благодарю васъ; я уважаю васъ,—сказала она.— Можно мнѣ сейчасъ же прислать къ вамъ Мэри?

— Пожалуйста, дорогая.

Елизавета вышла изъ комнаты. Только что она вышла изъ входной двери, какъ къ ней подскочила Джэни. Онѣ съ Матильдой прятались въ тѣни портика.

— Все хорошо, Джэни и Матильда,—сказала Елизавета.—Завтра миссисъ Шервудъ возьметъ васъ трехъ въ городъ,—я думаю рано утромъ—чтобы повидаться съ вашимъ братомъ.

— Бетти, Бетти! Какъ я люблю тебя!—сказала маленькая Джэни.

Матильда разразилась слезами, пожала руку Елизаветѣ, схватила Джэни за руку и убѣжала съ ней во тьму весенней ночи. Она не находила словъ для выраженія своей благодарности. Елизавета задумчиво пошла наверхъ. Она постучалась въ дверь комнаты Мэри. Мэри не было тамъ. Елизавета подошла къ двери комнаты Генріэтты и снова постучалась.

— Войдите!—сказалъ голосъ Генріэтты.

Въ комнатѣ были только Генріэтта и Мэри. Онѣ сидѣли у открытаго окна. Лицо Мэри было мертвенно блѣдно и только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ покрыто красными пятнами. Очевидно, она плакала долго и сильно.

— У Мэри большое горе, Елизавета,—сказала Генріэтта.

— Елизаветѣ это неинтересно,—сказала, вставая,

Мэри.—Генріэтта, я прощусь съ тобой; пойду къ себѣ въ комнату. Скажу одно—и мнѣ все равно, кто бы ни слышалъ меня—что если Богъ возьметъ моего Поля, я никогда больше не буду хорошей дѣвочкой. Одинъ только Поль на цѣломъ свѣтѣ старался сдѣлать меня хорошей.

— Мэри, мнѣ нужно видѣть тебя,—сказала Елизавета,—у меня есть порученіе къ тебѣ.

— Какое?

— Миссисъ Шервудъ желаетъ видѣть тебя.

— Я не могу видѣть ее.

— Ты должна. Она сама доброта. Она хочетъ взять тебя, Матильду и Джэни въ Лондонъ, завтра, чтобы вы повидались съ вашими родителями и братомъ. Иди же и возьми съ собой письмо.

— О!—сказала Мэри. Лицо ея вспыхнуло и тусклые глаза загорѣлись новымъ свѣтомъ. Она не подумала поблагодарить Елизавету и выбѣжала изъ комнаты.

Оставшись наединѣ съ Генріэттой, Елизавета нѣсколько времени пристально смотрѣла на нее.

— Мнѣ страшно жаль ихъ,—сказала она.

— Конечно,—отвѣтила Генріэтта.—Бѣдная Мэри обожаетъ этого мальчика.

— Онѣ всѣ любятъ его и очень сильно,—сказала Елизавета.

— Да; но онъ былъ особенно друженъ съ Мэри.

Елизавета промолчала, послѣ недолгаго молчанія она сказала:—Я рада, что миссисъ Шервудъ возьметъ ихъ завтра въ городъ. Я рада вдвойнѣ.

— Вдвойнѣ? Что ты хочешь сказать?

— Вотъ что. У насъ съ тобой, Генріэтта, будутъ лишнія сутки, чтобы поломать себѣ головы о томъ, какъ доказать, что Китти невиновна во взводимомъ на нее проступкѣ.

— Да вѣдь ты же знаешь, что она сдѣлала это, милая Елизавета! Мэри Купъ видѣла, какъ она писала письмо.

Елизавета молчала съ минуту, потомъ сказала:—У насъ

будутъ цѣлыя сутки, которыя мы, конечно, употребимъ на то, чтобы снять съ нея подозрѣніе. Наша обязанность—спасти нашу королеву.

Генріэтта нахмурилась.

— А такъ какъ,—продолжала Елизавета, пристально смотря на нее,—только мы двѣ во всей школѣ знаемъ объ этомъ, то и должны приложить всѣ, всѣ наши усилія и сдѣлать все на свѣтѣ для оправданія Китти. Намъ дана отсрочка и мы должны воспользоваться ею для пользы дорогой маленькой Китти.

Генріэтта продолжала молчать.

— Если мы не сдѣлаемъ этого,—сказала Елизавета,—то это будетъ имѣть видъ...

— Что ты хочешь сказать?

— На слѣдующій годъ, когда мы будемъ избирать королеву мая, это обстоятельство можетъ сильно повлiять на избраніе,—холодно проговорила Елизавета.

— Я всегда знала, что ты имѣешь что-то противъ меня, Елизавета Решлей,—сказала Генріэтта.—Ну такъ я выскажусь вполнѣ. Если я вѣрю во что—такъ это въ виновность Китти О'Донованъ. Моя закадычная подруга видѣла, какъ она сдѣлала этотъ проступокъ. Не можетъ быть никакого вопроса относительно ея вины. Я не стану помогать тебѣ; можешь одна дѣлать, что тебѣ угодно.

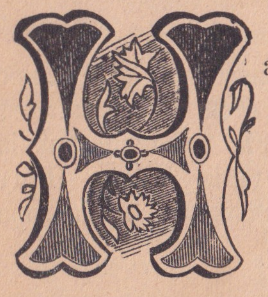
— И сдѣлаю. Впрочемъ, я забыла: я не одна. Миссисъ Шервудъ сочла нужнымъ посовѣтоваться съ учительницами. Я знаю, что онѣ справедливы и сдѣлаютъ завтра все, чтобы помочь мнѣ.

Сердце у Генріэтты забилось очень сильно.

— Елизавета!—очень тихо проговорила она.

Но Елизавета или не слышала ее, или не хотѣла слышать. Она вышла изъ комнаты.

X. Великодушный другъ.



а слѣдующій день, рано утромъ миссисъ Шервудъ отправилась въ Лондонъ съ тремя сестрами Куппъ. Мэри, такъ разсердившаяся на Елизавету, не могла устоять передъ нѣжнымъ сочувствіемъ миссисъ Шервудъ. Она не только показала письмо, но когда добрая женщина прижала съ материнской лаской къ груди плачущую дѣвочку, изъ души ея исчезло всякое чувство обиды и гнѣва противъ миссисъ Шервудъ. Она прижалась къ ней; одну минуту въ душѣ ея мелькнуло страшное сожалѣніе о томъ, что она приняла участіе въ этомъ позорномъ, ужасномъ дѣлѣ и увлекла милую, невинную Китти въ трясину подозрѣній и отчаянія, что истратила деньги, положенныя въ сберегательную кассу; ей страстно захотѣлось, чтобы ничего этого не было и сама она былабы совсѣмъ иной. Но увы! характеръ образуется годами и прежде чѣмъ забрезжило утро, Мэри забыла о Китти и ея горѣ и съ тревогой думала только о Полѣ.

Мэри по натурѣ составляла полную противоположность съ Китти. Даже въ ея любви къ Полю было столько эгоизма, что ей не нравилось видѣть, какъ сильно горюютъ о немъ ея сестры. Ей казалось, что только она одна должна страдать, переносить все, что другія не имѣютъ права на это. Джэни и Матильда почти не говорили съ ней во время поѣздки въ Лондонъ. Миссисъ Шервудъ, чутко относившаяся къ состоянію души дѣвочки, по временамъ любовно пожимала ей руку:

— Будемъ надѣяться на лучшее, милыя дѣти,— сказала она.

Выйдя на станціи Викторія, миссисъ Шервудъ взяла автомобиль, который быстро доставилъ ихъ въ меблиро-

ванныя комнаты въ Блумсбери, гдѣ остановилась семья Куппъ. Достопочтенны Джэмсъ Куппъ долженъ былъ вернуться въ свой приходъ, но миссисъ Куппъ и изнуренный мальчикъ были еще въ городѣ. Поль былъ очень боленъ послѣ поѣздки изъ Манчестера, и докторъ и слышать не хотѣлъ о его возвращенiи туда въ данное время. Бѣдная миссисъ Куппъ сидѣла въ маленькой, скудно убранной спальнѣ, разговаривая съ лежавшимъ на спинѣ Полемъ, когда ей сказали, что ее желаетъ видѣть какая-то дама. Она не могла представить себѣ, кто бы это могъ быть.

— Я сейчасъ вернусь, милый Поль,—сказала она и вышла въ сосѣднюю комнату, гдѣ ее ожидала не только добрая миссисъ Шервудъ, но и три дѣвочки. Бѣдная женщина залилась слезами, но скоро подавила ихъ.

— Ну, дѣти,—сказала она,—съ нимъ надо быть веселыми, говоритъ докторъ. Онъ говоритъ, что все зависитъ отъ того, чтобы мы сдерживались передъ нимъ. Есть нѣкоторая надежда на его выздоровленiе, но если онъ волнуется или произойдетъ что-нибудь дурное, у него можетъ быть новый приступъ кровохарканiя, и тогда всякая надежда потеряна. Ну, милочки, можете вы настолько овладѣть собой, чтобы, войдя къ нему въ комнату, весело разговаривать съ нимъ? Не давайте ему много говорить. А я останусь съ дорогой миссисъ Шервудъ.

— Да, Матильда; мнѣ нужно спросить васъ о многомъ,—сказала миссисъ Шервудъ.

— Но смотрите, дѣвочки, не утомите его,—тревожно сказала мать.—Можетъ быть вамъ лучше пойти поодиночкѣ.

— Я думаю, я пойду, мама. Позвольте мнѣ пойти,— сказала Мэри.

— Мама! вѣдь я старшая,—сказала Матильда.

— Вы всѣ повидаете его ненадолго; но Мэри его любимая сестра и потому первая пойдетъ къ нему; Мэри, надо быть очень осторожной.

— Осторожной?—сказала Мэри.—Еще бы!

На ея лицѣ появилось выраженіе, полное такой силы, рѣшимости и мужества, что миссисъ Шервудъ еле узнала дѣвочку.

— Чего не сдѣлаетъ любовь!—подумала она въ глубинѣ души.

— Итакъ, Мэри пойдетъ первая,—сказала миссисъ Куппъ.—Мэри, ты всегда понимала твоего брата. Займи его, дорогая; будь очень весела, скажи ему, какъ вамъ хорошо въ школѣ. А вы, мои милыя, сойдите внизъ, въ гостиную. Миссисъ Ровенъ, наша хозяйка, я знаю не разсердится за то, что вы пробудете тамъ нѣсколько времени.

Дѣвочки были отосланы и миссисъ Куппъ осталась наединѣ со своимъ другомъ.

— Это такъ похоже на васъ, что вы пріѣхали сюда; такъ похоже,—сказала она.

— Милая, я только вчера узнала объ опасномъ положеніи вашего мальчика. Правда, мнѣ говорили раньше, что онъ боленъ, но я не представляла себѣ насколько серьезна его болѣзнь.

— Болѣзнь очень, очень серьезна,—сказала миссисъ Куппъ.—О, Алиса! вы всегда такъ сочувственно относились ко мнѣ.

— Надѣюсь, дорогая. Я всегда буду сочувствовать вамъ, потому что никогда не забуду того, что вы сдѣлали для меня, Матильда.

— Ну, когда я подумаю о томъ, что вы дѣлаете для меня!—сказала бѣдная мать.—Алиса, онъ лучшій изъ всѣхъ. У меня семеро дѣтей, и никто изъ нихъ не походитъ на него, а онъ умираетъ—умираетъ, Алиса. Такъ говоритъ докторъ. О, Алиса, Алиса! Мой первенецъ, мой красавецъ—мальчикъ! Господь беретъ его у меня, Алиса! Докторъ говоритъ, что есть только тѣнь надежды.

— Ну, если есть хоть тѣнь надежды, дорогая, то, значитъ, не все потеряно. Мы прибавимъ кое-что къ это слабой искрѣ надежцы. Мы раздуемъ ее до пламени—

сначала можетъ быть слабаго, а потомъ и сильнаго. Не приходите въ отчаяніе, мой дорогой, дорогой другъ. Я здѣсь для того, чтобы помочь вамъ. Мои деньги, все что у меня есть—къ вашимъ услугамъ.

— Алиса, я почти схожу съ ума. Какъ я могу просить у васъ еще чего-нибудь?

— Все, что я имѣю—къ вашимъ услугамъ. Что совѣтуетъ докторъ?

— Я—т. е. отецъ и я—мы возили его къ знаменитому сэру Уильфреду Лаудердэлю. Вы знаете, что нѣтъ другого такого доктора. Нашъ докторъ далъ намъ письмо къ нему. Сэръ Уильфредъ осмотрѣлъ его чрезвычайно внимательно. Онъ говоритъ, что затронуты оба легкія; вся надежда на лѣченіе свѣжимъ воздухомъ. Онъ требуетъ, чтобы я немедленно увезла его въ Швейцарію, въ горы, на зиму въ Давосъ или С. Морицъ. Онъ говоритъ, что есть еще надежда залѣчить его легкія, если мы не будемъ медлить ни часа. А у насъ, дорогая, нѣтъ ничего, кромѣ жалкаго жалованья мужа. Вамъ я могу сказать, Алиса: какъ, имѣя семерыхъ дѣтей, прожить на двѣсти фунтовъ въ годъ? А это все, что у насъ есть. Правда, помѣщеніе у насъ даровое. Но какъ жить на это!

— Ну такъ вотъ что я скажу вамъ,—сказала миссисъ Шервудъ,—вы, его мать, должны немедленно увезти мальчика въ мѣсто, которое вамъ рекомендуетъ сэръ Уильфредъ Лаудердэль; съ вами должна ѣхать лучшая изъ сидѣлокъ, какую онъ можетъ рекомендовать вамъ. Всѣ расходы на мой счетъ. Ну, милая, везите его, какъ только онъ достаточно окрѣпнетъ. Лондонъ не годится для него. Уѣзжайте какъ можно скорѣе.

— Не знаю какъ благодарить васъ.

— Я открою вамъ кредитъ въ моемъ банкѣ. Я положу пятьсотъ фунтовъ на вашъ счетъ. Значитъ, вамъ нечего безпокоиться. Эти деньги вы будете тратить на Поля, на себя и на сидѣлку. Купите ему приличную одежду и все остальное. Вамъ нужно сейчасъ же достать сидѣлку.

Миссисъ Куппъ плакала, но при этихъ словахъ подняла голову.

— Богъ послалъ васъ,—сказала она.—Сколько вы для меня сдѣлали!

— Ну, дорогая, я буду присматривать за вашими дѣтьми—за тѣми тремя, что вы прислали мнѣ. А какъ же насчетъ остальныхъ трехъ, остающихся дома?

— Сестра мужа можетъ пріѣхать за ними. Это легко устроить. Домашнія дѣла не должны задерживать насъ.

— Это правда, дорогая; я хочу, чтобы вы выѣхали завтра ночью, а если возможно, то и днемъ.

— Поль такъ слабъ; придется ѣхать съ остановками.

— Отлично. Я хочу сама повидаться съ сэромъ Уильфредомъ Лаудердэлемъ. Я устрою денежныя дѣла, найму сидѣлку и привезу ее къ вамъ. Меня дожидается моторъ. Пока до свиданія, дорогая.

Миссисъ Шервудъ не теряла никогда времени даромъ. Она застала сэра Уильфреда какъ разъ въ то время, когда отъ него выходилъ послѣдній паціентъ. Онъ находилъ положеніе мальчика очень опаснымъ, но не безнадежнымъ и одобрилъ всѣ планы миссисъ Шервудъ.

— Какое благословеніе для міра такія женщины, какъ вы,—сказалъ докторъ.—Теперь для мальчика есть надежда на спасеніе. Я знаю какъ разъ подходящую сидѣлку. Бѣдная мать можетъ успокоиться—а по всему видно, что они очень бѣдны, — если ей не придется тревожиться о средствахъ. Она горячо любитъ мальчика.

— О, да. Благодарю васъ, докторъ.

— Не скажите ли вы отъ меня миссисъ Куппъ, что я заѣду къ ней—у меня есть ея адресъ,—около восьми часовъ вечера и дамъ ей всѣ наставленія насчетъ поѣздки? Чѣмъ скорѣе мальчикъ доберется до континента, тѣмъ лучше. Воздухъ тамъ суше. Вотъ адресъ моей примѣрной, какъ я называю ее, сидѣлки, сестры Франциски. Она свободна въ настоящее время. Отвезите ее

сейчасъ же къ миссисъ Куппъ. Никто лучше ея не умѣетъ обращаться съ больными. Нужно сейчасъ же заказать спальное купэ для больного. Такимъ образомъ, онъ можетъ проѣхать прямо изъ Калэ въ Швейцарію. Путешествовать со всѣми удобствами, для него не болѣе вредно, чѣмъ лежать на софѣ въ душной квартирѣ.

Все уже исполнилось, какъ желала миссисъ Шервудъ, когда Мэри вошла въ комнату Поля, чтобы проститься съ нимъ. Мэри сдерживалась впродолженіе цѣлаго дня. Поль лежалъ одинъ. Глаза его горѣли. Онъ взялъ сестру за руку.

— Нагнись и поцѣлуй меня, Молли. Молли, ты стараешься быть хорошей, не правда ли?

— Боюсь, что нѣтъ, Поль.

— Ну, старайся ради меня. Я такъ люблю тебя и... Молли, знаешь та чудная женщина, которая отсылаетъ меня съ мамой, сказала, что отправитъ и тебя въ Швейцарію ко мнѣ, на каникулы. Намъ есть чего ждать теперь.

— Неужели... неужели?—сказала Мэри.—Да, Поль, я...

— Будешь хорошей? — спросилъ Поль, пристально смотря на нее.

— Буду хорошей,—отвѣтила Мэри.

— Мнѣ что-то не нравится въ тебѣ,—сказалъ мальчикъ.

— Впередъ все будетъ хорошо,—сказала Мэри.

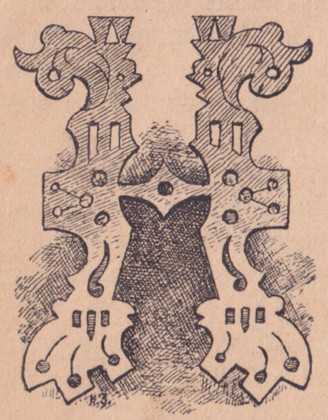
— Я почувствую, если ты будешь дурно вести себя,—замѣтилъ мальчикъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, Поль; я буду хорошо вести себя.

— Ну такъ до свиданія въ Швейцаріи,—сказалъ братъ.

Онъ поцѣловалъ ее... Въ его глазахъ стоялъ тотъ же странный свѣтъ, который Мэри видѣла въ глазахъ Китти О'Донованъ—бѣдной, маленькой Китти, которую она, Мэри, собиралась погубить.

XI. Испытаніе.



есмотря на всѣ свои усилія, Елизавета за весь день не узнала ничего, что могло бы помочь оправданію Китти О'Донованъ. Она переговорила со всѣми учительницами, и всѣ онѣ остались при своемъ прежнемъ мнѣніи. Китти сдѣлала этотъ проступокъ подъ вліяніемъ сильнаго возбужденія и боится сознаться въ немъ. Дѣло казалось безнадежнымъ и Елизавета падала духомъ все сильнѣе и сильнѣе по мѣрѣ того, какъ день приходилъ къ концу. Она избѣгала встрѣчи съ Китти, такъ какъ не могла утѣшить ее.

Вечеромъ вернулась миссисъ Шервудъ съ дѣвочками Куппъ. Матильда и Джэни были въ отличномъ настроеніи духа. Онѣ были увѣрены, что великодушіе миссисъ Шервудъ спасетъ жизнь Полю. Онѣ и не думали скрывать этого великодушія и, по пріѣздѣ, сидя въ большой залѣ, стали разсказывать все подругамъ, прибавляя, что цѣлью ихъ жизнью будетъ стараться быть хорошими, послушными, хорошо учиться и вообще быть достойными такой благородной начальницы, какъ миссисъ Шервудъ.

— Да, мы будемъ хорошими, будемъ хорошими,—сказала маленькая Джэни,—потому что такъ сильно любимъ ее.

Китти была въ залѣ, когда дѣвочки говорили это. Она сидѣла за ширмами. Ея личико оставалось въ тѣни. Она почти не дотрагивалась до пищи въ этотъ день. Теперь она медленно вышла изъ-за ширмъ, сѣла рядомъ съ Джэни и взяла ее за руку.

— Что съ тобой Китти?—вскрикнула Джэни,—ты, вѣрно, нездорова.

— Не все ли равно? — слабымъ голосомъ сказала Китти.

— Конечно не все равно,—сказала Джэни.—Матильда, наша дорогая королева, нездорова. Взгляни на нее: она блѣдна, какъ привидѣніе.

Китти помолчала съ минуту. Потомъ она сказала тихимъ, но яснымъ голосомъ:—Что вы говорите тамъ о томъ, чтобы стать хорошими? Вы хотите хорошенько учиться, избѣгать всякихъ искушеній — и все это изъ-за любви къ миссисъ Шервудъ.

— А развѣ ты не любила бы ее, если бы она столько сдѣлала для тебя?—съ удивленіемъ спросила Джэни.

— Я хочу сказать...—отвѣтила Китти—и голосъ ея былъ чистъ, какъ колокольчикъ, а выраженіе лица невыносимо трогательно, — я хотѣла сказать, что прежде чувствовала то же, что ты, но люди вовсе не добры. Большинство людей дурные, недобрые. Пока я не поступала въ школу, я думала, что всѣ люди хорошіе. Я жила съ хорошими людьми и старалась подражать имъ. Теперь я знаю, что родной домъ не міръ, міръ—школа, а школа дурная. Я не хочу быть хорошей.

Она медленно поднялась со стула и вышла изъ залы прежде, чѣмъ удивленная дѣвочка могла отвѣтить что-нибудь.

— Что съ нашей королевой мая? — вскрикнула Клотильда, слышавшая большую часть словъ Китти.

— Да, что такое могло случиться?—сказала Джэни.—Я никогда не видала Китти такой и никогда не думала, чтобы она могла говорить такъ.

— Она весь день была какая-то странная и не походила на себя, — сказала маленькая лэди Марія, послѣ Китти, быть можетъ, первая любимица подругъ. — Послѣ завтрака я думала, что она пойдетъ прогуляться со мной. Она всегда была такъ мила со мной; я, вѣдь, нѣсколько робка, но сегодня она почти рѣзко отвѣтила мнѣ. Я просто испугалась, ушла и... и заплакала.

— Стоило изъ-за чего плакать,—сказала Маргарита Лэнгтонъ.

— Я не заплакала бы, если бы ты такъ обошлась со мной,—сказала маленькая лэди Марія; — но Китти я такъ люблю, и мнѣ было больно слышать, что такъ говоритъ королева мая.

— Она такая же, какъ всѣ мы, совершенно такая же,—сказала Томасина Осборнъ.—Не знаю, правы ли мы были, избравъ ее королевой мая.

— Ну, во всякомъ случаѣ,—сказала Елизавета Решлей,—ты, Томасина, какъ одна изъ ея статсъ-дамъ, я, какъ ея фрейлина, вы, Маргарита Лэнгтонъ и Клотильда Фокстиль — мы всѣ обязаны, да, обязаны, взять ея сторону Смотрите же, сдѣлайте это.

— Боже мой, Елизавета!—вскрикнула Маргарита.— Ты совсѣмъ бѣшеная.

— Да я и чувствую себя бѣшеной. Бѣсилась бы и ты, если бы все знала,—проговорила Елизавета, выходя изъ комнаты.

Все это время Генріэтта, казалось, совершенно погрузилась въ чтеніе одной изъ повѣстей миссъ Іонжъ. Теперь она бросила книгу на столъ и оглянулась вокругъ.

— Дѣвочки!—сказала она. Всѣ обернулись и взглянули на нее. — Вы, можетъ быть, помните, что, когда всѣ единогласно избрали Китти королевой мая, я воздержалась и не подала голоса.

— Мы врядъ ли когда-нибудь забудемъ это, милая,—сказала Клотильда съ сильнымъ американскимъ акцентомъ. — Это такъ похоже на тебя, милочка, — насмѣшливо продолжала она.

Лицо Генріэтты вспыхнуло.—Время покажетъ, правильно я поступила или нѣтъ,—пророчески проговорила она.

Она обернулась къ сестрамъ Куппъ.

— Гдѣ же Мэри? Отчего она не пришла съ вами сюда?

— Она, вѣроятно, въ своей комнатѣ, — отвѣтила Джэни.

— Пойду, отыщу ее,—сказала Генріэтта.

Она пошла наверхъ, открыла, не постучавшись, дверь въ комнату Мэри и вошла туда. Мэри сидѣла у своей постели. Она сбросила съ себя шляпу и неподвижнымъ взглядомъ смотрѣла вдаль.

— Какой у тебя странный видъ, милая Молли! Пойдемъ сейчасъ ко мнѣ. Я ожидала, что ты устанешь, бѣдняжка! поэтому я купила немного какао и приготовлю его на моей милой спиртовкѣ. Хорошая чашка горячаго какао съ вкусными, поджаристыми, сливочными бисквитами будутъ очень полезны тебѣ. Идемъ, милая, въ мою комнату, я покормлю тебя.

Мэри молчала. Она смотрѣла прямо во тьму передъ собой. Дневной свѣтъ угасъ. День съ его свѣтомъ, солнечнымъ сіяніемъ, съ его радостями и горями отошелъ навсегда. Мэри продолжала смотрѣть во тьму, какъ будто видѣла нѣчто очень страшное.

— Мэри, что съ тобой?—спросила Генріэтта.

Мэри поднялась очень медленно. — Сейчасъ придутъ дѣвочки,—сказала она.—Я лучше пойду къ тебѣ, Герри.

— Да, конечно, дѣточка; пойдемъ сейчасъ.

Генріэтта взяла руку Мэри. Она была смертельно холодна.—Боже мой! Да ты дрожишь,—сказала Генріэтта.

Она привела измученную дѣвочку въ свою свѣтлую комнатку. На маленькомъ письменномъ столѣ, подъ абажуромъ, горѣла хорошенькая лампочка; всѣ комнаты пансіонерокъ представляли изъ себя смѣсь спаленъ съ гостиными. Окна въ комнатѣ были широко распахнуты, но бѣлыя занавѣси задернуты. Онѣ слегка колыхались отъ лѣтняго вѣтерка. Въ комнатѣ было въ одно и то же время тепло, свѣжо и уютно; Генріэтта, немного испуганная видомъ Мэри, заставила ее сѣсть въ кресло.

— Отдохни, милая,—сказала она и стала приготовлять двѣ чашки какао. Она приготовила его очень хорошо.

Какао такъ и пѣнилось, когда она разливала его въ чашки. Она подала Мэри чашку съ соблазнительными бисквитами.

— Поѣшь, тебѣ будетъ лучше,—сказала она.

Мэри попробовала проглотить немного какао, но, несмотря на всѣ усилія, ей не удалось сдѣлать этого.

— Не могу, Герри,—сказала она,—не могу. Я страшно напугана, Герри.

— Но твои сестры такъ веселы, дружокъ. Я была въ залѣ, когда онѣ ворвались туда. Ты знаешь, онѣ нѣсколько глупы для того, чтобы быть откровенными съ ними, но, впрочемъ, миссисъ Шервудъ это все равно. Можетъ быть, ей даже нравится, чтобы разсказывали о ея великодушныхъ поступкахъ.

— Неужели онѣ разсказали, что сдѣлала миссисъ Шервудъ?—спросила Мэри.

— Да, разсказали все. Подумать только, что она дала вашей матери денегъ, достала сидѣлку, побывала у доктора! Милая Мэри, навѣрно, въ школѣ всѣ будутъ знать, что она сдѣлала для васъ.

— Да мнѣ все равно,—сказала Мэри!—Недавно это еще что-нибудь значило бы для меня. Я, конечно, увѣрена, что мы воспитываемся безплатно, и это не нравилось мнѣ. А теперь мнѣ все равно. Герри, сознаюсь, что я не могу продолжать того, что мы затѣяли противъ Китти.

— Не можешь продолжать? Мэри Куппъ? Что это значитъ? Не можешь продолжать? Вѣдь ты же сама видѣла, какъ Китти писала письмо своему двоюродному брату; ты видѣла, что она отправила его. Ты читала адресъ. Не можешь продолжать! Что ты хочешь сказать?

— Что я,—запинаясь и дрожа, проговорила Мэри,—я думаю, что лучше не продолжать. Я хотѣла бы сказать, что—что еще...

— Ты совершенная дура,—сказала Генріэтта.—Ты разсказала мнѣ цѣлую исторію и я, услышавъ ее, и въ своемъ возмущеніи и, наконецъ, сознаюсь,—въ гнѣвѣ

на то, что эту дѣвченку сдѣлали королевой, обойдя меня, я дала тебѣ двѣнадцать фунтовъ. Ты охотно взяла эти деньги, очень охотно. А теперь желаешь выпутаться. Я предполагаю, что ты желаешь сказать, что *не видѣла,* какъ она писала это письмо. Ну, милая, хорошая Мэри, боюсь, что ты съ ума сошла, потому что письмо было отправлено и получено по назначенію. Миссисъ Шервудъ получила отвѣтъ отъ этого мальчика,—Джэка, въ которомъ онъ телеграфировалъ, что письмо получилъ и очень радъ этому.

Можешь дуться, если желаешь, хотя, должна сказать, что это будетъ не очень хорошо. Но, во всякомъ случаѣ, ты не можешь отказаться отъ того, что ты видѣла.

— Я хотѣла бы сдѣлать это. Я хотѣла бы отречься.

— Но почему, Мэри?

— Ты чувствовала бы то же самое, если бы была на моемъ мѣстѣ.

— Тебя не понять.

— Ты чувствовала бы то же самое, если бы была на моемъ мѣстѣ,—отвѣтила Мэри.

— Слава Богу, я не на твоемъ мѣстѣ. Я рада, что у меня есть хоть капля здраваго смысла.

— Гэрри! Неужели у тебя нѣтъ состраданія ко мнѣ? Неужели нѣтъ сожалѣнія въ твоемъ сердцѣ? Я знаю, что я страшно дурная; но если бы ты видѣла сегодня лицо Поля, лицо умирающаго,—да, умирающаго,—если бы ты слышала, какъ онъ говорилъ:—Мэри, ты вѣдь будешь хорошей дѣвочкой, если не будешь, я почувствую это, я узнаю это...

— Гэрри, я почти съ ума схожу при мысли, что Поль умираетъ... его, конечно, нельзя спасти; дѣти думаютъ, что можно, но я то знаю,—а я буду дурной все это время: онъ вѣритъ мнѣ, а я должна дать ему лживое обѣщаніе, дать *ему* и *нарушить* это обѣщаніе. Мнѣ хотѣлось бы самой умереть, я такъ несчастна.

— Право, что ты за странная дѣвочка! Но ты вовсе не дурная; я, по крайней мѣрѣ, считаю только нѣсколько не хорошимъ, что ты не сказала Китти, когда вошла въ залу и застала ее за письмомъ. Елизавета Решлей, напримѣръ, навѣрно поступила бы такъ. Но я сдѣлала бы то же, что ты, какъ и всякая, хоть немного любопытная дѣвочка, въ особенности, когда дѣло касалось прославленной королевы мая. Милая моя Мэри, единственная твоя вина была въ томъ, что ты спряталась вмѣсто того, чтобы показаться сразу. Ты спасла бы Китти, показавъ ей, что ея проступокъ открытъ. Но поведеніе ея отъ этого было бы не менѣе дурно; поэтому я, съ своей стороны, очень благодарна, что ты поступила немножко нехорошо. Итакъ, ободрись, Мэри. Не будь такой гусыней. Ты считаешь себя дурной, потому что Китти попала въ очень затруднительное положеніе, но это былъ вовсе не дурной поступокъ съ твоей стороны. Гораздо хуже было бы, если бы ты не сказала. Таково мое мнѣніе.

— Я полагаю, что ты права, Генріэтта. Только я почти не знаю, что дѣлать.

— Теперь тебѣ лучше всего лечь спать. У тебя лихорадка. Ты слишкомъ принимаешь это къ сердцу. Если ты не будешь беречься, Мэри Куппъ, то сама захвораешь чахоткой; понятно, что если кто-нибудь изъ семьи боленъ этой болѣзнью, то и другимъ легко заразиться ею; а упадокъ духа хуже всего. Ступай-ка спать и забудь о своихъ горяхъ. Ты не сдѣлала ничего дурного; а если откажешься отъ своихъ словъ, то будетъ еще хуже. Вотъ и все.

— О, я вижу, что не могу отказаться. Не говори ничего больше.

Мэри встала и вышла изъ комнаты. Она не спала всю ночь и цѣлую ночь ей смутно представлялись то Поль, то Китти и она видѣла необыкновенное сходство въ ихъ глазахъ—оба любили правду и ненавидѣли ложь; оба были правдивы и благородны.

— Я не могу ничего сдѣлать,—думала Мэри,—я должна идти дальше. Если бы не Генріэтта, я убѣжала бы изъ школы; я сдѣлала бы все, только чтобы не повредить Китти О'Донованъ; но я боюсь ужаснаго языка Генріэтты. Я никогда не посмѣю сказать, что это письмо написано мной. Если бы моя вина открылась какъ-нибудь сама собой! Но этого не случится.

Слѣдующій день былъ солнечный; солнце, какъ извѣстно, свѣтитъ одинаково и злымъ, и добрымъ, и праведнымъ, и неправеднымъ. Итакъ, солнце свѣтило и въ это утро и большинство дѣвочекъ въ школѣ не подозрѣвало о томъ, что должно было произойти. Въ утренніе часы все шло по заведенному порядку. Правда, миссисъ Шервудъ не присутствовала при молитвѣ. Она поручила это своей любимой учительницѣ, миссъ Хонебенъ. Дѣвочки, не знавшія тайны—а знали ее только Елизавета, Мэри Куппъ, Генріэтта да сама бѣдная Китти— не замѣтили ничего особеннаго въ томъ, какъ миссъ Хонебенъ читала „Отче Нашъ“ и другія молитвы.

Затѣмъ начались занятія и лучи солнца весело лились въ комнату. Они горѣли то на золотистой, то на темной, то на каштановой головкѣ. Они свѣтили одинаково безпристрастно и хорошенькимъ и некрасивымъ дѣвочкамъ.

Наконецъ наступилъ часъ перемѣны. Въ этой школѣ, какъ и въ большинствѣ школъ, уроки прекращались въ половинѣ двѣнадцатаго и дѣвочки выбѣгали на площадку для игръ, гдѣ оставались почти до двѣнадцати.

Дѣвочки очень любили эти минуты на свѣжемъ воздухѣ; нѣкоторыя изъ нихъ рѣшили переговорить въ это время съ королевой мая насчетъ предстоящихъ празднествъ, въ которыхъ она должна была играть главную роль благодаря тому, что ее избрали въ королевы.

Но какъ разъ передъ перемѣной Генріэтта, глаза которой блеснули, и Мэри Куппъ, избѣгавшая смотрѣть въ ту сторону, замѣтили, что миссъ Хонебенъ подошла къ Китти и шепнула ей что-то, послѣ чего Китти сей-

часъ же встала и вышла изъ комнаты. Остальныя ученицы продолжали занятія.

Наступила перемѣна. Дѣвочки ожидали звонка, служившаго обыкновенно сигналомъ освобожденія. Къ ихъ удивленію, звонка не было. Вѣроятно, позабыли позвонить, подумали онѣ и нѣкоторыя изъ нихъ направились было къ двери, но миссъ Хонебенъ сказала:

— Дѣвочки, прошу всѣхъ остаться на своихъ мѣстахъ.

Онѣ съ удивленіемъ исполнили это приказаніе. Въ слѣдующее мгновеніе появилась миссисъ Шервудъ ведя, за руку Китти О'Донованъ. Какъ только дѣвочки увидѣли, что миссисъ Шервудъ ведетъ Китти, онѣ рѣшили, что ее ожидаютъ новыя почести, вскочили съ мѣстъ и крикнули въ одинъ голосъ:

— Да здравствуетъ наша королева! Да здравствуетъ наша королева! Ура, ура!

— Замолчите, дѣвочки, замолчите!—сказала миссъ Хизъ. Что-то въ тонѣ ея голоса ясно сказало дѣвочкамъ, что въ школѣ произошло нѣчто очень важное.

Тутъ только онѣ замѣтили, что на маленькой эстрадѣ собрались всѣ учительницы — миссъ Хизъ, миссъ Хонебенъ, миссъ Уэрингъ, mademoiselle де Курси и фрейлейнъ Крумпъ. Съ очень серьезнымъ видомъ онѣ входили по ступенькамъ эстрады. Потомъ обернулись и стали лицомъ къ школьницамъ. Миссисъ Шервудъ вышла впередъ, держа за руку Китти.

Китти была блѣдна, какъ смерть. Она была почти безъ чувствъ. Она не могла представить себѣ ни того, что ей скажутъ, ни что случится съ ней. Она походила на человѣка во снѣ. Генріэтта, Елизавета и Мэри Куппъ пристально смотрѣли на нее. Мэри увидѣла въ глазахъ Китти взглядъ Поля и закрыла лицо руками.

— Мои дорогія дѣвочки, — сказала миссисъ Шервудъ,—мнѣ очень, очень грустно, но приходится сказать, что въ нашей школѣ произошло нѣчто тяжелое, неслыханное, нѣчто безмѣрно удивившее меня; но это настолько

вѣрно, что мнѣ приходится прибѣгнуть къ чрезвычайному средству—объявить это всѣмъ вамъ. Это касается вашей королевы мая — замолчите! Не время радоваться. Пожалуйста, не кричите. Молчать!

Дѣвочки сидѣли молча. Сердца ихъ сильно бились.

— Статсъ-дамы, будьте такъ добры, потрудитесь выйти впередъ,—продолжала миссисъ Шервудъ.

Наступила минутная пауза. Потомъ миссъ Хонебенъ, Анжелика л'Эстранжъ, Томасина Осборнъ и маленькая лэди Марія подошли къ эстрадѣ. Миссъ Хонебенъ пришлось для этого спуститься.

— Теперь, фрейлины, сдѣлайте то же.

Елизавета, не колеблясь, подошла впереди всѣхъ. За ней шли Маргарита Лэнгтонъ и Клотильда Фокстиль.

— Мнѣ приходится разсказать вамъ очень тяжелую исторію,—сказала миссисъ Шервудъ,—и просить фрейлинъ, статсъ-дамъ и всѣхъ выбравшихъ королевой мая Китти О'Донованъ поступить съ ней, какъ вы найдете справедливымъ. Вы помните, какъ радостно было встрѣчено избраніе Китти королевой. Мы считали ее достойной этой великой чести. Мы говорили ей, что это самый торжественный день ея жизни. Мы просили ее показать себя достойной той чести, которая выпала на ея долю, сохранить ее. Мы говорили ей, чтобы она всегда была мужественна, вѣрна своему слову, чтобы она старалась вести хорошую, честную жизнь. И она, если можно судить по выраженію глазъ, милаго лица, полнаго любви, повидимому, подтверждала это обѣщаніе, намѣревалась, по крайней мѣрѣ, въ первое время сдержать его. Но, дорогія, случилась ужасная вещь. Китти О'Донованъ, наша королева мая, которая, при обыкновенныхъ обстоятельствахъ, должна была бы быть вашей королевой впродолженіи цѣлаго года, совершила такой постыдный поступокъ, что вы, ея подруги, должны судить ее.

Вы знаете правила школы. Ихъ немного, но они должны быть исполняемы точно. Нарушить ихъ — зна-

читъ унизить себя. Китти О'Донованъ преступила одно изъ самыхъ строгихъ правилъ. Я не могу простить ее. Она знаетъ, почему. Я излагаю только простой фактъ. Въ ночь, послѣ майскаго праздника она встала и написала длинное письмо въ Ирландію, своему двоюродному брату. Вы знаете, что я позволяю вамъ переписываться только съ вашими родителями. Она написала это письмо въ такое время, когда думала, что никто не увидитъ ее и положила его въ почтовый ящикъ; оно пошло съ почтой, которая отходитъ въ семь часовъ. Но Китти забыла, что есть Всевидящее Око, Которому видны всѣ наши поступки, какъ дурные, такъ и хорошіе; случилось такъ, дорогія дѣти, что одна изъ дѣвочекъ въ школѣ, Мэри Куппъ,— выйди, пожалуйста, впередъ!

Мэри не двигалась съ мѣста. Голова ея была опущена на доску стола. Она жалобно рыдала. Генріэтта дотронулась до ея плеча.

— Иди,—сказала она,—иди; и не забывай того, ты мнѣ обязана.

Мэри, дрожа и шатаясь, вышла впередъ.

— Бѣдная Мэри!—сказала миссисъ Шервудъ, съ состраданіемъ глядя на дѣвочку. — Вы знаете, какое горе ей приходится переживать теперь. Мы всѣ должны быть добры къ ней. Конечно, лучше было бы, если бы она была настолько великодушна, что сказала бы Китти о томъ, что видѣла, какъ она писала письмо. Ну, Мэри, говори, пожалуйста.

Всѣ дѣвочки уставились на нее. Она стояла довольно близко отъ Клотильды Фокстель и Клотильда оглянула ее презрительнымъ взглядомъ. Потомъ Мэри взглянула на Китти, ни разу не поднявшую опущенныхъ глазъ. Клотильда рѣшительно перешла къ небольшой кучкѣ дѣвочекъ, окружавшихъ Елизавету Решлей.

— Я не вѣрю ей,—шепнула она Елизаветѣ.

— Тише, Клотильда,—сказала миссисъ Шервудъ.— Начинай, милая Мэри; разскажи, что ты видѣла.

— Я не могла уснуть,—начала Мэри. Ей казалось, что какіе-то насмѣшливые голоса повторяютъ за ней:— „Я не могла уснуть“, — и смѣются надъ нею. Но затѣмъ раздался другой, можетъ быть, воображаемый голосъ, говорившій:—„Если ты не сдержишь своего слова, твой братъ Поль узнаетъ истину. Генріэтта напишетъ ему“.

— „Я должна продолжать“,—подумала Мэри.

И она еще разъ, въ тѣхъ же самыхъ выраженіяхъ, повторила весь выдуманный ею разсказъ.

— Я знала, что Китти поступила очень дурно, сказала запинаясь Мэри,—и я—я разсказала объ этомъ Генріэттѣ. Генріэтта, конечно, очень огорчилась, мы переговорили между собой и подумали, что не хорошо оставлять такой поступокъ безнаказаннымъ. Тогда я пошла къ миссисъ Шервудъ. Миссисъ Шервудъ была такъ добра; она послала меня поговорить съ Китти, но Китти отрицала, что она написала письмо. Тогда миссисъ Шервудъ повидалась съ Китти.

— Довольно; тебѣ не для чего говорить больше, Мэри. Я переговорила съ Китти,—продолжала миссисъ Шервудъ,—и, по ея предложенію, послала телеграмму ея отцу. Китти была провозглашена королевой мая, по обычаю, перваго мая. Она разсчитала, что письмо Джэку можетъ дойти только четвертаго. Она отрицаетъ, что писала письмо и предполагала, что Джэку удастся доказать ея невиновность. Я сочла это превосходнымъ планомъ и телеграфировала Джэку О'Доновану. Вотъ его отвѣтъ.

Миссисъ Шервудъ раскрыла тонкій, розовый листокъ телеграммы и показала его школьницамъ.

— Я должна еще прибавить, что просила Китти О'Донованъ сказать мнѣ правду: сдѣлай она это, я, конечно, не отдала бы ее на вашъ судъ. Но она упорствуетъ въ своемъ отрицаніи. Поэтому я предоставляю ее ея товаркамъ, тѣмъ, кто избралъ ее королевой мая. Дѣвочки, вамъ будетъ разрѣшено прочесть правила этой школы объ избраніи королевы мая и подробности, касаю-

щіяся правъ и обязанностей королевы. Онѣ находятся въ старой рукописной книгѣ въ библіотекѣ. Я увѣрена, что вы поступите справедливо и прошу васъ смягчить справедливость состраданіемъ. Я не желаю исключать Китти О'Донованъ, но, конечно, съ ней слѣдуетъ поступить сообразно съ правилами Мертонъ-Гебльса.

Съ этими словами миссисъ Шервудъ сошла съ эстрады. Учительницы, одна за другой, послѣдовали ея примѣру и Китти осталась одна. Миссисъ Шервудъ вышла изъ комнаты, сопровождаемая учительницами, за исключеніемъ миссъ Хонебенъ, которая, какъ статсъ-дама, должна была присутствовать на собраніи дѣвочекъ, гдѣ должна была рѣшиться участь несчастной королевы.

XII. Нѣтъ ли тутъ обмана?

Послѣ того, какъ миссисъ Шервудъ вышла изъ комнаты, въ классѣ воцарилась полная тишина. За исключеніемъ Генріэтты, среди дѣвочекъ не было ни одной, которая не испытывала бы чувства глубокаго, тревожнаго состраданія къ маленькой, милой фигуркѣ, такъ трогательно, смиренно, одиноко стоявшей въ центрѣ эстрады. Печальное выраженіе обыкновенно сіяющаго личика трогало сердца всѣхъ. Многія дѣвочки заплакали. Нѣкоторыя бросились на эстраду, стали обнимать и цѣловать Китти.

— Милая! милая!—говорили онѣ,—*мы* не считаемъ тебя виноватой. Намъ все равно, что скажутъ—мы никогда, *никогда* не будемъ считать тебя виноватой.

Среди ученицъ подымалось чувство враждебности къ



Елизавета могу ли я поцѣловать васъ.

фрейлинамъ и статсъ-дамамъ; такъ какъ только эти семь дѣвушекъ, избранныхъ въ штатъ королевы, могли сдѣлать что-нибудь противъ Китти. Это чувство если бы быстро не остановить его, навѣрное охватило бы всю школу. Дѣвочки такъ любили Китти, что невольно объявили ее невинной. Онѣ не желали никакихъ доказательствъ ея вины. Онѣ любили ее. Она невинна. Она сказала, что она невиновата; этого достаточно. Таковы были ихъ чувства.

Какъ разъ въ эту критическую минуту раздался серьезный, спокойный голосъ Елизаветы:

— Дѣвочки, сойдите, пожалуйста.

Двѣ изъ этихъ дѣвочекъ были сестры Куппъ. Онѣ горько плакали. Корделія л'Эстранжъ и Дельфина фонъ Штормъ были въ глубочайшемъ горѣ. Всѣ они сошли съ эстрады, натыкаясь другъ на друга, Китти не обратила на нихъ ни малѣйшаго вниманія. Она почти не слышала ихъ словъ, не чувствовала ихъ ласкъ. Она все еще находилась въ какомъ-то оцѣпенѣніи. Глаза ея были попрежнему опущены. Она не испытывала острой боли. Она ничего не чувствовала. Все кончено. У нея было только смутное сознаніе, что все кончено и ничто болѣе не имѣетъ значенія.

— Дѣвочки,—сказала Елизавета,—при настоящихъ обстоятельствахъ я чувствую, что должна дѣйствовать вмѣсто Китти О'Донованъ, потому что, пока мы не докажемъ ея невиновности, она не можетъ исполнять обязанностей королевы мая. Должна вамъ сейчасъ же сказать, что я вполнѣ надѣюсь доказать ея невинность и, когда произойдетъ это счастливое событіе, я первая обрадуюсь этому и радостно возвращу ей ея королевское званіе и власть.

Китти слегка вздрогнула. Она слышала только половину словъ, но тонъ голоса говорившей былъ ласковъ. На одно мгновеніе она подняла глаза и устремила горящій взглядъ на лицо Елизаветы. Потомъ длинныя

рѣсницы снова опустились на круглыя щечки и Китти снова опустила глаза.

— Итакъ, вы всѣ согласны признать меня временно королевой?—спросила Елизавета.

Въ комнатѣ раздались взволнованные, громкіе крики одобренія.

— Въ такомъ случаѣ я предлагаю взять Китти въ мою комнату, гдѣ она можетъ оставаться спокойно, пока мы будемъ рѣшать, что дѣлать съ ней. Она не должна стоять здѣсь въ полномъ отчаяніи. Вы согласны, дѣвочки, чтобы Китти О'Донованъ ушла и мы рѣшили ея участь безъ нея?

— Конечно,—сказала Генріэтта.

— Противъ нея вѣдь нѣтъ еще никакихъ доказательствъ; надѣюсь, что всѣ вспомнятъ это,—сказала Клотильда Фокстиль.

На этотъ разъ Китти ничего не сказала, но только сильно вздрогнула.

Елизавета вскочила на эстраду и взяла дѣвочку за руку.—Пойдемъ со мной, милая,—сказала она.

Эти тихія, нѣжныя слова успокоительно подѣйствовали на бѣдное дитя. Китти прошла по комнатѣ, держась за руку Елизаветы. Дѣвочки разступились такъ, что она прошла между двухъ рядовъ. Въ эту минуту большинство дѣвочекъ склонялось на сторону опозоренной королевы. Генріэтта сразу поняла, что для исполненія ея завѣтнаго желанія нужно совсѣмъ иное настроеніе.

Елизавета, какъ бывшая королева мая и старшая изъ учеництъ, пользовалась преимуществомъ имѣть свою маленькую гостиную. По праву эта комната должна была быть отдана новой королевѣ, но миссисъ Шервудъ рѣшила оставить ее во владѣніи Елизаветы, пока та останется въ школѣ. Китти была слишкомъ молода, чтобы наслаждаться удовольствіемъ имѣть свою собственную гостиную, а Елизаветѣ трудно было бы разстаться съ ней.

Маленькая комнатка имѣла уютный видъ. Она вы-

ходила въ садъ, въ которомъ цвѣли розы. Ея французскія окна были широко раскрыты. Елизавета усадила Китти въ кресло. Она принесла холодной воды и одеколона и примочила голову дѣвочки, взяла ея ледяныя ручки въ свои и растирала ихъ до тѣхъ поръ, пока онѣ стали теплыми, и затѣмъ принесла чаю и хлѣба съ масломъ.

— Выпей и поѣшь немного, Китти. Мы постараемся не задерживать тебя, милая. Можетъ быть, приговоръ состоится завтра утромъ. До тѣхъ поръ никто не будетъ безпокоить тебя. Ты можешь оставаться въ этой комнатѣ. Никто не ожидаетъ, что ты будешь учиться. Ты можешь рано лечь спать. Моли Бога помочь тебѣ, дорогая; моли Его, чтобы Онъ пролилъ свѣтъ на эту тайну.

— Елизавета!

— Да, бѣдная моя Китти.

— Могу я поцѣловать васъ?

— Конечно можешь.

— Елизавета, я слышала, какъ вы говорили, что не вѣрите, что я виновата.

— Я не вѣрю, что ты виновата.

— О, Елизавета—о!

— Но помни, что это надо доказать,—сказала Елизавета.—Если ты можешь дать мнѣ какую-нибудь нить, разскажи мнѣ, не колеблясь. Помни, что я вполнѣ на твоей сторонѣ, но помни также, что я одна противъ многихъ.

— О, теперь мнѣ все равно. Разъ *вы* считаете меня невиноватой.

— Я считаю, я знаю, что ты невиновата.

— Въ томъ то и трудность, что я невиновата,—сказала Китти.

— Нѣтъ, нѣтъ, Китти; если ты взглянешь на это правильно, то увидишь, что это сознаніе облегчаетъ тебя. Сдѣлай ты это дѣйствительно, тебѣ было бы въ десять тысячъ разъ труднѣе. А такъ какъ ты невинна, то можешь снести это горе.

Китти прильнула къ Елизаветѣ въ безмолвномъ отчаяніи, но вмѣстѣ съ тѣмъ и съ нѣкоторымъ чувствомъ облегченія. Елизавета сняла съ своей шеи обвивавшія ея ручки, спокойно поцѣловала дѣвочку, посовѣтовала ей, если она будетъ въ состояніи, почитать одну изъ многочисленныхъ интересныхъ книгъ, украшавшихъ этажерку Елизаветы, и вышла изъ комнаты. Елизавета быстро пошла въ свою комнату. Войдя туда, она заперла за собой дверь и упала на колѣни передъ постелью, взволнованная, не зная, что слѣдовало сдѣлать. Но она была благородная, мужественная, истинно религіозная дѣвушка, которая всегда повергала свое горе къ одному неизсякаемому источнику облегченія и помощи. Елизавета просто сложила свои огорченія къ подножію Престола Божія. Она просила помощи у Небеснаго Отца и затѣмъ пошла внизъ, къ подругамъ.

Рѣшено было ничего не предпринимать по дѣлу Китти до обычнаго ранняго обѣда. Миссисъ Шервудъ, по случаю грустнаго, ужаснаго событія, отмѣнила послѣобѣденныя занятія. Она знала, что дѣвочки попросятъ этой отмѣны, да никакія занятія и не были возможны въ теченіе остального дня.

Поэтому, послѣ ранняго обѣда, дѣвочки, за исключеніемъ фрейлинъ и статсъ-дамъ, разбрелись по саду, гдѣ разговоръ вертѣлся все вокругъ однихъ и тѣхъ же вопросовъ о Китти и ея званіи королевы. Невинна Китти? Виновна она? Мнѣнія раздѣлялись. Какая участь ожидаетъ ее? Развѣнчаютъ ее или нѣтъ?

Между тѣмъ фрейлины и статсъ-дамы, а именно, миссъ Хонебенъ (которая отъ всей души желала бы быть въ сторонѣ), Анжелико л'Остранжъ, Томасина Осборнъ, Елизавета Решлей, Маргарита Лэнгтонъ, Клотильда Фокстиль и лэди Марія Банистеръ, собрались въ школьной библіотекѣ. Согласно обѣщанію, миссисъ Шервудъ оставила на столѣ открытую рукописную книгу. Въ этой книгѣ заключались многія правила школы; въ особен-

ности же полны были указанія относительно королевы мая. Дѣло въ томъ, что школа эта существовала почти сто лѣтъ и вскорѣ послѣ того, какъ она была основана, начальница школы задумала привести въ исполненіе идею выбора королевой мая самой лучшей дѣвочки. Съ этого времени королева мая всегда царила въ Мертонъ-Гебльсѣ и очень наслаждалась своими преимуществами. Но обычный англійскій праздникъ королевы мая характеромъ веселья и развлеченіями сильно отличался отъ празднествъ въ честь королевы мая въ Мертонъ-Гебльсѣ. Предшественница миссисъ Шервудъ серьезно взглянула на это дѣло, выработала планъ и установила очень строгія правила, записанныя въ книгѣ:

„Королева мая пребываетъ королевой въ теченіе одного года послѣ ея избранія. Во все это время она, съ помощью своихъ фрейлинъ и статсъ-дамъ, должна поддерживать миръ въ школѣ. Съ ней слѣдуетъ совѣтоваться въ затруднительныхъ положеніяхъ, не касающихся непосредственно начальницы и учительницъ. Во всѣхъ вопросахъ этикета ея слово—законъ. Она должна хранить себя въ чистотѣ и смиреніи. Она должна быть скромна, привѣтлива, любезна. Она должна испросить помощь Всемогущаго Бога, чтобы Онъ поддержалъ ее за то время, которое должно содѣйствовать формированію ея характера на всю остальную жизнь. Она должна, насколько это возможно, поднять нравственный уровень всей школы. Къ тому же она должна содѣйствовать веселью и счастью школы, забывать себя и думать о другихъ. Поэтому, при выборѣ королевы, дѣвочки должны тщательно обдумать, въ состояніи ли выбираемая ими дѣвочка выполнить всѣ эти условія. Когда королева избрана, она остается въ своемъ высокомъ званіи впродолженіе года, если не совершитъ какого-нибудь постыднаго поступка, если не сдѣлаетъ чего-нибудь не соотвѣтствующаго ея высокому званію. Эти случаи врядъ ли будутъ часты; однако если королева не придержи-

вается напр. истины; если она сознательно нарушила какое-нибудь школьное правило; если—что самое главное—она соблазнилась и сказала ложь и если начальница найдетъ необходимымъ обратиться къ товаркамъ королевы, чтобы судить о ея дурномъ поступкѣ, то тѣ обязаны дѣйствовать слѣдующимъ образомъ:

„Во первыхъ, тщательно изслѣдовать причину ея поступка. Ей нужно предоставить всякую возможность оправдаться. Ея фрейлины и статсъ-дамы должны переговорить съ ней; если она сознается имъ въ своемъ проступкѣ, онѣ должны положиться на свое собственное мнѣніе и, въ особенности, посовѣтоваться съ предыдущей королевой насчетъ того, какъ слѣдуетъ поступить съ виновной. Если возможно, онѣ не пойдутъ слишкомъ далеко и не развѣнчаютъ королевы, такъ какъ это самое высшее наказаніе, которое можетъ выпасть на долю королевы мая. Но если она не сознается въ своемъ проступкѣ, который, по тщательномъ изслѣдованіи, окажется очень серьезнымъ, то дѣло принимаетъ совершенно иной оборотъ“.

„Во вторыхъ, королева мая должна явиться тогда передъ всей школой, такъ какъ всѣ члены школы ея подданные. Предыдущая королева должна объяснить, въ чемъ ее обвиняютъ и всѣ ученицы признаютъ ее невиноватой, или виновной. Полумѣры не признаются. Она должна быть или вполнѣ оправдана, или признана виновной. Это важное заключеніе выноситъ большинствомъ голосовъ“.

„Въ третьихъ, если, по большинству голосовъ, королева мая будетъ признана виновной, она освобождается отъ своихъ обязанностей, съ полнаго согласія школы. Она должна быть развѣнчана и публичная церемонія должна произойти, если возможно, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ она была коронована среди почестей и радости окружающихъ. Она должна появиться передъ своими школьными товарками, учительницами, начальницами и нѣсколькими приглашенными гостями и тутъ ей будетъ

объявлено, что она недостойна своего королевскаго званія и приглашается отказаться отъ него. Она появится передъ своими обвинительницами въ бѣлой одеждѣ, присущей ея сану. Затѣмъ ее отведутъ въ домъ и она вернется въ своемъ обыкновенномъ платьѣ. Предыдущей королевѣ предложатъ снова занять свое прежнее положеніе до конца года. Лишенная своего званія королева должна возвратить подарокъ, который даетъ обыкновенно начальница вновь избранной королевѣ мая. Съ той поры она теряетъ все свое значеніе. Начальница должна рѣшить сама оставлять ли ее въ школѣ; ученицъ этотъ вопросъ не касается. Онѣ должны, если возможно, ласково относиться къ ней, но никакое позднее раскаяніе не возвратитъ ей славы и чести. Она будетъ заклеймена на всю жизнь.

Изъ этого видно, что быть королевой мая нелегко; это положеніе требуетъ мужества, силы, благородства. Таковы правила для королевы мая“.

Когда фрейлины и статсъ-дамы собрались въ библіотекѣ, Елизавета прочла вслухъ эти правила. Она прочла ихъ задыхающимся, дрожащимъ голосомъ, потомъ положила книгу на столъ и взглянула на своихъ товарокъ.

Всѣ онѣ были сильно взволнованы и не знали что сказать. Впродолженіе нѣсколькихъ минутъ царило полное молчаніе. Потомъ Елизавета медленно закрыла книгу и сказала:

— Я увижу сегодня вечеромъ миссисъ Шервудъ, она назначила мнѣ придти къ ней. Потомъ мы соберемся всѣ въ этой комнатѣ и рѣшимъ, когда поговорить съ Китти. Можетъ быть, я предубѣждена, у меня нѣтъ доказательствъ, но я твердо увѣрена, что въ этомъ дѣлѣ есть какой-то обманъ. Можетъ быть, съ моей стороны даже нехорошо говорить такъ, потому что я не могу обвинять никого изъ дѣвочекъ. Но я вполнѣ увѣрена, что Китти О'Донованъ невиновата.

— И я также,—сказала Клотильда.

— Но все же въ подобныхъ дѣлахъ нельзя руководствоваться только чувствомъ состраданія,—замѣтила миссъ Хонебенъ.—Что касается меня, то для меня очень стѣснительно то положеніе, въ которомъ я нахожусь: въ одно и то же время я ваша учительница и статсъ-дама, Китти. Поэтому я попросила бы васъ избавить меня отъ всякаго участія въ этомъ дѣлѣ. Быть статсъ-дамой упросила меня милая Китти, которая всегда выказывала мнѣ столько любви и привязанности.

— Мы не можемъ избавить васъ отъ этой непріятной обязанности, миссъ Хонебенъ,—сказала Елизавета Решлей.—Вопросъ слишкомъ важенъ, и мы всѣ нуждаемся въ вашихъ совѣтахъ.

— Ну, если нужно, я останусь. Я вполнѣ увѣрена, что надо выполнить первое правило и уговорить бѣднаго ребенка сознаться намъ. Если она сдѣлаетъ это даже теперь, въ одиннадцатый часъ, мы можемъ еще избѣгнуть суровой необходимости развѣнчать нашу королеву.

— Будемъ надѣяться на лучшее, — сказала Клотильда.—Я думаю, что въ этой школѣ не найдется дѣвочки, которая не любила бы Китти, за исключеніемъ Генріэтты и этой маленькой идіотки, Мэри Куппъ. Всякому видно, что Мэри Куппъ—раба Генріэтты. Я думаю, дѣвочки, что, если въ этомъ дѣлѣ есть обманъ, то намъ слѣдуетъ обратить вниманіе въ эту сторону.

Дѣвочки вытаращили глаза при этихъ словахъ Клотильды.

— У тебя есть какое-нибудь основаніе говорить такъ, Клотильда?—поспѣшно спросила Елизавета.

— И есть, и нѣтъ. Во всякомъ случаѣ, я на твоей сторонѣ, Елизавета.

— И то слава Богу,—сказала Елизавета, и всѣ разошлись.

XIII. Что подслушала Мэри Довъ.



енріэтта испытывала нѣкоторое безпокойство. Къ своему удивленію она видѣла, что, несмотря на все, дѣвочки любили Китти О'Донованъ почти такъ же, какъ прежде. Генріэтта замѣтила, что какъ только она подходила къ группѣ разговаривавшихъ, всѣ расходились и не продолжали разговора. Она замѣтила еще, что одна изъ дѣвочекъ, въ особенности, старательно держалась вдали отъ нея. Это была Клотильда Фокстиль.

Клотильда была замѣчательная дѣвочка, не красивая, но обращавшая на себя вниманіе своею наружностью. У нея было довольно худое, длинное лицо и масса темныхъ волосъ. У нея были блѣдно-голубые, глаза очень большіе и хорошо поставленные, выразительный ротъ и замѣчательно твердо очерченный подбородокъ. Она принадлежала къ числу дѣвочекъ весьма обыкновенныхъ въ Америкѣ, но нѣсколько отличалась своей внѣшностью отъ англійскихъ школьницъ. Въ Англію она пріѣхала прямо изъ Нью-Іорка. Отецъ ея, Джэмсъ Томасъ Фокстиль, былъ милліонеръ, нажившій себѣ громадное состояніе торговлей минеральными маслами. Клотильда была его единственный ребенокъ. Отъ одной изъ своихъ веселыхъ подругъ она услышала разсказы о пріятностяхъ школьной жизни въ Англіи. Она сказала отцу, что хочетъ отправиться въ школу въ Англію.—Такъ и будетъ, милочка,—сказалъ онъ.—Папа, я выбрала себѣ школу,—сказала она. Онъ спросилъ, какъ она узнала объ этой школѣ. Она сказала, что одна дѣвочка, лэди Марія Банистеръ, писала ей про свою веселую жизнь въ Мертонъ-Гебльсѣ. Клотильда сказала, что ей хочется поступить туда.

Фокстиль всегда говорилъ, что ненавидитъ англійскую знать, но, въ сущности, на него пріятно подѣйствовало извѣстіе, что его Тильда такъ близка съ дочерью графа. Переговоры были быстро закончены, и Клотильда поступила въ школу.

Она пробыла тутъ полтора года; ей шелъ уже шестнадцатый годъ. Она очень сожалѣла объ этомъ обстоятельствѣ, такъ какъ одно изъ правилъ миссисъ Шервудъ было—никогда не держать въ школѣ учеництъ старше шестнадцати лѣтъ. Поэтому Клотильда никогда не могла быть королевой мая, хотя была достаточно любимой, чтобы добиться этой чести, если бы осталась въ школѣ подольше.

Клотильда быстро сумѣла различить овецъ отъ козлищъ въ этомъ маленькомъ стадѣ. Сестры Куппъ показались ей жалкими; она удивлялась, какъ онѣ могли попасть въ Мертонъ-Гебльсъ. Она прочла характеръ Генріэтты Вермонтъ словно въ открытой книгѣ. Китти она полюбила почти съ того вечера, какъ хорошенькое дитя пріѣхало въ школу. Елизавету она ставила чрезвычайно высоко и надѣялась, что та навсегда останется ея другомъ. Она была очень ласкова и снисходительна къ маленькой лэди Маріи Банистеръ. Но лэди Марія была гораздо моложе ея и ниже классомъ.

Клотильда вышла въ садъ и стала тщательно обдумывать все, что произошло въ библіотекѣ. Ей хотѣлось переговорить съ Елизаветой, но та, очевидно, не намѣревалась вступать въ разговоры. Другія дѣвочки безпокойно, безцѣльно бродили по саду. Все случившееся совершенно нарушило равновѣсіе въ школѣ.

Мэри Довъ, очень хорошенькая, милая, простоватая дѣвочка, подошла къ Клотильдѣ.

— Можно мнѣ походить съ тобой, Клотильда, или ты занята чѣмъ-нибудь?

— Мнѣ совершенно нечего дѣлать, Мэри.

— Позволь мнѣ походить съ тобой, Кло. Такъ грустно быть одинокой.

— Но почему ты чувствуешь себя одинокой? У тебя масса друзей.

— Я ни къ кому не чувствую дружбы. Я такъ зла.

Клотильда быстро взглянула на нее.—Я также. Я больше чѣмъ зла, я просто бѣшеная.

— Въ самомъ дѣлѣ, въ самомъ дѣлѣ, Клотильда?

— Въ самомъ дѣлѣ; да и что же тутъ удивительнаго. Какъ можетъ быть иначе?

— Такъ и ты разстроена изъ-за нашей королевы мая?

— Да. Клотильда, что же будетъ?

— Я не могу сказать тебѣ, Мэри. То, что происходило въ библіотекѣ — частное дѣло; но я думаю, ты можешь открыть рукописную книгу и прочесть правила. Что касается меня, то я считаю эти правила отвратительно строгими и думаю, что всякая дѣвочка должна серьезно подумать прежде, чѣмъ рѣшиться быть королевой мая. Тутъ требуется такъ много, что, хотя одно время я жалѣла, что не могу достигнуть этой чести, теперь я очень рада, что этого не случилось.

— Меня преслѣдуетъ лицо Китти,—сказала Мэри.— Теперь въ школѣ меня преслѣдуютъ два лица — одно Китти, другое—Мэри Куппъ.

Клотильда ничего не сказала. Она медленно шла впередъ. Дѣвочки дошли до бесѣдки и вошли въ нее.

— Это самый несчастный день въ моей жизни, — сказала Мэри Довъ. — Я жалѣю, что нѣтъ уроковъ; я хотѣла бы заниматься, какъ всегда. Все было бы совершенно иначе, если бы Китти была здѣсь. Ты знаешь, сколько у насъ дѣла. Первый пикникъ, на который мы пригласимъ двухъ дѣвочекъ Ловель и трехъ Маркгеймъ, долженъ быть черезъ недѣлю. Мы собирались переговорить сегодня объ этомъ съ Китти. Потомъ наши еженедѣльные пріемы. Миссисъ Шервудъ еще нѣсколько дней тому назадъ говорила, что надѣется, что пріемы этого года будутъ очень блестящи. Она намѣревалась открыть свой домъ для всѣхъ желающихъ и ожидала, что новая

королева мая сумѣетъ придумать интересныя развлеченія Ты, конечно, знаешь, Клотильда, что эти пріемы — особенность Мертонъ-Гебльса.

— Я знаю... я знаю; но въ этомъ году врядъ ли что выйдетъ.

— Вообще, это самый несчастный день моей жизни,— повторила Мэри, — меня все это въ особенности тревожитъ, потому что мама пріѣдетъ въ Лондонъ. Я получила сегодня письмо отъ нея; она спрашиваетъ, можетъ ли она пріѣхать на первый нашъ пріемъ. Я такъ подробно описывала ей ихъ Первый пріемъ долженъ быть въ слѣдующую субботу. Ты знаешь, что всѣ эти празднества устраиваются самими школьницами. Конечно, ты знаешь это, Клотильда?

— Да, знаю. Я увѣрена, что Елизавета устроитъ все такъ же хорошо, какъ въ прошломъ году. Если ты тревожишься только объ этомъ, Мэри.

— Это не все, — сказала Мэри. — Меня тревожитъ мысль о бѣдной Китти, которая не будетъ играть первой роли. Клотильда, ты не думаешь, что ее развѣнчаютъ,—что она не будетъ больше королевой мая?

— Ничего не знаю,—сказала Клотильда,—я только чувствую себя несчастной. Послушай, Мэри. Загляни въ глубину твоего сердца совершенно безпристрастно; не находишь ли ты во всемъ этомъ дѣлѣ какого-то обмана?

Мэри схватила руку Клотильды и крѣпко пожала ее.

— Я—я не понимаю! — сказала она. — Ты пугаешь меня.

— Ну это не важно, что я испугала тебя. Почему ты поблѣднѣла? Что такое пришло тебѣ на умъ?

— Мнѣ пришло на умъ кое-что такое ужасное, что я не могу сказать.

— Если это можетъ помочь Китти—то, клянусь ты! принуждена будешь сказать это, — сказала Клотильда.— Что такое пришло тебѣ на умъ, Мэри?

— Не могу сказать — это было бы нехорошо. Эта мысль пугаетъ меня.

— Когда эта мысль пришла тебѣ въ голову, милая Мэри.

Тонъ голоса Клотильды измѣнился. Она замѣтила, что Мэри Довъ легко пугается и становится упрямой отъ страха. Нужно было уговорить ее, чтобы она открыла свою тайну.

— Все, что ты ни скажешь мнѣ, будетъ, конечно, свято до поры до времени, — сказала Клотильда. — А теперь скажу тебѣ, что дѣла Китти очень плохи: если намъ, ея друзьямъ, не удастся спасти ее, она будетъ развѣнчана; въ Мертонъ-Геблѣсѣ еще никогда не развѣнчивали королевъ, за исключеніемъ одной бѣдняжки, которую ложно обвинили — она умерла. Миссисъ Шервудъ, я увѣрена, страшно огорчена за Китти, а ты сама можешь себѣ представить чувства дѣвочекъ. Ну, Мэри, если ты можешь спасти ее, то что значитъ страхъ? Ты боишься кого-нибудь?

— Въ школѣ есть дѣвочка, которая никогда не была очень ласкова со мной, а въ послѣднее время относится ко мнѣ еще хуже. Я должна ей немного денегъ. У нея всегда есть деньги, а мнѣ было очень нужно, и она дала мнѣ. Занимать деньги не позволено; но она замѣтила, что я очень безпокоюсь и предложила мнѣ. Я знаю, что она придерживается въ дѣлѣ Китти другого мнѣнія, чѣмъ мы, совсѣмъ другого.

— Я думаю, мнѣ можно отгадать ея имя, не правда ли?—сказала Клотильда, выходя изъ сонливости.

— Не говори слишкомъ громко, Клотильда.

— Оно начинается съ „Г“ и кончается на *а*; въ немъ четыре слога?

— О, да, да! Только не будемъ говорить очень громко.

— Конечно. Я и сама наблюдала за этой дѣвочкой,— сказала Клотильда. — Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что

она надѣялась быть избранной королевой мая и что она была сердита на Китти.

— Да; это такъ, отвѣтила Мэри.

Клотильда помолчала нѣсколько времени.

— Какъ бы то ни было, — продолжала она, — какъ ни сердилась бы она на Китти, она все же не могла заставить Китти написать письмо, котораго не слѣдовало писать, и отправить его на почту; а между тѣмъ нѣтъ сомнѣнія, что Китти написала это письмо, такъ какъ тотъ, кому оно было написано, отвѣтилъ утвердительно на посланную ему телеграмму. Должна сказать, что это страшно запутанная исторія.

— Я страшно боюсь дѣвочки, имя которой начинается съ буквы *Г*, а кончается на *а*, — сказала Мэри Довъ.

— Предположимъ, что въ настоящую минуту тебѣ нечего бояться ея; не можешь ли ты быть посмѣлѣе? — сказала Клотильда.

— Можетъ быть. Но я всегда буду бояться ея, потому что...—потому что я въ ея рукахъ.

— Мэри Довъ, ты—хорошая, честная дѣвочка. Скажи же правду. Въ чемъ дѣло?

— Я не могу говорить здѣсь, потому-что кто-нибудь, можетъ быть, подслушиваетъ насъ.

— Господи Боже мой! Ну такъ уйдемъ отсюда.

Дѣвочки сейчасъ же вышли изъ бесѣдки. Онѣ ушли какъ разъ во-время; если бы онѣ оглянулись, то увидѣли бы, какъ какая-то дѣвочка съ очень блѣднымъ лицомъ убѣжала изъ-за бесѣдки въ густую чащу онѣ увидѣли бы, какъ она бросилась на землю и разразилась отчаянными рыданіями. Тутъ, черезъ нѣсколько минутъ, нашла ее Генріэтта Вермонтъ.

— Что съ тобой, Мэри Куппъ? Вставай и разсказывай въ чемъ дѣло. Должна сознаться, что не будь ты нужна мнѣ, я предоставила бы тебя твоему горю и не стала бы больше разговаривать съ тобой.

— Я... я узнала нѣчто!—сказала Мэри.

— Я рада этому. Я не даромъ послала тебя въ бесѣдку, когда увидѣла, что онѣ пошли туда.

— Никогда я не чувствовала себя такой гадкой,— сказала Мэри.—Я сказала, что буду хорошей, а становлюсь все хуже и хуже.

— А какое кому дѣло,—хорошая ты, или дурная. Сядь сюда въ тѣнь,—здѣсь никто не можетъ подслушать насъ, и разскажи, что ты слышала. Мэри, перестань рыдать. Ты сама видишь, Мэри, что должна продолжать дѣлать то, что начала.

— Вижу, Гэрри.

— Да это вовсе и не страшно,—сказала Генріэтта,— Елизавета будетъ нашей королевой, а эта крошка, которой вовсе не къ лицу была эта честь, должна будетъ перенести свой позоръ и занять подходящее ей мѣсто въ школѣ. Ее не исключатъ; и — замѣть хорошенько мои слова—она настоящая ирландка и, по своей ирландской натурѣ, переживетъ все до начала лѣтнихъ каникулъ. Мы можемъ всѣ сговориться и быть особенно ласковой къ ней до конца занятій. И мы можемъ сдѣлать такъ, чтобы она не особенно почувствовала свое униженіе.

— Въ самомъ дѣлѣ?—поспѣшно спросила Мэри.— Ты думаешь, мы можемъ сдѣлать это?

— Конечно, можемъ и сдѣлаемъ. Ну, теперь, разсказывай, что ты слышала.

— Ясно только одно,—сказала Мэри,—что Клотильда вполнѣ на сторонѣ Китти.

— Я сразу догадалась объ этомъ, — замѣтила Генріэтта.—Но что она дѣлала съ этой глупенькой Мэри Довъ?

— Онѣ разговаривали и Мэри ворчала, какой это несчастный день, желала, чтобы у насъ были занятія. Говорила она еще что-то о предстоящихъ праздникахъ— пикникахъ и пріемахъ.

— Хорошо бы Китти устраивала пикники и пріемы!— сказала Генріэтта.

— Ну, а вотъ эта маленькая глупышка Мэри думаетъ, что она устроила бы все очень хорошо. А потомъ она вдругъ сказала, что подозрѣваетъ что-то неладное.

Лицо Генріэтты вспыхнуло, потомъ поблѣднѣло.

— Мэри *Довъ*,—сказала это.

— Да; Клотильда сейчасъ же спросила ее, что это значитъ и сказала, что съ ея стороны очень дурно скрывать, если она знаетъ что-нибудь. Мэри не сказала, собственно, что она знаетъ, но, очевидно, она знаетъ что-то. Она говорила только, что она во власти кого-то и не можетъ сказать.

— Продолжай же, продолжай—скорѣе, Мэри.

— Клотильда сначала презрительно говорила съ ней, но потомъ вдругъ оживилась и стала разспрашивать Мэри, въ чьей она власти, но Мэри не хотѣла сказать. Тогда Клотильда сказала:—Ея имя начинается съ *Г* и кончается на *а*? Въ немъ четыре слога?—А она сказала:—„Да“, и еще что-то о... о деньгахъ. Генріэтта она должна тебѣ?

— Противный злой котенокъ!—сказала Генріэтта.— Славу Богу, что ты слышала. Надѣюсь, я не опоздаю.

— Ну, я не вполнѣ увѣрена въ этомъ, — сказала Мэри,—но мнѣ кажется, что она услышала мое дыханіе, потому, что сказала:—„Я не могу сказать ничего больше, здѣсь насъ могутъ подслушать“.—И обѣ онѣ вышли изъ бесѣдки. О, Гэрри, я пережила тяжелую минуту, потому что если бы онѣ оглянулись, то увидѣли бы меня; но я прокралась въ чащу и вотъ я здѣсь,—и думаю, что все идетъ хуже и хуже.

На лицо Генріэтты стоило посмотрѣть. Черезъ нѣсколько времени она сказала:

— Поищи Мэри Довъ и скажи ей, что я хочу говорить съ ней.

— Я не знаю, гдѣ она. Если она съ Клотильдой, то я боюсь пойти къ ней.

— Глупости; ты должна идти—и сейчасъ же. Скажи ей, что мнѣ ее нужно.

— Хорошо; я пойду.

Мэри пошла по залитой солнцемъ лужайкѣ. Травѣ была нѣсколько смята и вытоптана тамъ, гдѣ танцовали веселыя ножки. Мэри удивлялась: возможно ли, чтобы міръ Божій такъ измѣнился за нѣсколько дней.—Если станетъ еще хуже, я убѣгу,—мысленно говорила она.—Я не могу вынести этого. Я представляюсь, что люблю Генріэтту, но Богу только извѣстно, какъ я ненавижу ее. А тутъ еще эта моя несчастная тезка — Мэри Довъ. Она также попадетъ въ передрягу. Хотѣла бы я знать, что извѣстно ей? Что *можетъ* она знать? Подумаю.

Мэри остановилась. Лицо ея залилось румянцемъ.

— Не можетъ быть, чтобы *это*!—прошептала она,— нѣтъ, не можетъ быть! — Но чѣмъ болѣе думала Мэри, тѣмъ болѣе убѣждалась, что пришедшая ей на умъ мысль справедлива.

Дѣло было въ томъ, что Мэри Куппъ до послѣднихъ дней не имѣла никакого значенія въ школѣ. Всѣ три дѣвочки Куппъ не представляли изъ себя ничего выдающагося. Онѣ были изъ тѣхъ, которыя проходятъ незамѣченными въ жизни. Мэри Довъ тоже до нѣкоторой степени, принадлежала къ числу такихъ же людей. Она была очень милая дѣвочка, дочь одной бѣдной лэди, овдовѣвшей, когда Мэри была маленькимъ ребенкомъ. Миссисъ Шервудъ предложила матери отдать ее безплатно въ Мертонъ-Гебльсъ. Мэри была въ школѣ уже два года и за это время пріобрѣла много друзей, враговъ же не имѣла вовсе; никогда не попадалась ни въ затрудненіи, ни въ неціріятности и, повидимому, вела очень счастливую жизнь. Она была ни умна, ни глупа, ни красива, ни не красива Она была самая обыденная дѣвочка. Вполнѣ естественно, что дѣвочки Куппъ, она и еще нѣсколько незначительныхъ дѣвочекъ, составляли особую группу. У нихъ были свои пустяшныя тайны, свое мелочное самолюбіе. Онѣ учились одинаково; никогда не могли стать королевами мая и

вообще чѣмъ-нибудь поразить міръ. Онѣ стояли въ сторонѣ отъ Китти О'Донованъ, Елизаветы, Решлей, Клотильды, лэди Маріи Банистеръ и Генріэтты.

Генріэтта была рѣшительна, смѣла и страшно честолюбива. Характеръ у нея былъ не хорошій; у нея не было никакихъ нравственныхъ принциповъ. Время отъ времени она привлекала къ себѣ „мелюзгу" — какъ она называла сестеръ Куппъ, Мэри Довъ и нѣкоторыхъ другихъ своихъ товарокъ—своею щедростью. Она угощала ихъ, дружила съ ними, помогала имъ выходить изъ затруднительныхъ обстоятельствъ и была съ ними, насколько могла, ласкова и весела.

Мѣсяцъ тому назадъ Мэри Довъ испытала большую тревогу. Она потеряла соверенъ. Узнавъ объ этомъ, Генріэтта подарила ей два. Этимъ она разсчитывала привязать къ себѣ Мэри Довъ и сдѣлать ее своей вѣрной союзницей.

XIV. Затрудненіе.



эри Куппъ, сильно дрожа, отыскала Мэри Довъ. Мэри сидѣла на качеляхъ, медленно раскачиваясь. Щеки ея горѣли, а глаза были красны, какъ будто она только что плакала. Увидавъ Мэри Куппъ, она легко соскочила съ качель и пошла по направленію къ дому.

— Мэри! Остановись, я хочу поговорить съ тобой,—сказала Мэри Куппъ.

— А я не хочу говорить ни съ тобой, ни съ кѣмъ другимъ,—отвѣтила Мэри Довъ.

Сердце у Мэри Куппъ забилось сильнѣе. Внезапный страхъ, охватившій ее въ саду, повидимому, пріобрѣталъ большее значеніе.

— Я не желаю сама говорить съ тобой,—сказала она, чувствуя, что надо во чтобы то ни стало отнестись свысока,—я хочу только сказать тебѣ, что Генріэтта желаетъ видѣть тебя.

— Генріэтта? Зачѣмъ?

— Она не сказала этого мнѣ; она сказала только, что хочетъ поговорить съ тобой. Ты пойдешь къ ней, Мэри?

— Не хочу,—сказала Мэри, колеблясь и неувѣренно.

— На твоемъ мѣстѣ я пошла бы, — сказала Мэри Куппъ.

— Это почему?

— Потому что,—серьезно, съ трудомъ поднявъ глаза и устремивъ пристальный взглядъ на дѣвочку, сказала Мэри Куппъ, — намъ, младшимъ, лучше быть въ хорошихъ отношеніяхъ съ Генріэттой, чѣмъ въ дурныхъ.

— О, я это отлично понимаю,—сказала Мэри Довъ.— Ты, очевидно, и поступаешь такъ, Мэри Куппъ. Но я не имѣю никакого отношенія къ ней, я хочу сказать, что меня-то она не напугаетъ.

— Напугаетъ тебя! Какъ она можетъ напугать тебя?

— Не знаю. Во всякомъ случаѣ это не удастся ей.

— Тогда лучше повидайся съ ней, — сказала Мэри Куппъ и засмѣялась. Смѣхъ ея былъ нѣсколько рѣзокъ и въ немъ звучало безысходное горе.

Мэри Довъ повернулась и стала спускаться изъ сада. Отойдя немного, она обернулась. Мэри Куппъ слѣдила за ней.

— Гдѣ она, какъ ты сказала?—крикнула Довъ.

— Гдѣ-то въ чащѣ. Сегодня слишкомъ жарко для того, чтобы быть на лужайкѣ.

— Да, знаю.

Мэри пошла дальше. Генріэтта расположилась въ креслѣ, устроенномъ ею изъ прошлогоднихъ сухихъ листьевъ, свѣжаго сѣна, принесеннаго ей младшими дѣвочками съ сѣнокоса, подушекъ и мягкой красивой шали

своей матери. Съ значительнымъ видомъ, красивая, сидѣла она на этомъ подобіи трона, глубоко задумавшись надъ тѣмъ, что ожидало всѣхъ. Но она рѣшилась во чтобы то ни стало держаться въ сторонѣ и удержать свое вліяніе надъ младшими.

— Подойди, Мэри. Какъ ты долго заставила меня ждать тебя,—сказала она, когда показалась Мэри Довъ.

— Я не знаю, зачѣмъ я понадобилась тебѣ, — сказала Мэри.

— Узнаешь черезъ нѣсколько минутъ. Можешь присѣсть на конецъ шали, если хочешь.

— Благодарю.

— Какой у тебя разстроенный видъ, Мэри. Должно быть ты сидѣла на солнцѣ.

— Да; но сегодня мнѣ жарко не отъ солнца.

— Отчего же тебѣ жарко? Лѣто еще не наступило. Жаль, если ты начнешь раскисать отъ жары раньше, чѣмъ придутъ іюнь и іюль.

— Я думаю мнѣ жарко оттого, что у меня неспокойно сердце. Я устала и чувствую себя несчастной,—сказала Мэри Довъ.

Генріэтта внезапно положила свою сильную руку на плечо дѣвочки.

— Мэри Довъ!

— Что, Генріэтта?

— Я не желаю слышать твоей сантиментальной чепухи.

— Я говорю вовсе не сантиментально, Герри.

— Нѣтъ, говоришь. Ты очень сантиментальна. Одна изъ дѣвочекъ въ школѣ сдѣлала дурной поступокъ и ее необходимо наказать. Тебя это тревожитъ. Тѣ, кто дѣлаютъ дурное, должны быть наказаны.

— Будь это кто-нибудь другой, а не Китти,—сказала Мэри.

— Да, вотъ именно то, что ты печалишься о такой дѣвочкѣ, какъ Китти, и сердитъ меня,—отвѣтила Ген-

ріэтта.—Могу я спросить, что такое въ этой Китти, что всѣ вы теряете головы по ней?

Мэри молчала.

— Говори, Мэри. Терпѣть не могу нѣмыхъ, надутыхъ людей.

— Я не нѣмая и не надутая, а говорю, когда хочу.

— Ну такъ и молчи, моя милая. Я позвала тебя для пріятнаго разговора. Я думала, что ты въ дурномъ настроеніи духа; ты такое впечатлительное созданіе и я надѣялась урезонить тебя своими словами. Но ты, повидимому, не желаешь никакихъ совѣтовъ. Ну, я ничего не могу сдѣлать для тебя, но хочу только сказать, что если поступятъ по очень суровымъ правиламъ, изложеннымъ въ рукописной книгѣ—а я увѣрена, что будетъ такъ—наступитъ время, когда тебѣ, Мэри Довъ, придется стать на ту или другую сторону.

— На какую сторону? Что ты хочешь сказать?

— Это очень просто. Ты должна будешь быть или за Китти О'Донованъ, или противъ нея. Ты никогда не спрашивала, что значитъ церемонія развѣнчиванія?

— Этого никогда не будетъ,—сказала Мэри.

— Это вполнѣ зависитъ отъ рѣшенія всѣхъ учеництъ школы. Будутъ собирать голоса и судьба Китти О'Донованъ рѣшится большинствомъ голосовъ.

Мэри улыбнулась.—Въ такомъ случаѣ,—сказала она,—въ такомъ случаѣ Китти, навѣрно, не будетъ развѣнчана.

— Такъ ты думаешь; но я не согласна съ тобой. Я надѣюсь, что дѣвочки въ Мертонъ-Гебльсѣ не до такой степени лишены чувства чести, любви къ правдѣ, сознанія своего долга, страха передъ ложью, чтобы оставлять на цѣлый годъ во главѣ школы эту дѣвочку. Если бы это случилось, то я, по крайней мѣрѣ, сочту своимъ долгомъ написать своимъ роднымъ, чтобы они взяли меня изъ школы. Конечно, намъ нужно доказать виновность Китти О'Донованъ, но, въ сущности, это доказано. Если же, послѣ того, какъ ея вина будетъ доказана,

дѣвочки все же рѣшать оставить ее во главѣ школы, иначе сказать, если онѣ рѣшатъ противъ своей совѣсти, что она невинна, я покидаю школу. А за мной многія сдѣлаютъ то же. Школа миссисъ Шервудъ погибнетъ.

Мысль объ отъѣздѣ Генріэтты вовсе не была смертельнымъ ударомъ для Мэри Довъ. Она сидѣла очень спокойно, смотря въ землю. Генріэтта была достаточно проницательна, чтобы прочесть мысли дѣвочки, а такъ какъ онѣ были нелестны для нея, то гнѣвъ ея дошелъ до бѣлокаленія.

— Мэри Довъ, ты сейчасъ должна дать мнѣ обѣщаніе, что если будутъ собирать голоса,—а это будетъ, вѣроятно, завтра,—ты подашь голосъ противъ Китти О'Донованъ.

— А почему это?—спросила Мэри.—Я не желаю слушать проповѣдей. Ты не имѣешь права командовать мной. Я буду голосовать, какъ считаю правильнымъ. Я думаю, я увѣрена, я знаю, что она невинна.

— Маленькая дурочка! Ну, поступай какъ знаешь. Но, Мэри Довъ, можно тебѣ напомнить тотъ день, когда ты потеряла соверенъ—все твое состояніе на эту часть года?

— Конечно, я помню. Не могу представить себѣ, куда онъ дѣвался.

— По всей вѣроятности, его поднялъ кто-нибудь изъ мальчиковъ садовника. Во всякомъ случаѣ ты не ощутила этой потери, не правда ли?

— Нѣтъ; ты была очень добра ко мнѣ, Генріэтта.

— Да, мнѣ кажется. У меня много денегъ и я поставила себѣ девизомъ помогать людямъ, находящимся въ затруднительномъ положеніи. Я хотѣла помочь тебѣ и помогла; вотъ и все. Дѣло не важное, неправда ли? но все-таки кое-что значитъ.

— Ты была очень добра ко мнѣ, Генріэтта, и я никогда не могла выразить словами своей благодарности тебѣ.

— Потеря была счастьемъ для тебя, не такъ ли?— сказала Генріэтта, потому что я дала тебѣ два соверена вмѣсто одного, потеряннаго тобой.

— Да, правда.

— Я думала,—продолжала Генріэтта тихо и устремивъ на дѣвочку взглядъ своихъ блестящихъ, странныхъ глазъ,— что, имѣя столько денегъ—сорокъ шиллинговъ ты удержишься отъ искушенія, Мэри.

— Что ты хочешь сказать?

— Неужели ты не понимаешь, что я хочу сказать?

— Нѣтъ... нѣтъ,—сказала Мэри. Но она поблѣднѣла, опустила глаза и безпокойно зашевелилась на мѣстѣ.

— Мэри, когда дѣлаешь низкій поступокъ, то должно осторожнѣе устраивать свои мелкія кражи.

— Мои мелкія—о, Генріэтта!

— Если бы я собиралась взять деньги какой-либо дѣвочки, я не пошла бы въ столъ Маріи Банистеръ. Мнѣ было бы жаль, потому что она такая маленькая, немного убогая и очень милая дѣвочка. Я думаю, ты пошла въ письменный столъ Маріи, потому что мы всѣ въ школѣ знаемъ, что Марія никогда не считаетъ своихъ денегъ и бросаетъ ихъ гдѣ ни попало.

— Генріэтта, ты обѣщала мнѣ не разсказывать этого; и хотя ты не видѣла, но я положила деньги обратно сейчасъ же. Ты спасла меня. Не захочешь же ты быть противъ меня?

— Конечно, милая. Я не буду дѣйствовать противъ тебя, если ты будешь вести себя, какъ слѣдуетъ, не сантиментальничать и дашь свой голосъ противъ Китти О'Донованъ.

— Генріэтта, какъ это ужасно! Я—я не могу.

— Ну, слушай, Мэри. Ты должна быть на моей сторонѣ въ этомъ дѣлѣ. Если нѣтъ, то я разскажу, что видѣла. Я разскажу, какъ однажды вечеромъ я вошла въ большую залу и увидѣла, какъ маленькая дѣвочка прокралась въ комнату и открыла письменный столъ лэди Маріи Банистеръ. Я могу изобразить это очень живо.

Я разскажу, какъ дѣвочка нажала тайную пружину, вынула изъ стола маленькій кошелекъ, а изъ него соверенъ, какъ она положила кошелекъ назадъ въ потайной ящикъ и дошла до двери, думая, что никто не видѣлъ ея. Конечно, ты знаешь, Мэри, что око Господне видитъ все; но въ этомъ случаѣ видѣлъ и глазъ человѣческій. Помнишь, что я подошла къ тебѣ, взяла тебя за руку и велѣла тебѣ положить деньги обратно. Я не была недобра къ тебѣ тогда.

— Да, Герри, да. Я сказала тебѣ тогда, почему на меня нашло искушеніе взять деньги. Мнѣ такъ хотѣлось имѣть хорошенькое платье къ первому мая, а у меня не хватало денегъ даже съ тѣми, что ты такъ великодушно дала мнѣ. Я хотѣла сказать потомъ лэди Маріи; портниха ждала моихъ распоряженій, а я не могла дать ихъ, пока не была увѣрена, что могу заплатить ей.

— Ну, ты положила деньги обратно, а я—я помогла тебѣ и ты получила свое платье; все это такъ. Теперь ты должна мнѣ три фунта.

— Да.

— Когда ты собираешься отдать ихъ мнѣ?

— Не... не знаю. Я думаю, когда пріѣду послѣ каникулъ. Я постараюсь набраться храбрости и попрошу маму не брать меня на берегъ моря. Это всегда обходится въ нѣсколько фунтовъ. Я попрошу маму дать мнѣ эти деньги и привезу ихъ; тогда я не буду больше должна тебѣ.

– Отлично сдѣлай такъ. Или дай мнѣ подумать. Тебѣ хочется ѣхать на море съ матерью?

— Конечно, страшно. Ты знаешь или догадываешься,—что я воспитываюсь безплатно. Собственно, даже я не должна знать этого, но я не могу не знать, потому что, какъ могла бы моя мать помѣстить меня сюда? Если бы мама захотѣла, я могла бы остаться здѣсь и на каникулы и ничего не стоитъ моей дорогой мамочкѣ. Но я – ея единственный ребенокъ и ей такъ



„Можешь присѣсть на конецъ шали, если хочешь".

хочется имѣть меня у себя на время каникулъ. Поэтому я ѣзжу къ ней и она копитъ деньги цѣлый годъ, чтобы мы могли поѣхать въ какое-нибудь захолустное мѣстечко на берегу моря. Тамъ мы вмѣстѣ купаемся, катаемся верхомъ и бываемъ такъ счастливы! Я разскажу ей все, даже то, что я пробовала взять соверенъ у лэди Маріи. У меня нѣтъ секретовъ отъ моей дорогой мамы.

— Ну, вотъ что я скажу тебѣ,—сказала Генріэтта.— Мнѣ кажется очень жестокимъ, что ты не поѣдешь на берегъ моря съ твоей матерью. Ты мнѣ нравишься, Мэри Довъ. Богу извѣстно, что умомъ ты не блещешь, очаровательнаго въ тебѣ ничего нѣтъ, но ты хорошая дѣвочка, а хорошимъ дѣвочкамъ всегда слѣдуетъ помогать. Китти О'Донованъ совсѣмъ другого сорта. Она только красива, блестяща, у нея ласковыя манеры и она околдовала всѣхъ маленькихъ дѣвочекъ.

— Не только насъ младшихъ. Вѣдь нельзя же назвать маленькими Елизавету Решлей или Клотильду, а она и ихъ привлекла къ себѣ.

Генріэтта крѣпко сжала руки. Она слишкомъ хорошо знала, что это правда.

— И миссъ Хонебенъ,—продолжала Мэри,—и миссъ Хизъ, и миссисъ Шервудъ—всѣ въ школѣ, кромѣ... кромѣ, я думаю, тебя, Герри, любятъ маленькую Китти. Она всѣмъ нравится.

— Ну, это недолго будетъ продолжаться. Однако, къ дѣлу. Если ты подашь свой голосъ за меня, т. е. не за меня, а противъ Китти О'Донованъ—завтра или когда-бы ни было, ты можешь оставить себѣ эти три соверена; что касается меня, я забуду, что ты была должна мнѣ. Что ты скажешь на это?

— Я? Я не знаю, что и сказать, какъ благодарить тебя.

— Конечно, ты исполнишь мое желаніе?

— Я подумаю и скажу тебѣ.

— Помни, что я не терплю нерѣшительности. Приди

ко мнѣ въ комнату сегодня вечеромъ и скажи, что ты рѣшила. Если исполнишь мое желаніе, все будетъ хорошо. Если пойдешь противъ меня, то боюсь, что мнѣ придется исполнить свой долгъ и разсказать все миссисъ Шервудъ. Право, совѣсть упрекаетъ меня за то, что я скрываю это. Я скажу ей, что разъ Китти попала въ бѣду изъ-за дурного поступка, то врядъ ли будетъ справедливо покрывать тебя. Хорошенькую исторію могу я разсказать миссисъ Шервудъ. Итакъ, ты можешь поступить, какъ желаешь, Мэри. Иди; ты знаешь, что ожидаетъ тебя.

Мэри встала и вышла изъ комнаты. Мракъ, окружавшій Китти О'Донованъ, распространился въ сердцахъ всѣхъ школьницъ, но нѣкоторыя изъ нихъ были болѣе заинтересованы въ грядущихъ событіяхъ, чѣмъ другія.

Идя медленно отъ Генріэтты, Мэри сжимала руки и раза два тихо простонала. Мэри Довъ знала нѣчто, что могло бы совершенно измѣнить будущую жизнь Китти О'Донованъ, если бы она рѣшилась сказать это.

Однажды, въ половинѣ апрѣля, вскорѣ послѣ того, какъ ученицы вернулись въ школу послѣ зимнихъ каникулъ, три сестры Куппъ и Мэри Довъ сидѣли въ саду. Онѣ болтали о всемъ, что приходило имъ въ голову и были очень веселы и счастливы. Ихъ маленькія радости и горести поглощали все ихъ вниманіе. Мэри Довъ была счастлива оттого, что имѣла свой драгоцѣнный соверенъ, а дѣвочки Куппъ еще не тревожились о своемъ братѣ Полѣ. Онѣ и не думали о тяжелой тучѣ, которая должна была вскорѣ разразиться дождемъ и бурей надъ ихъ головами.

Вскорѣ Матильда и Джэни встали и прошли по лужайкѣ, чтобы прогуляться въ чащѣ.

— Какъ онѣ любятъ другъ друга!—сказала Мэри Довъ, взглянувъ на другую Мэри.

— Да. Видя ихъ вмѣстѣ, всякій могъ бы подумать, что Матти моложе меня.

— А развѣ она не моложе! Я всегда думала такъ.

— Нѣтъ; она старше меня на полтора года.

— Я думаю, такъ кажется, потому что у тебя болѣе сильный характеръ,—сказала Мэри Довъ.

Другая Мэри разсмѣялась.

— Можетъ быть. А потомъ на меня имѣлъ большое вліяніе мой братъ.

— Какъ хорошо имѣть брата!—сказала Мэри Довъ.— Мнѣ такъ хотѣлось бы имѣть брата.

— А у тебя нѣтъ, Мэри?

— Нѣтъ, ни брата, ни сестры; только моя драгоцѣннѣйшая мамочка. Но за то она стоитъ всѣхъ; она такая милая, хорошая.

— И моя мама очень милая. Папа немного строгъ,— сказала Мэри Куппъ.—Но когда я бываю дома съ Полемъ, мнѣ все равно. Онъ такой чудесный и очень красивый.

— Красивый?—сказала Мэри Довъ.

— Да; нисколько не похожъ на всѣхъ насъ. Онъ просто красавецъ и мысли у него такія возвышенныя. Ему, напримѣръ, не нравится мой единственный талантъ.

— Твой единственный талантъ?—сказала Мэри Довъ.

— Да; это нѣсколько даже смѣшно съ его стороны. Ты знаешь, у меня необыкновенная способность подражать почерку кого угодно. Отецъ говоритъ, что это поразительный, но опасный даръ. А Поль однажды позвалъ меня къ себѣ и сказалъ, что это ужасный даръ, который можетъ сдѣлать много вреда другимъ. Онъ умолялъ меня не упражняться въ этомъ, никогда не писать чужимъ почеркомъ. Бѣдный, милый мой!

— И ты обѣщала ему?—спросила сильно заинтересованная Мэри.

— Да, до нѣкоторой степени. Мнѣ помнится, что обѣщала.

— Мнѣ хотѣлось бы посмотрѣть, какъ ты можешь подражать чужому почерку,—сказала Мэри Довъ.

— Нѣтъ,—не могу; я обѣщала Полю не дѣлать этого. Мнѣ нужно отучиться, хотя это очень забавно. Но, ради

Бога, Мэри обѣщай, что ты никогда не разскажешь объ этой моей способности.

— Конечно, обѣщаю тебѣ,—отвѣтила Мэри Довъ, не предчувствуя, что настанетъ время, когда это обѣщаніе ляжетъ тяжестью свинца на ея душу.

Воспоминаніе объ этомъ разговорѣ преслѣдовало бѣдную, маленькую Мэри Довъ, когда она медленно возвращалась въ домъ. До сегодняшняго утра она совершенно забыла о необыкновенной способности Мэри Куппъ; но послѣ того, какъ начальница публично обвинила Китти О'Донованъ и отдала ее на судъ подругъ, Мэри Довъ вспомнила весь разговоръ. Не разрѣшеніе ли это загадки? Нахлынувшія въ ея душу чувства мучили ее. Она была почти не въ состояніи вынести ихъ. Если она скажетъ, то что будетъ съ ней? Генріэтта добьется ея исключенія изъ школы; въ этомъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія. Дѣвочка, которая могла украсть деньги у другой дѣвочки, не останется и часу въ Мертонъ-Гебльсѣ. Она должна вернуться къ матери, которая такъ разсчитывала, что она получитъ хорошее образованіе и можетъ впослѣдствіи зарабатывать себѣ хлѣбъ. Она должна будетъ вернуться въ свой скудный домъ несчастная, униженная, опозоренная. Что станется съ дѣвочкой, исключенной изъ школы? А съ другой стороны—Китти. Если она скажетъ, что знаетъ, то Китти будетъ спасена. О, что дѣлать ей!

Въ этотъ вечеръ Мэри Довъ должна была сначала видѣться съ Генріэттой, потомъ съ Клотильдой. Клотильда лишь только замѣтила, что Мэри извѣстно что-то, употребила всѣ свои усилія, чтобы заставить свою маленькую товарку облегчить душу признаніемъ. Но Мэри помнила свое обѣщаніе. Она думала, что, можетъ быть, Мэри Куппъ, дѣйствительно, ни въ чемъ не виновата. Подозрѣніе могло перейти съ Китти на Мэри и жизнь Мэри могла быть загублена. Она, Мэри Довъ, нарушила бы обѣщаніе, данное Мэри, которая и безъ того была почти совсѣмъ убита болѣзнью брата.



„Миссисъ Шервудъ сама надѣла тонкую золотую цѣпочку на шею дѣвочки"...

Мэри Довъ, входя въ домъ, встрѣтилась съ той, о которой только что думала. Мэри Куппъ была съ сестрами. Въ рукѣ она держала открытую телеграмму. Остальныя нетерпѣливо разспрашивали ее.

— Есть у васъ извѣстія о братѣ?—спросила Мэри Довъ.

— Да,—отвѣтила Мэри Куппъ, стараясь говорить какъ можно веселѣе,—и хорошія. Они уже на пути въ Швейцарію. Мама говоритъ, что пришлетъ телеграмму, когда они пріѣдутъ туда. Дѣйствительно, миссисъ Шервудъ чудная женщина.

— Да, не правда ли?—сказала Мэри Довъ.

Другая Мэри пристально взглянула на свою товарку. Мэри Довъ показалось, что въ глазахъ ея она прочла такъ ясно слова:—ты во всякомъ случаѣ сохранишь мою тайну!—Какъ будто они были произнесены вслухъ. Ей невыразимо захотѣлось помочь пріятельницѣ. Она дѣйствительно очень сожалѣла ее. Китти не было видно все время, поэтому ея очарованіе не дѣйствовало такъ сильно. Китти была всеобщей любимицей, несмотря на ея проступокъ, а у бѣдной Мэри Куппъ совсѣмъ не было друзей. Она была не изъ тѣхъ дѣвочекъ, у которыхъ бываетъ много подругъ.

Кто-то позвалъ Джэни и обѣ сестры побѣжали по лужайкѣ. На одну секунду Мэри Куппъ и Мэри Довъ остались однѣ. Вдали показались Гэнріэтта Вермонтъ, Клотильда Фокстиль и Елизавета Решлей. Вдругъ Мэри Куппъ подбѣжала къ Мэри Довъ и схватила ее за руку.

— Ты забудешь?—сказала она. Въ голосѣ ея чувствовалась мучительная тревога.—Я не думала объ этомъ до сегодня,—прибавила она.—Потомъ мнѣ вдругъ вспомнилось, что я сказала тебѣ. Тебѣ могло бы придти на умъ, что... что я могла сдѣлать такую ужасную вещь. Ты забудешь. Если бы узнали, мое положеніе стало бы ужас-

нымъ. Если бы это стало извѣстнымъ, Поль умеръ бы. *Ты, ты забудешь? Ты сдержишь, ты сдержишь свое слово?*

— Да, я сдержу мое слово,—сказала Мэри Довъ, ненавидя себя за эти слова. Мэри Куппъ ушла.

XV. Клотильда выражаетъ свое мнѣніе.



Вечеромъ, когда Мэри Довъ пришла въ комнату Герри, она сразу спокойно сказала, что, когда наступитъ время, она подастъ свой голосъ противъ Китти О'Донованъ. Гэрри приняла извѣстіе съ напускнымъ хладнокровіемъ.

— Благодарю тебя,—сказала она,—я думаю, ты поступила умно. Большая ошибка пробовать защитить виновнаго.

— А ты, съ своей стороны, будешь помнить, Генріэтта?—дрожащими губами проговорила Мэри.

— О, не бойся. Какъ будто ничего и не было и ты ни чего не должна. Не нужно ли тебѣ еще десяти шиллинговъ?

— Нѣтъ; съ меня достаточно.

— Возьми лучше. Я думаю, когда эта непріятная исторія уляжется, въ школѣ будутъ устраивать много развлеченій, чтобы заставить забыть о ней; мы должны будемъ давать деньги на пикники и т. д.; десять шиллинговъ могутъ пригодиться тебѣ. Не будь глупа, не отказывайся.

— Не стану; очень благодарна,—сказала Мэри Довъ.

Она опустила деньги въ карманъ и пошла въ комнату Клотильды, которая просила Мэри придти къ ней въ девять часовъ вечера. Мэри чувствовала себя очень слабой и разбитой. Въ этотъ день она пережила больше, чѣмъ за всю свою короткую жизнь. Будь тутъ ея мать, или будь она одна съ Елизаветой, она никогда не поступила бы такъ, не поддалась бы искушенію. Но некому было помочь бѣдному ребенку, а страхъ ея передъ Генріэттой

возросталъ съ каждой минутой. Ей хотѣлось, не брать послѣднихъ денегъ; они, казалось, прожгли дыру въ ея карманѣ.

Какъ только она вошла, Клотильда попросила ее сѣсть. Елизавета начала говорить первой.

— У меня былъ очень интересный разговоръ съ Клотидьдой, Мэри. Она говоритъ, что изъ твоихъ словъ поняла, будто ты можешь пролить свѣтъ въ окружающій насъ страшный мракъ. Она говоритъ, что ты сильно колеблешься и, очевидно, находишься подъ вліяніемъ страха. Ну, богинѣ страха служить ужасно. Пойми, милая, маленькая Мэри Довъ, что она такъ же труслива, какъ отвратительна, и ее легко можно побѣдить. Главное, не подчиниться ей. Клотильда говоритъ, что почему-то ты поддалась страху и потому не хочешь разсказать того, что знаешь. Я надѣюсь, что ты образумилась, Мэри, и скажешь намъ, что можетъ спасти Китти О'Донованъ отъ предстоящей ей участи.

— Мнѣ нечего сказать,—отвѣтила Мэри. Она говорила смущеннымъ тономъ; слова какъ будто съ трудомъ выходили изъ ея устъ.

— Это чистое безуміе! — нетерпѣливо выкрикнула Клотильда.—Боже мой! Будь здѣсь мой папа, онъ скоро вытрясъ бы изъ тебя правду, Мэри Довъ. Если когда-либо на свѣтѣ была дѣвочка, переполненная тайной и желающая излиться, то это была ты, Мэри Довъ, сегодня утромъ. А если теперь ты говоришь, что тебѣ нечего сказать, то это только значитъ, что ты перешла на сторону непріятеля, тебя подкупили, чтобы ты осталась на сторонѣ лица, имя котораго начинается съ *Г* и кончается на *а*. Ты не можешь отрицать этого, Мэри Довъ, какъ ни старайся.

— Мнѣ нечего сказать—совсѣмъ нечего, совсѣмъ нечего,—сказала Мэри. И начала горько рыдать.

Старшія дѣвочки смотрѣли на нее съ смѣшаннымъ чувствомъ сожалѣнія и нетерпѣнія.

— Я знаю, что мой папа Джэмсъ Томасъ Фокстиль не сталъ бы долго выносить твоей чепухи,—сказала черезъ минуту Клотильда.—Онъ скоро узналъ бы отъ тебя всю правду. Онъ не позволилъ бы тебѣ остаться подъ вліяніемъ той противной, низкой личности, имя которой начинается съ *Г* и кончается на *а*; ее грызетъ зависть, потому что мы не желаемъ имѣть ее во главѣ нашихъ дѣлъ. Но если она воображаетъ, что можетъ достигнуть чего-нибудь подкупомъ, порчей или лестью, то очень ошибается. Я полагаю, мы хорошо изучили ее здѣсь, въ школѣ, и отлично знаемъ, что такое она. Генріэттѣ Вермонтъ не бывать у насъ королевой мая.

— Не будемъ говорить о Генріэттѣ Вермонтъ,—сказала Елизавета своимъ яснымъ, полнымъ благородства голосомъ.—Теперь нужно думать о томъ, что дѣлать съ Китти? Ты не видала Китти, Мэри Довъ?

— Видѣла только въ классѣ,—отвѣтила Мэри.

— У нея былъ трогательный видъ, когда она стояла одна на эстрадѣ, не правда ли?—сказала Елизавета.—Мнѣ кажется, я никогда не видала болѣе трогательнаго зрѣлища. Она была совершенно поражена.

— Это было трогательно,—сказала Мэри Довъ.

— Сердце разрывалось,—сказала Клотильда,—и нѣтъ никакого сомнѣнія, что ты можешь спасти ее. Но изъ-за страха, изъ низкаго подлаго страха, ты оставляешь ее страдать.

— Говорю вамъ, что я ничего не знаю! Говорю вамъ, ничего не знаю!—повторяла Мэри Довъ, ощупывая деньги въ карманѣ.

Она нѣсколько разъ повторила эти слова.

— Не для чего говорить больше,—сказала Клотильда тономъ сильнаго неудовольствія.—А зачѣмъ ты держишь руку въ карманѣ. Дай-ка мнѣ посмотрѣть.

Прежде чѣмъ Мэри успѣла опомниться, Клотильда запустила руку въ карманъ, вытащила руку дѣвочки и показала Елизаветѣ монету.

— Вотъ,—сказала она.—Я не знала, что ты такъ богата. Оставь ихъ себѣ, моя милая, оставь. Мнѣ казалось бы, что такія деньги приносятъ несчастье. Я и мой папа, Джэмсъ Томасъ Фокстель, были бы огорчены, если бы намъ пришлось дотронуться до подобнаго рода денегъ. Да, оставь себѣ эти деньги. Ты только что вышла изъ комнаты дѣвочки, имя которой начинается съ *Г*, а оканчивается на *а*. О, по моему, дѣло совершенно ясное!

— Я ничего не знаю,—повторила Мэри и опустила деньги въ карманъ.

— Это твои послѣднія слова?—спросила Елизавета.

— Да, я устала; я хочу спать.

— Мы не будемъ задерживать тебя,—сказала Елизавета.—Завтра фрейлины и статсъ-дамы будутъ имѣть свиданіе съ Китти въ большой залѣ. Потомъ, если не случится чего-нибудь особеннаго, что невѣроятно, все дѣло будетъ разсказано всей школѣ, и ученицамъ предоставлено подавать голоса. Послѣ того, какъ все будетъ объяснено серьезно и систематически, каждую дѣвочку будутъ спрашивать, считаетъ она Китти О'Донованъ виновной или невиновной. Если Китти признаютъ виновной, она будетъ развѣнчана, т. е. опозорена на всю жизнь. Жаль, что такое низкое, низменное чувство, какъ страхъ, можетъ имѣть вліяніе въ этомъ дѣлѣ. Какъ ты думаешь, Мэри Довъ?

— Было бы жаль, если бы это была правда,—сказала Мэри. А теперь я иду спать. Вы обѣ сдѣлали меня несчастной.

— Я презираю тебя,—сказала Клотильда.—Ты дала мнѣ понять, какъ нельзя болѣе ясно, что знаешь что-то, а теперь боишься сказать. Иди спать со своимъ страхомъ. Спи съ нимъ и живи всю твою остальную жизнь съ нимъ. Для меня же ты презрѣнна. Иди.

Мэри ушла.

XVI. Письмо отъ Поля.



ъ мирной школѣ въ Мертонъ-Гебльсѣ въ данное время было три очень несчастныхъ дѣвочки и страннымъ образомъ наименѣе несчастной изъ этого тріо была предполагаемая виновница всего этого переполоха. Ободряющія слова Елизаветы Решлей успокоили бѣдную, маленькую Китти О'Донованъ.

— Слава Богу, что ты невинна!—сказала Елизавета и, по мѣрѣ того, какъ проходили долгіе часы этого несчастнаго дня, дѣвочка начинала испытывать чувство блаженнаго облегченія. Она обвинена ложно, при какихъ то таинственныхъ обстоятельствахъ, въ томъ, чего она не сдѣлала. Она не знала, что̀ изъ этого выйдетъ, но въ глубинѣ души чувствовала себя невинной.

Черезъ нѣсколько времени она встала и, слѣдуя совѣту Елизаветы, взяла книгу съ этажерки и попробовала отвлечься отъ своихъ тревогъ чтеніемъ. Въ книгѣ былъ простой разсказъ о хорошемъ человѣкѣ; это была исторія жизни человѣка, боровшагося противъ искушенія, возвысившагося надъ горемъ и нашедшаго свое блаженство въ лонѣ Господа. Глаза Китти наполнились слезами; впродолженіе всей своей жизни она чувствовала симпатію къ этому человѣку, хотя не докончила книги и никогда болѣе не слыхала его имени.

Къ вечеру этого дня миссъ Хонебенъ вошла въ комнату Елизаветы и сѣла рядомъ съ Китти. Она принесла подносикъ съ чаемъ, хлѣбомъ съ масломъ и поджаренными тартинками.

— Я подумала, что ты голодна, Китти,—сказала она.—Я принесла чаю и хлѣба на двоихъ. Выпьемъ по чашечкѣ, милая.

— Вы, въ самомъ дѣлѣ хотите пить чай со мной?— спросила Китти.

— Конечно, дитя мое.

— Благодарю васъ,—отвѣтила Китти.

— Я думала, милая Китти, о томъ, какъ ты чувствовала себя весь этотъ день.

Китти медленно подняла свои прекрасные, темносѣрые глаза и устремила ихъ на лицо учительницы; потомъ она сказала своимъ спокойнымъ голосомъ:

— Сначала я испугалась и разсердилась, но Елизавета сказала мнѣ нѣсколько словъ, отъ которыхъ мнѣ стало легче.

— Въ школѣ нѣтъ никого, кто могъ бы сравняться съ Елизаветой,—замѣтила миссъ Хонебенъ.—Что же она сказала, милая?—т. е. если ты захочешь повѣрить это мнѣ.

— Мнѣ хочется передать вамъ. Она сказала:—благодари Бога, что ты невинна! Тогда тебѣ легче перенести все.

Миссъ Хонебенъ съ тревогой взглянула въ лицо дѣвочки.

— И это вѣрно,—очень серьезно проговорила Китти.— Но до тѣхъ поръ, пока она сказала мнѣ это, я чувствовала себя просто безумной. Я думала, что нехорошо со стороны Бога наказывать дѣвочку, которая не сдѣлала ничего дурного, но теперь я не такъ много думала объ этомъ и я читала хорошую книгу; человѣкъ, о которомъ говорится тамъ, также пострадалъ отъ злыхъ людей. Онъ также былъ наказанъ за тотъ поступокъ, котораго не дѣлалъ. Елизавета права. Гораздо легче перенести наказаніе, когда невиненъ.

Миссъ Хонебенъ, какъ это ни можетъ показаться страннымъ, противъ воли, подъ тяжестью неопровержимыхъ доказательствъ, пришла къ заключенію о виновности Китти. Она долго и внимательно смотрѣла на свою маленькую ученицу.

— Китти, ты не говорила бы этихъ словъ, если бы они не были правдой.

Китти съ удивленіемъ раскрыла глаза.

— Вы хотите сказать,—замѣтила она черезъ нѣсколько минутъ,—что я не говорила бы, что я невинна, если бы была виновна?

— Да, именно это,—отвѣтила миссъ Хонебенъ.— Я хочу сказать, что, если бы ты была виновата, ты молчала бы. Ты не увеличила бы своей вины увѣреніями въ невинности.

Глаза Китти опасно засверкали.

— Думаетъ кто-нибудь въ школѣ, что я сдѣлала это?—спросила она.

— Я не говорю этого, милая; и я не думаю этого.

— Хотѣлось бы мнѣ знать, миссъ Хонебенъ,—считаете ли вы меня виноватой?

— Не могу выразить, какъ сильно мнѣ хотѣлось вѣрить въ твою невинность, Китти,—сказала учительница,—но до этой минуты я не вѣрила.

— О, миссъ Хонебенъ! Вы думали, что я могла нарушить правила и потомъ отрицать и поступать, какъ я поступаю теперь.

— Признаюсь, милая, что думала это.

— Но не думаете теперь?

— Да, не думаю теперь,—сказала учительница.— Теперь я думаю, что обстоятельства сложились ужасающимъ образомъ противъ тебя; но я думаю, что какимъ то непостижимымъ способомъ свѣтъ возсіяетъ и мы узнаемъ, кто совершилъ этотъ проступокъ. Видишь, дитя мое, вотъ главныя доказательства противъ тебя: ты отреклась, что писала письмо; ты сама предложила телеграфировать твоему двоюродному брату, получилъ ли онъ письмо: отъ него пришелъ утвердительный отвѣтъ: онъ телеграфировалъ, что получилъ.

— Но, съ другой стороны,—сказала Китти,—неужели вы думаете, что я стала бы просить миссисъ Шервудъ телеграфировать Джэку о письмѣ, которое я написала ему? Не думаете ли вы, что одно то, что я просила телеграфировать Джэку, должно было заставить васъ и всѣхъ подумать, что я невинна?

— Конечно, мы могли бы взглянуть такъ,—сказала миссъ Хонебенъ,—но, къ несчастью, Китти, есть другая сторона дѣла.

— Какая? — Китти слегка вздрогнула; выраженіе тревоги появилось на ея лицѣ; она пристально взглянула на учительницу.—Какая?—повторила она.

— Вотъ какая, мое милое дитя. Въ умѣ у насъ промелькнула мысль о печальной возможности,—мнѣ очень грустно говорить тебѣ это—ты могла думать, что твой двоюродный братъ Джэкъ возьметъ твою сторону и защититъ тебя, отрекшись, что получилъ письмо отъ тебя.

— Понимаю,—отвѣтила Китти. Гордость звучала въ ея голосѣ. Она встала.—Вы нехорошо знаете Джэка,—сказала она послѣ короткаго молчанія.

—Но я скажу тебѣ прямо и откровенно, что я перемѣнила свое мнѣніе насчетъ тебя, Китти,—сказала миссъ Хонебенъ.—Я вѣрю, что ты невинна.

Китти протянула ручку.

—Благодарю васъ,—сказала она.—Мнѣ очень хотѣлось бы знать, что со мной сдѣлаютъ. Нѣсколько времени тому назадъ я послала горничную къ миссисъ Шервудъ спросить, могу ли я написать письмо домой, какъ всегда; миссисъ Шервудъ прислала сказать, чтобы я не писала. Это было мнѣ очень больно. Что сдѣлаютъ со мной, миссъ Хонебенъ? Надѣюсь, что вспомнятъ, что я дикарка-ирландка; что я очень рѣшительна; что я сильно чувствую справедливость и несправедливость; что у меня вспыльчивый, пожалуй даже бѣшеный характеръ, что я могу дойти до отчаянія. Вы не должны обращаться со мной, какъ съ плѣнницей, со мной, О'Донованъ изъ „Пикъ!“ Мой отецъ О'Донованъ

изъ „Пикъ!“ Я унаслѣдовала кровь моихъ предковъ; она течетъ въ моимъ жилахъ. Я могу терпѣть, но не очень много. Пусть не обращаются со мной слишкомъ грубо; потому что, тогда я...

— Что ты сдѣлаешь тогда, Китти?

— Мнѣ не хочется говорить вамъ—боюсь, что я не буду больше хорошей. Этого грѣха я не сдѣлала, но могу сдѣлать другіе. О'Донованы славятся своимъ бѣшенымъ нравомъ: они всѣ огонь и кровь. Они изъ расы, которая никого не боится. Нѣкогда наши предки были королями, высокими, благородными и свирѣпыми; ихъ кровь во мнѣ; я не могу вынести многого.

— Бѣдное дитя мое, ты говоришь какъ безумная; уже поздно. Не лучше ли тебѣ пойти въ свою комнату и лечь спать?

— Нѣтъ, не хочу. Елизавета сказала, что она придетъ ко мнѣ поздно вечеромъ. Она скажетъ мнѣ, что рѣшили.

— У тебя очень усталый видъ, Китти. Я сейчасъ пошлю ее къ тебѣ.

Миссъ Хонебенъ вышла изъ комнаты и встрѣтила Елизавету, которая только что окончила разговоръ съ Мэри Довъ. Она казалась совершенно измученной.

— Боже мой! миссъ Хонебенъ,—сказала она,—неужели не кончатся несчастія этого дня?

— У меня есть пріятная новость для тебя, Елизавета,—отвѣтила учительница.

— Пріятная! Развѣ сегодня можетъ быть что̀-нибудь пріятное? Что же такое, дорогая? Скажи мнѣ поскорѣе.

— Вотъ что, милая Елизавета... Я, наконецъ, согласилась съ твоей точкой зрѣнія. Я вѣрю, хотя вовсе ничего не понимаю, я вѣрю, что Китти О'Донованъ невинна.

— Ну, я рада, что вы пришли къ этому заключенію. Значитъ, что̀ бы ни случилось, вы будете на нашей сторонѣ.

— Я сидѣла съ бѣдной дѣвочкой,—сказала миссъ Хонебенъ;—она говорила такъ кротко и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ страстно, что совершенно покорила мое сердце; никакая дѣвочка, будь она виноватой, не могла бы сказать нѣкоторыхъ словъ, сказанныхъ ею. Несмотря на всѣ страшныя улики, я вполнѣ вѣрю въ ея невинность.

— Тогда вы, конечно, вѣрите, что тутъ есть какой-то обманъ?—спросила Елизавета.

— Вотъ это самое ужасное, моя милая. Но откуда онъ?

— Ну, —сказала Елизавета, — я напала на одинъ слѣдъ и нимало не задумаюсь пойти по нему. Не знаю, виновата ли она сама или нѣтъ, но спасти Китти О'Доновенъ можетъ...

— Кто? кто, дорогая?

— Мэри Довъ.

— Ты съ ума сошла, милая Елизавета! Маленькая, незамѣтная Мэри Довъ! Вѣдь она даже не въ одномъ классѣ съ Китти; никогда не бываетъ съ ней; не имѣетъ никакого отношенія ни къ ней, ни къ ея жизни.

— А между тѣмъ въ ея рукахъ спасеніе Китти. Она не хочетъ открывать тайны; безъ сомнѣнія, ее подкупили, чтобы она молчала. Я знаю это.

— Елизавета! Ты еще болѣе ухудшаешь положеніе вещей.

— Такъ нужно, чтобы оправдать Китти,—отвѣтила Елизавета.

— Значитъ, ты рѣшила биться до горькаго конца?—замѣтила миссъ Хонебенъ.

— Да, и также Клотильда Фокстиль и, я думаю, многія изъ дѣвочекъ въ школѣ до того времени, когда намъ придется развѣнчать Китти.

— Дѣвочка очень волнуется, желая видѣть тебя, Елизавета. Она безпокоитъ меня; у нея такой измученный видъ. Ей нужно сейчасъ же лечь въ постель и уснуть.

Не можешь ли ты сейчасъ же пойти къ ней, дорогая. Будь какъ можно веселѣе и заставь ее уснуть.

— Сейчасъ же пойду къ ней,— сказала Елизавета.— Бѣдняжка! я уже давно оставила ее одну.

Елизавета поспѣшно пошла въ свою комнату. Китти сидѣла у стола, уткнувшись лицомъ. Рыданія потрясали ея маленькое тѣло. Елизавета подошла къ ней, обняла, прижала ее къ себѣ и дала ей выплакаться на груди вѣрнаго друга.

Черезъ нѣсколько времени дѣвочка перестала плакать и тихо проговорила:

— Какъ ты добра, какъ ласкова! Я очень люблю тебя, Бетти.

— Это хорошо, милая.

— Бетти, я никогда прежде не испытывала этого чувства: я боюсь въ первый разъ въ жизни. Становится темно. Ночью я буду бояться темноты.

— О, нѣтъ. Чего тебѣ бояться? Богъ такъ же близокъ къ тебѣ во тьмѣ, какъ при свѣтѣ.

— Я знаю, но Онъ, должно быть, разгнѣвался на меня.

— Почему, милочка?

— Если бы Богъ не гнѣвался на меня, Онъ не допустилъ бы, чтобы со мной случилась такая ужасная вещь.

— Онъ желаетъ испытать тебя, Китти. Ты невиновата; я вѣрю въ твою невинность; вѣрятъ и Клотильда, и миссъ Хонебе́нъ. Я думаю, ты убѣдишься, что почти всѣ твои фрейлины и статсъ-дамы вѣрятъ въ тебя; а что касается до остальныхъ дѣвочекъ, ты должна привлечь ихъ на свою сторону. Дѣвочкѣ, которая ни въ чемъ невиновата, нечего бояться.

— Ты придала мнѣ силъ,—сказала Китти.—Теперь я не такъ боюсь.

— Ты ляжешь сейчасъ же спать, Китти?

— Я думаю. Но прежде чѣмъ я лягу, разскажи, пожалуйста, что будетъ завтра.

— Разскажу, Китти. Я говорила съ миссисъ Шервудъ; она сказала, что предоставляетъ все намъ и проситъ, чтобы мы не спрашивали ея совѣтовъ. Она говоритъ, что это наше дѣло и никто не можетъ вмѣшиваться въ него. Поэтому мы всѣ рѣшили послѣдовать правиламъ старой рукописной книги и прежде всего собрать фрейлинъ и статсъ-дамъ, образовать, однимъ словомъ, нѣчто въ родѣ суда, на которомъ будетъ серьезно обсуждаться поведеніе виновной королевы и ее будутъ уговаривать сознаться въ своемъ проступкѣ или доказать свою невинность. Ну, дорогая, этотъ судъ дѣвочекъ, большинство которыхъ сочувствуетъ тебѣ, соберется завтра въ большой залѣ и будетъ обсуждать всю исторію съ письмомъ и то, что послѣдовало за ней. Тѣ, кто вѣрятъ въ твою виновность, милая, станутъ уговаривать тебя сознаться, говоря, что если ты сознаешься, мы возьмемъ на себя простить тебя; тѣ, кто вѣрятъ въ то, что ты невиновата и что тутъ замѣшанъ какой-то обманъ, будутъ употреблять всѣ усилія, чтобы напасть на слѣдъ той, которая принесла тебѣ столько зла. Во всякомъ случаѣ, это будутъ тяжелыя минуты для тебя, бѣдная маленькая Китти. Ложись спать, чтобы приготовиться къ нимъ.

— А потомъ?—прошептала Китти.

— Потомъ, дорогая, если не случится ничего утѣшительнаго во время суда фрейлинъ и статсъ-дамъ, тебѣ придется выступить передъ всей школой. Фрейлины обсудятъ положеніе вмѣстѣ со всѣми ученицами; потомъ онѣ удалятся—или, скорѣе, удалишься ты,—и станутъ собирать голоса за и противъ тебя. Если ты будешь признана виновной, тебѣ придется пережить ужасную церемонію развѣнчиванія.

— Въ чемъ состоитъ она?—спросила Китти.

— Отъ тебя возьмутъ твой вѣнецъ и лишатъ тебя всѣ твоихъ преимуществъ; ты станешь бѣдной маленькой королевой безъ королевства. Ну, милая, маленькая королева мая, не будемъ думать о самомъ дурномъ; бу-

демъ думать о томъ счастливомъ времени, когда ты вернешь себѣ славу и почести; а твое мѣсто въ нашихъ сердцахъ останется непоколебимымъ, могу увѣрить тебя въ этомъ.

— Елизавета, приди ко мнѣ въ комнату и помоги мнѣ раздѣться. Если ты останешься у меня нѣсколько минутъ, я усну. Мнѣ будетъ казаться, какъ будто ангелъ Господень сидитъ рядомъ со мной. Елизавета, не знаю, какъ мнѣ благодарить тебя за всю твою доброту и ласку.

Елизавета отвела взволнованную, несчастную дѣвочку въ ея комнату. Благодѣтельный сонъ вскорѣ посѣтилъ Китти и она погрузилась въ полное забвеніе.

Да, тяжело было испытаніе Китти; но если бы можно было заглянуть въ сердца двухъ другихъ дѣвочекъ въ школѣ—Мэри Куппъ и Мэри Довъ,—то онѣ оказались бы еще болѣе несчастными. Мэри Куппъ слишкомъ хорошо понимала, въ какое ужасное положеніе попала она. Написала она письмо потому, что въ минуту слабости и ужаса обратилась за помощью къ Генріэттѣ, надѣясь, что та дастъ ей денегъ, необходимыхъ для посылки матери. Теперь Мэри припоминался такъ ясно глупый, глупый разговоръ съ Мэри Довъ, когда она расхвасталась насчетъ своей единственной способности—умѣнья подражать всякому почерку настолько, что она могла бы написать письмо за кого угодно. Зачѣмъ она поступила такъ безумно? Ея дорогой братъ Поль вѣдь умолялъ ее не пользоваться никогда этой способностью. Но Мэри воспользовалась и въ какое ужасное положеніе поставила она бѣдную, маленькую Китти! Что если узнаетъ Поль? Мэри лежала въ постели, испытывая чувства отчаянія и ужаса. У больныхъ людей бываетъ иногда странное провидѣніе, а Поль очень боленъ. Онъ всегда имѣлъ особое вліяніе на Мэри и Мэри казалось, что онъ долженъ узнать издалека, какъ дурно она поступила.

Мэри все думала объ этомъ и наконецъ уснула съ сильно бьющимся сердцемъ; страхъ все болѣе и болѣе

овладѣвалъ ея душой. Но даже несчастные и виновные засыпаютъ.

Ночь окончилась. Мэри проснулась вмѣстѣ съ другими и сошла внизъ. За завтракомъ раздавали письма, полученныя съ почты. Дѣйствительно, тамъ было письмо къ Мэри отъ Поля. Она задрожала, увидѣвъ любимый почеркъ; она подумала о дорогомъ мальчикѣ, котораго любила больше всего на свѣтѣ, и едва могла окончить завтракъ. Въ это мгновеніе что то заставило ее поднять глаза; они встрѣтились съ открытымъ трогательнымъ взглядомъ глазъ Китти О'Донованъ и снова въ умѣ Мэри мелькнуло воспоминаніе о странномъ сходствѣ глазъ Поля и Китти. Почему они такъ похожи? Какое отношеніе можетъ имѣть Китти къ такому мальчику, какъ Поль?

— Ты не читаешь своего письма, милая,—сказала сидѣвшая недалеко отъ нея миссъ Хизъ.

— Сейчасъ прочту,—сказала Мэри.

— Ахъ, если бы вы сказали ей, чтобъ она прочла намъ это письмо,—вскрикнула Джэни.

— Оно отъ Поля, а мы съ Матильдой точно такъ же, какъ Мэри, хотимъ знать, что съ нашимъ Полемъ. Не знаю, почему это Мэри удерживаетъ письмо только для себя.

— Я разскажу вамъ, когда прочитаю, — сказала Мэри.

Когда завтракъ былъ оконченъ, дѣвочки и учительницы вышли въ садъ. Мэри быстро убѣжала въ уединенное мѣстечко. Тутъ она разорвала конвертъ и прочла письмо. Она дрожала съ головы до ногъ и письмо Поля, конечно, не уменьшило ея нервнаго страха.

— „Мэри, мы въ Швейцаріи,—писалъ Поль.“—Это такое чудное мѣсто; я чувствую себя гораздо, гораздо лучше на здѣшнемъ прекрасномъ, сухомъ воздухѣ. Я думаю, что совершенно поправлюсь и мы можемъ, какъ

въ былое время, снова приняться за наши планы о будущей жизни“...

Затѣмъ Поль писалъ, что безпокоится за нее, что ему чувствуется, что она въ тревогѣ и онъ боится, не сдѣлала ли она чего дурного.

Онъ умолялъ Мэри не забыть о данномъ ему обѣщаніи никогда не подражать чужимъ почеркамъ, такъ какъ это можетъ ввести въ бѣду и ее, и другихъ.

„Напиши мнѣ сейчасъ же, какъ получишь письмо,—заканчивалъ онъ,—и скажи мнѣ правду; если не напишешь всей правды, я все равно узнаю ее. Правду, только правду... и напиши сейчасъ же, чтобы облегчить мнѣ душу.

Твой любящій братъ Поль“.

Когда Мэри, окончивъ чтеніе письма, подняла голову, лицо ея было блѣдно, какъ полотно. Передъ ней стояли, наблюдая за ней, обѣ ея сестры—Матильда и Джэнни.

— Я не могу вынести больше,—сказала Джэнни. Что онъ умираетъ? Скажи же намъ, Полли, скажи правду.

— Да, Полли, ты должна сказать намъ правду,—прибавила Матильда.—У тебя ужасный видъ, ты должна сказать намъ всю правду.

— Дайте мнѣ подумать,—сказала Мэри. Она прижала руку ко лбу. Каждое слово письма стояло передъ ея глазами словно написанное огненными буквами. Ей казалось, что слова этого письма будутъ видѣться ей впродолженіе всего тревожнаго дня, предстоявшаго ей. Она не смѣла сдѣлать того, что просилъ ее Поль. Она не смѣла написать ему. Онъ прочтетъ истину сквозь лживыя слова. Онъ заглянетъ въ глубину ея лживаго сердца. Что... что сдѣлать ей?

— Полли, скажи же намъ; ты должна сказать,—повторяла Матильда. Она подошла къ сестрѣ и тряхнула ее за руку. Лучше Полю, или хуже?

— Лучше, о, гораздо лучше!—сказала Мэри.—Дай мнѣ взглянуть еще разъ. Я такъ взволнована, что у меня темнѣетъ въ глазахъ.

— Дай мнѣ письмо; я прочту его,—сказала Матильда, протягивая руку, чтобы вырвать его изъ рукъ Мэри.

— Нѣтъ, нѣтъ. Ты не смѣешь; это мое письмо. Не смѣй, не смѣй!

Мэри достаточно овладѣла собой для того, чтобы сунуть письмо въ карманъ.

— Полю лучше,—сказала она.—Онъ думаетъ, что, можетъ быть, выздоровѣетъ. Онъ говоритъ, что это отъ сухого воздуха.

— Почему же ты такъ смертельно блѣдна? Какъ будто онъ умираетъ.

— Не знаю, почему у меня такой видъ. Не могу объяснить вамъ этого. Должно быть потому, что меня волнуетъ даже вѣсть отъ него.

— Вотъ по лужайкѣ идетъ миссисъ Шервудъ,—сказала Джэнни. Можно пойти сказать ей, что ты получила письмо отъ Поля? Она будетъ рада.

— Да, скажите ей.

Дѣвочки побѣжали по лужайкѣ. Первымъ побужденіемъ Мэри было желаніе броситься въ чащу и скрыться тамъ, но у нея достало присутствія духа, чтобы удержаться отъ такого необычайнаго поступка.

Сестры передали начальницѣ хорошія вѣсти и та сейчасъ же пошла къ Мэри, чтобы поздравить ее. Миссисъ Шервудъ очень постарѣла за эти нѣсколько дней. Она сильно страдала. Ея школа,—радость ея сердца,—ея дѣвочки—эти живыя существа, за которыхъ она готова была положить душу, были въ опасности, страдали отъ какого то дурнаго вліянія, проникшаго въ ихъ среду. Миссисъ Шервудъ испытывала сильное смущеніе; горе и волненіе ея были тѣмъ сильнѣе, что виновницей всего была королева мая, благодаря чему, она не могла взять это дѣло въ свои руки. Нельзя было, по ея понятіямъ,

нарушить давно установленныя правила и это то и дѣлало этотъ случай такимъ тяжелымъ для фрейлинъ и статсъ-дамъ королевы мая, которыя, въ сущности, считали Китти О'Донованъ невинной жертвой чьего-нибудь дурного поступка.

— Ему лучше, гораздо, гораздо лучше!—говорилъ ясный, веселый голосокъ Джэнни.—Миссисъ Шервудъ,—пойдите, пожалуйста, къ Полли, скажите ей словечко; у Полли просто сердце разрывается отъ тревоги.

— Я рада, что услышала такія хорошія вѣсти,—сказала миссисъ Шервудъ.—Ты получила письмо, Мэри?

— Да, миссисъ Шервудъ.

— Отъ самого Поля!—вскрикнула Матильда.—Ему настолько хорошо, что онъ могъ написать самъ.

— Онъ очень, очень любитъ тебя, милая Мэри, не правда ли?—сказала начальница.

— Да, миссисъ Шервудъ,—слабымъ голосомъ проговорила Мэри.

— Ты хотѣла бы написать ему отвѣтъ, не такъ ли?

— Да—да.

— Ну, теперь все въ безпорядкѣ у насъ благодаря обстоятельству, о которомъ не будемъ упоминать, поэтому я разрѣшаю вамъ тремъ написать каждой, здѣсь въ саду, письмо Полю. Если письма поспѣютъ къ ранней почтѣ, то онъ получитъ ихъ очень скоро. Я думаю, онѣ попадутъ въ городъ сегодня вечеромъ и ночнымъ поѣздомъ пойдутъ въ Парижъ, а оттуда въ Швейцарію.

— Благодарю васъ,—задыхаясь, сказала Мэри.

Миссисъ Шервудъ повернулась и заговорила съ одной изъ учительницъ. Клотильда Фокстиль проходила мимо съ очень серьезнымъ выраженіемъ лица. Она была одна. Презрительно взглянувъ на сестеръ Куппъ, она повернулась къ нимъ спиной и скрылась среди кустарниковъ.

— Отчего это Кло такъ нелюбезна съ нами?—сказала маленькая Джэнни.

— Не все ли это равно,—замѣтила Матильда.

— Ну, Мэри, мы всѣ начнемъ писать?—спросила Джэнни.

— Конечно.

— Не принести ли тебѣ твой бюваръ, милая Полли?

— Благодарю,—сказала Мэри.

— Каждая изъ насъ напишетъ письмо,—сказала Джэнни.—Вотъ весело то! Только не надо писать ему ничего грустнаго. Правда, Мэри?

— Конечно, не надо.

Дѣвочки пошли въ домъ. Мэри упала на низкую скамью. Письмо Поля въ карманѣ давило ея сердце, какъ свинецъ. Ей казалось, что съ письмомъ къ ней доносился его духъ. Онъ какъ будто преслѣдовалъ ее. Черезъ нѣсколько времени сестры возвратились съ письменными принадлежностями. Потомъ онѣ сѣли на скамью, на которой сидѣла Мэри, придвинули столикъ и разложили всѣ принадлежности для письма.

— Ну не милая ли миссисъ Шервудъ!—сказала Джэнни.

— Да; но теперь надо подумать о нашихъ письмахъ!—замѣтила Мэри.

— Не знаю, что писать,—начала Дженни.—Въ настоящее время всѣхъ насъ въ школѣ интересуетъ только одно. Но объ этомъ нельзя писать ни слова.

— Вотъ что пришло мнѣ въ голову,—внезапно сказала Мэри.—Я не могу писать Полю; у него такая странная способность: онъ видитъ меня насквозь точно такъ же, какъ я его, и потому сразу замѣтитъ, что я скрываю что-то. Эта его способность не касается ни тебя, Джэнни, ни тебя, Матильда. Поэтому вотъ что я придумала: я продиктую письмо одной изъ васъ, мы пошлемъ его отъ имени всѣхъ насъ, а черезъ день—другой я напишу сама.

— Какая ты смѣшная!—сказала Джэнни.—Поль, вѣдь, будетъ читать только то, что написано. Больше онъ ничего не можетъ сдѣлать.

— Да, съ вашими письмами, но не съ моимъ,—сказала Мэри.—Какъ бы то ни было, я хочу продиктовать письмо. Я продиктую тебѣ, Матильда. Возьми листокъ бумаги и пиши.

— Мнѣ хочется написать свое собственное письмо,— сказала нахмурясь и съ недовольнымъ видомъ Джэнни.

— Не думаю, чтобы это было хорошо,—сказала Мэри.—Это должно быть письмо отъ всѣхъ трехъ и Матильда, какъ старшая, должна написать его.

— Это, конечно, правильно,—замѣтила Матильда.— Ты не часто ставишь меня на должное мѣсто, Мэри; но если тебѣ вздумалось сдѣлать это, то я, конечно, не стану возражать.

— Ну, теперь ты на своемъ мѣстѣ,—сказала Мэри. Начинай писать.

Матильда, довольная и гордая, разложила листъ бумаги передъ собой на столикѣ, обмакнула перо въ чернила и взглянула на Мэри.

— Ты, въ самомъ дѣлѣ, хочешь продиктовать все письмо?—спросила она.

— Да, если вамъ все равно.

— Я думаю, это будетъ хорошо,—сказала Матильда. Ты теперь очень мила съ нами, Полли. Я хотѣла бы, чтобы ты была всегда такой.

Мэри задумалась немного, потомъ стала диктовать:

„Мой дорогой Поль, у насъ сегодня праздникъ, нѣтъ занятій и потому мы всѣ вмѣстѣ пишемъ тебѣ. Вотъ какъ это дѣлается: Матильда пишетъ письмо, т. е. оно написано ея рукой, Мэри диктуетъ большую часть письма, Джэнни продиктуетъ немного въ концѣ, а всѣ мы три—твои три сестры—думаемъ о тебѣ и очень, очень любимъ тебя. Дорогой Поль, ты не можешь представить себѣ, какъ обрадовало насъ твое письмо, полученное Мэри сегодня утромъ“.

— Я не читала его. Такъ что *меня* то оно не обрадовало,—замѣтила Джэни.



Потомъ разорвала письмо на мелкіе части.

— Замолчи, Джэнни, не прерывай. Ты написала „сегодня утромъ“, Матильда?

— Да,—отвѣтила Матильда.

„У насъ такъ легко стало на сердцѣ, когда мы узнали, что тебѣ стало лучше. Поправляйся же еще больше. Мы всѣ стараемся учиться въ школѣ, какъ можно лучше, такъ какъ знаемъ, что мама надѣется, что мы воспользуемся всѣми преимуществами школьной жизни. Она разсчитываетъ, что мы станемъ образованными и хорошо воспитанными женщинами“.

— Это совершенно неинтересно ему, — сказала Дженни.—Къ чему надоѣдать ему?

— Это понравится ему,—сказала Матильда. Оставь Мэри диктовать, что она хочетъ, Джэнни.

— Хорошо, но такое письмо не нравится мнѣ,— сказала Джэнни.

„Въ школѣ все идетъ великолѣпно“.

— Мэри! какъ ты осмѣливаешься писать это?—сказала Матильда.

— Такъ нужно, Матильда. „Въ школѣ все идетъ великолѣпно“—ты написала?

— Да, написала.

„И погода чудесная. Хотя еще только май, но уже похоже на лѣто. Полли страшно взволнована мыслью увидѣть тебя лѣтомъ. Она почти не вѣритъ, что это можетъ быть правдой. Ты можешь быть увѣренъ, что одно только сознаніе, что она поѣдетъ въ Швейцарію, заставляетъ ее учиться изо всѣхъ силъ.

Дѣвочки въ школѣ очень милыя. Полли и мы обѣ любимъ всѣхъ—однѣхъ меньше, другихъ больше“.

— Мы скажемъ ему, кого не любимъ?—спросила Джэнни.

— Нѣтъ, нѣтъ,—отвѣтила Матильда.—Это будетъ непріятно ему. Онъ ненавидитъ, когда говорятъ дурно о комъ-нибудь.

„Мы очень скоро снова напишемъ тебѣ. Мы всѣ стараемся быть хорошими. Полли проситъ написать тебѣ, что она *старается* быть *очень, очень хорошей* и что ты поймешь, значенiе этихъ словъ“.

Джэнни пристально взглянула въ лицо сестрѣ.

— Я напомню тебѣ эти слова, когда ты будешь сердиться на меня вечеромъ,—сказала она.—Нечего было уговаривать насъ писать письмо втроемъ и потомъ такъ выставляться. Это не хорошо.

— Ну теперь можешь диктовать и ты,—сказала Мэри, откидываясь на скамейку.

— Хорошо, хорошо!

„Голубчикъ Поль!—Нѣтъ ничего на свѣтѣ, чего мы не сдѣлали бы для тебя, поэтому выздоравливай какъ можно скорѣе. Эта школа похожа на всѣ другiя, только, я думаю, получше; и мы очень счастливы, что здѣсь; а миссисъ Шервудъ—лучшая изъ начальницъ. Она дѣлаетъ все, чтобы мы были счастливы и мы также очень любимъ ее. Но больше всего мы любимъ тебя, Поль; а потому поправляйся хорошенько.

Любящая тебя твоя маленькая Джэнни“.

— Ну, Матильда, теперь твоя очередь написать что-нибудь,—сказала Мэри.

— Мнѣ нечего писать,—замѣтила Матильда.—Впрочемъ, я напишу:

„Милый Поль, мы страхъ какъ обрадовались твоему письму, которое только что пришло. Конечно, мы не читали его, но все же рады. Полли оставляетъ всѣ твои письма у себя; поэтому слѣдующiй разъ напиши мнѣ, а я буду хранить твое письмо, какъ драгоцѣнность.

Любящая тебя Матильда“.

— Теперь мы всѣ подпишемся,—сказала Джэнни.

— Нѣтъ, я не подпишусь,—замѣтила Мэри. — Это вышло бы глупо. Матильда. Напиши, чтобъ закончить:

„Твои навсегда“, или „твои три любящія сестры Матильда, Мэри и Джэнни“.

Письмо было окончено, прочтено, исправлено рукой Матильды, положено въ заграничный конвертъ изъ тонкой бумаги; адресъ написала Матильда. Затѣмъ положили марку и Джэнни отнесла его въ домъ, чтобъ опустить въ почтовый ящикъ.

— Онъ не будетъ въ состояніи узнать что-нибудь обо мнѣ по этому письму,—подумала Мэри.

Она почувствовала облегченіе. Она невыразимо любила своего брата, но въ эту минуту положительно боялась его.

XVII. Что увидѣла Клотильда въ лѣсу.



Когда письмо было закончено и сестры ушли, Мэри прошла въ чащу. Ей нужно было избавиться отъ письма Поля. Если бы его нашли, если бы какимъ-нибудь образомъ оно попало въ чужія руки, она и придумать не могла, что будетъ съ ней. Въ этомъ письмѣ было достаточно указаній, чтобы возбудить подозрѣніе, уже начинавшее проникать въ школу. Какъ ей уничтожить письмо? Она отдала бы все, что могла имѣть въ теченіе двухъ лѣтъ, чтобы удержать его. Но не смѣла.

Когда Мэри вошла подъ густую тѣнь лѣса, она оглянулась вокругъ. Повидимому, вблизи никого не было. Она не подозрѣвала, что Клотильда Фокстиль сидѣла въ лѣсу. На Клотильдѣ было кисейное платье нѣжно-зеленаго цвѣта, такъ походившаго на цвѣтъ листьевъ, что издали ее не было видно. Клотильда пришла сюда, чтобы спокойно провести здѣсь время передъ той ужасной минутой, когда

ей придется выступить судьей въ дѣлѣ бѣдной Китти О'Донованъ. Она чувствовала себя такъ безпокойно, была такъ несчастна, что съ трудомъ могла владѣть собой.

Клотильда была всю свою жизнь балованной дѣвочкой. Она не испытывала нужды ни въ чемъ. Всѣ блага міра были у ея ногъ. Само солнце, казалось, свѣтило для нея. Ее окружало все, что можетъ дать красота и любовь. Благодаря своему характеру, она легко пріобрѣтала всеобщую любовь. Она была вовсе некрасива, но привлекательнѣе всякой красавицы.

Послѣднія непріятныя событія въ школѣ были первыми въ ея молодой жизни. Она испытывала чувство почти невыносимаго раздраженія. Она чувствовала, что долженъ быть какой-нибудь выходъ изъ этого положенія и, она была вполнѣ увѣрена въ этомъ, благопріятный для Китти. Она напрягала всю свою сообразительность американки, боролась со своими собственными мыслями. Это была дѣвочка, почти всегда доводившая до конца начатое ею дѣло.—Я узнаю правду, во что бы то ни стало, — говорила она про себя, прислонясь къ большому дубу.

Она продолжала стоять въ этой позѣ, когда Мэри Куппъ вошла въ лѣсъ. Подыми Мэри глаза нѣсколько выше, она непремѣнно увидѣла бы Клотильду, но такъ она не замѣтила ее. Мэри стояла въ менѣе густой части рощи. Лучи солнца падали на ея бѣлое платье. Тѣнь отъ деревьевъ ложилась мѣстами на ея фигурку. Быть можетъ, въ первый разъ въ жизни Мэри Куппъ казалась трогательной, почти интересной. Глубокая мука, выражавшаяся на ея лицѣ, была ясно видна Клотильдѣ, которая наблюдала за ней, затаивъ дыханіе, боясь двинуться.

Что нужно Мэри въ рощѣ? Зачѣмъ она здѣсь одна? Отчего у нея такое выраженіе отчаянія на лицѣ? Четверть часа тому назадъ Клотильда проходила мимо сестеръ Куппъ и слышала ихъ радостныя восклицанія по поводу какой-то хорошей вѣсти. Навѣрно ихъ больному

брату лучше. Въ обыкновенное время никто не отнесся бы къ болѣзни брата Мэри болѣе сочувственно, чѣмъ Клотильда, но теперь въ ея сердцѣ не было мѣста для сочувствія.

Мэри опустила руку въ карманъ. Письмо, драгоцѣнное письмо, должно быть уничтожено во что бы то ни стало. Будь это не лѣтомъ, стоило только бросить его въ огонь и оно превратилось бы въ пепелъ. Священныя, дорогія слова не были бы прочтены ни однимъ смертнымъ.

Мэри застонала.

Этотъ стонъ донесся до слуха Клотильды. Мэри стояла теперь спиной къ ней. Дѣвочка дрожала съ головы до ногъ. Спустя нѣсколько времени она снова сунула руку въ карманъ и вынула письмо. Словно клубокъ подкатился къ горлу Клотильды. Мэри развернула письмо, прочла его разъ, два, три. Потомъ пробормотала что-то тихимъ, прерывающимся голосомъ. Потомъ разорвала письмо на мельчайшіе клочки. Сдѣлавъ это, она вырвала съ корнемъ кустикъ дикаго щавеля, который росъ у ея ногъ, закопала остатки письма въ ямку, оставшуюся отъ корней, снова посадила щавель и утоптала ногами. Потомъ она стала на колѣни, сравняла землю вокругъ растенія и осмотрѣла мѣсто, гдѣ спрятала обрывки письма. Потомъ бросилась лицомъ на землю и зарыдала.

Сначала она рыдала очень тихо и глубоко. Какъ она ни заглушала свои рыданія, они все же доносились до Клотильды, но не трогали ее. Въ другое время ее сильно тронуло бы горе Мэри; теперь ей было не до него.

Чѣмъ болѣе рыдала Мэри, тѣмъ сильнѣе становилось ея горе. Мучительная мысль о погибшемъ письмѣ — такомъ письмѣ! — открывала новую рану въ ея истерзанномъ сердцѣ. Она плакала все страстнѣе и страстнѣе. Черезъ нѣсколько времени она уснула отъ избытка горя.

Къ счастью для Клотильды, потому что ее уже искали въ домѣ, какъ одну изъ фрейлинъ. Она старательно за-

помнила мѣсто, гдѣ Мэри спрятала обрывки письма, и пошла въ домъ.

Фрейлины и статсъ-дамы должны были собраться въ „Праздничномъ залѣ“, который закрыли для всѣхъ остальныхъ членовъ школы. Среди лицъ, неособенно заинтересованныхъ дѣломъ, были Маргарита Лэнгтонъ, Анжелика д'Эстранжъ и Томасина Осборнъ. Вообще, это были дѣвочки, неспособныя горячо относиться къ чему бы то ни было, но милыя, за исключеніемъ развѣ Томасины Осборнъ, которая была выбрана Китти статсъ-дамой къ нѣкоторому удивленію другихъ. Въ дѣйствительности, она была избрана потому, что сама просила объ этомъ, а добродушная Китти не захотѣла отказать ей. Анжелику д'Эстранжъ можно было уговорить склониться на какую угодно сторону, только сумѣть взяться за дѣло. Елизавета Решлей и Клотильда Фокстиль надѣялись безъ труда заставить обѣихъ принять ихъ точку зрѣнія.

Все будущее Китти зависѣло отъ вліянія четырехъ фрейлинъ и трехъ статсъ-дамъ. Имъ было разрѣшено разсказать отдѣльно каждой дѣвочкѣ всѣ подробности дѣла, выразить свои собственные взгляды на него. Поэтому тѣ, кто были противъ Китти, могли говорить противъ нея и имѣть вліяніе на голосованіе, когда наступитъ рѣшительный день; тѣ же, которые были за нее, могли привлечь дѣвочекъ на ея сторону.

Когда всѣ собрались, Елизавета сказала:

— Я позову Китти.

Она вышла изъ комнаты. Дѣвочки усѣлись полукругомъ у окна, выходившаго въ знаменитый садъ розъ. Розъ распустилось еще мало, зато множество лиловой и бѣлой сирени украшало эту роскошную часть сада. Сладкій запахъ сирени вливался въ открытыя окна.

— Это очень странное дѣло, — сказала Маргарита Лэнгтонъ.— Мнѣ хотѣлось бы слышать всѣ подробности его.

— И услышишь, милая,—сказала Клотильда.—Мнѣ кажется, что Елизавета собирается разсказать намъ все.

— Вражда къ такой милочкѣ—просто позоръ!—замѣтила Анжелика л'Эстранжъ,—а она такая gentille *), такая élégante **), да и все это дѣло pas grande chose ***).

— Но это была ложь—страшная ложь!—сказала маленькая лэди Марія Банистеръ, подымая темные, испуганные глаза на лицо Анжелики.

Анжелика пожала плечами и ничего не сказала.

Миссъ Хонебенъ вошла въ комнату одной изъ послѣднихъ и сѣла молча. Лицо ея было блѣдно. Клотильда нагнулась и кивнула ей головой.

— Я чувствую себя угнетенной,—сказала миссъ Хонебенъ.—Это—ужасное дѣло.

— Ничего, можетъ быть, мы еще увидимъ свѣтъ,—сказала Клотильда.

Она только что выговорила эти слова, какъ распахнулась дверь и Елизавета и Китти вошли въ комнату. На Китти было простое, бѣлое платье, изъ котораго она немного выросла. Оно придавало ей особенно дѣтскій видъ. Мягкіе, красивые, черные волосы падали въ изобиліи на шею и плечи. Въ личикѣ ея не было ни капли крови, но глаза были чрезвычайно темны и блестящи; дрожащія губы придавали трогательный видъ. Всѣмъ было ясно видно, что въ эту тяжелую минуту Китти думала не о себѣ.

Ей указали мѣсто нѣсколько поодаль отъ фрейлинъ и статсъ-дамъ. Наступила пауза, во время которой Елизавета шепнула что-то на ухо миссъ Хонебенъ. Миссъ Хонебенъ отрицательно покачала головой. Елизавета обратилась къ Клотильдѣ и получила такой же отрицательный отвѣтъ. Тогда она тихо вздохнула, вышла впередъ и, остановясь около Китти, положила руку на ея плечо.

— На мою долю выпало сообщить подробности дѣла насколько возможно короче,—сказала она.—Мы всѣ уже

*) Миленькая.
**) Изящная.
***) Пустяковое.

знаемъ ихъ, поэтому необходимо сказать только нѣсколько словъ. 23-го апрѣля Китти О'Донованъ была единогласно выбрана королевой мая. Черезъ недѣлю она стала нашей королевой. Всѣ мы были очень рады и приняли ее съ полнымъ радушіемъ. Выбирая нашу королеву, мы всѣ чувствовали, что поступаемъ умно и надѣялись, что радостно проведемъ время царствованія Китти О'Донованъ. Скоро, однако, показалось облачко, вѣрнѣе—почти сразу.

Елизавета подробно передала все случившееся.

— Таковы голые факты,—прибавила она. Пока я не выскажу своего мнѣнія. Мы собрались здѣсь, чтобы разспросить Китти. Послѣ этого мы вольны составить свое собственное мнѣніе, а затѣмъ переговорить съ остальными дѣвочками. Мы свободны говорить за Китти, или противъ нея, смотря по нашему чувству; наша ужасная роль заканчивается сегодня. Миссисъ Шервудъ передала королеву мая на нашъ судъ. Мы передаемъ ее на судъ школы. Онъ долженъ осудить ее или оправдать. Если она будетъ оправдана, все пойдетъ попрежнему и это темное облако будетъ забыто; она останется на годъ нашей королевой мая. Но если Китти О'Донованъ будетъ обвинена, она будетъ развѣнчана, какъ была коронована—публично.

— Теперь мнѣ нечего больше сказать кромѣ одного.—Елизавета замолчала, сдѣлала шагъ впередъ, обернулась и взглянула прямо въ лицо Китти. — Противъ нашей королевы мая есть много важныхъ уликъ. Несмотря на это, безо всякаго предупрежденія, ото всей души я считаю нашу королеву мая невинной.

— Я согласна съ тобой, Елизавета Решлей,—сказала Клотильда Фокстель.—Болѣе того, я не только *чувствую*, что она невиновна, но и надѣюсь доказать это втеченіе нѣсколькихъ дней.

— Я также вѣрю въ невинность Китти О'Донованъ,—сказала миссъ Хонебонъ,—но, прибавила она,—для моей

вѣры нѣтъ другого основанія кромѣ того, что подобный поступокъ несвойственъ натурѣ Китти.

Эти слова вызвали сильное волненіе среди дѣвочекъ, вскочившихъ со своихъ мѣстъ. Китти задрожала съ головы до ногъ; какимъ-то удивительнымъ усиліемъ воли она овладѣла собой и встала со стула. Гордымъ, благороднымъ движеніемъ закинувъ голову, она подошла къ Елизаветѣ.

— Благодарю тебя, Елизавета,—сказала она, и подошла къ Клотильдѣ.

— Благодарю тебя,—повторила она.

Наконецъ она взяла за руку миссъ Хонебенъ и проговорила:

— Благодарю васъ отъ всего сердца.

— Отбросимъ теперь всякую важность,—сказала Маргарита Лэнгтонъ.—Сядемъ поудобнѣе и обсудимъ все. Ты или написала письмо, Китти, или не писала его. Это ясно, не правда ли?

— Да, достаточно ясно,—отвѣтила Китти.

— Ты говоришь, что не писала письма?

— Да, я говорю правду. Я не вставала съ постели.

— Тогда кто нибудь другой написалъ его,—сказала Маргарита Лэнгтонъ.

— Вотъ это то я и хочу узнать,—замѣтила Клотильда.

— Но во всей школѣ не найдется никого, кто могъ бы написать длинное письмо чужимъ почеркомъ,—сказала Томасина.

— Конечно не найдется,—замѣтила маленькая лэди Марія.—Подражать чужому почерку очень трудно. Я помню, дома мы разъ играли такъ, что каждый изъ насъ старался писать почеркомъ другого; если бы видѣли, что это вышло! Мы такъ смѣялись. А длинное, длинное письмо... по всѣмъ свѣдѣніямъ, твое предполагаемое письмо было длинно, не правда ли, Китти?

— Говорятъ, длинно,—отвѣтила Китти, но такъ какъ я не писала его, то не могу ничего сказать.

— Я думаю, что невозможно было бы написать длинное письмо почеркомъ похожимъ на твой,—продолжала лэди Марія.

— Это самая таинственная вещь на свѣтѣ,—сказала Томасина.

— Что кажется мнѣ особенно страннымъ,—замѣтила Маргарита,—это то, что твой двоюродный братъ Джэкъ прислалъ телеграмму. Ты не думаешь, что онъ долженъ былъ бы написать объ этомъ и прислать назадъ твое письмо? Намъ очень помогло бы, если бы у насъ въ рукахъ было это письмо.

— Да, я и не подумала объ этомъ,—сказала Елизавета.—Какая чудесная мысль, Маргарита!

— Можно было бы сейчасъ телеграфировать ему,—сказала Маргарита.

Но блѣдное личико Китти поблѣднѣло еще болѣе.

— Я сама думала объ этомъ,—проговорила она,—но этого нельзя сдѣлать. Вы совсѣмъ не знаете моего папы, О'Донована. Если бы онъ только могъ подумать, что меня могутъ обвинить, какъ обвиняютъ теперь, онъ пришелъ бы въ такое бѣшенство, что я думаю, не оставилъ бы меня въ школѣ и на часъ. Я готова скорѣе или быть оправданной, или... или даже вынести наказаніе, чѣмъ такъ взволновать папу.

— Но телеграмму можно послать прямо твоему двоюродному брату.

— Папа узнаетъ. Этого нельзя сдѣлать,—сказала Китти.—Я желала бы отъ всего сердца, чтобы это можно было сдѣлать. Когда я пріѣду домой,—если это случится—я увижу это письмо; я знаю, что Джэкъ не уничтожитъ его, думая, что оно отъ меня. Но я должна подождать до того времени.

— Если ты невиновна, то должна послать за письмомъ,—сказала Томасина; въ голосѣ ея звучала непріятная нота, нота, отъ которой Китти сильно вздрогнула.

XVIII. Китти и „банши".



До своей смерти Китти не забывала своего свиданія съ фрейлинами и статсъ-дамами въ праздничномъ залѣ; ихъ разговора, предположеній, манеры, съ которой Томасина Осборнъ намекнула, что Китти совершила проступокъ, въ которомъ она была невиновна, настойчивости Маргариты Лэнгтонъ, требовавшей, чтобы было написано Джэку О'Довану, и по тупости непонимавшей нежеланія Китти писать двоюродному брату. Отъ всего этого у бѣдной дѣвочки такъ разболѣлась голова, что она еле сознавала, что дѣлала и отвѣчала. Наконецъ наступило мертвое молчаніе; фрейлины и статсъ-дамы окружили свою несчастную, опозоренную королеву.

Китти взглянула на нихъ трогательнымъ взглядомъ, который могъ бы смягчить самое жесткое сердце.

— Я хочу попросить только одного,—сказала она.

— Чего, дорогая?—спросила Клотильда.

Въ это время Клотильда была большимъ утѣшеніемъ для Китти. Въ ней было что то сильное, американское; она была такъ самостоятельна и, повидимому, такъ привязалась къ Китти, что и дѣвочка становилась сильнѣе въ ея присутствіи.

— Что ты хочешь сказать, Китти О'Донованъ? — спросила Клотильда.—Говори, что бы это ни было! По твоему лицу я догадываюсь, что ты хочешь сказать что то смѣлое. И я буду только еще больше уважать тебя за это.

— Это не смѣлость, а слабость, Кло,—сказала бѣдная Китти.—Я устала, смертельно устала, такъ что не знаю, что дѣлаю; мнѣ страшно хочется пойти въ комнату дорогой Елизаветы, лечь на ея софу и уснуть. Ты сдѣлаешь для меня, что надо. Все это ужасно, но

я ничего больше не могу сказать. Если бы со мной разговаривали до второго пришествія, я повторяла бы все одно и то же: „я никогда, никогда не писала этого письма“. Вотъ все, что я могла бы сказать. Если бы я могла пойти отдохнуть и довѣриться вамъ, дѣвочки, вы сдѣлали бы, что могли для меня.

— Это само умное, что ты можешь сдѣлать,—сказала Клотильда.—Пойдемъ со мной. Анжелика, ты ничего больше не имѣешь сказать королевѣ мая?

— Нѣтъ, ничего,—отвѣтила Анжелика.—Мнѣ кажется, что ее можно очень сожалѣть и мнѣ очень, очень жаль ее.

— А ты, Томасина, не имѣешь ничего сказать ей?—продолжала Клотильда.

— Нѣтъ; я считаю, что она немного упряма. Глупо настаивать на своей невиновности, когда знаешь, что будетъ доказано противное.

— А ты, лэди Марія?—сказала Клотильда, отворачиваясь съ презрительнымъ жестомъ отъ Томасины.

— Я? Я желаю вѣрить всѣмъ сердцемъ, всей душой, что Китти невиновата,—сказала лэди Марія.

— Но все же не думаешь этого,—сказала Томасина, кивая ей.

— Я не увѣрена, не увѣрена,—сказала маленькая лэди Марія,—но страшно хочу увѣриться.

— А ты, Маргарита?

— Я сильно склоняюсь къ мысли, что тутъ есть какой то обманъ,—сказала Маргарита,—и вижу выходъ въ томъ, чтобы достать это письмо. Никакъ не могу понять, почему Китти такъ хлопочетъ, чтобы письмо не было прислано сюда. Это сильно говоритъ противъ нея.

— Нисколько,—сказала Клотильда, въ глубинѣ души сознавая, что это правда. Вы знаете, на какомъ основаніи она дѣлаетъ это. Вамъ никогда не доводилось встрѣчать такого ирландца, какъ О'Донованъ; онъ не вынесъ бы мысли, что его дочь могутъ обвинить въ такомъ поступкѣ.

— Ну, можетъ быть, — сказала Маргарита, — но вотъ настоящее положеніе дѣла.—Ты, Елизавета, ты, Клотильда, и вы, миссъ Хонебёнъ, вполнѣ на сторонѣ Китти; вы считаете ее невиновной, хотя у васъ нѣтъ никакихъ основаній для этого.

— Я не говорила, что у меня нѣтъ основаній,— прервала ее Клотильда.

— Все равно; остальныя не могутъ представить основаній, а ты не хочешь сказать.

— Я не стану говорить, пока не буду увѣрена,— отвѣтила Клотильда.

— Ну, такъ вы три на сторонѣ Китти; но я сильно боюсь, что, несмотря на все наше расположеніе къ ней, мы четверо противъ нея. Я... я хотѣла бы быть за нее, если бы могла. Сама Китти уничтожаетъ этотъ шансъ, отказываясь написать письмо домой. Анжелика— ну, она смотритъ на это съ французской точки зрѣнія. Она считаетъ Китти невиновной, но думаетъ, что и о проступкѣ-то не стоитъ говорить—n'est-ce pas, petite? *)— продолжала Маргарита со смѣхомъ, взглядывая на Анжелику.—Лэди Марія очень хотѣла бы считать Китти невиновной, но не можетъ; а Томасина... ну она... она вѣритъ въ виновность Китти. Иди, Китти, спать. Четверо изъ насъ противъ тебя; три за тебя,—вотъ все, что извѣстно пока.

— Пойдемъ ко мнѣ въ комнату, дорогая, — сказала Елизавета. Она провела усталую дѣвочку по всему красивому дому въ хорошенькую, маленькую гостинную, которая, если бы все шло какъ слѣдуетъ, должна была принадлежать королевѣ мая.

— Ну, Китти, я остаюсь здѣсь не для того, чтобы ты плакала,—сказала Елизавета,—ты уже столько плакала, что это положительно вредно для тебя. Я сдѣлаю все, что можно, чтобы помочь тебѣ выйти изъ этого

*) Не правда ли, милая?

ужаснаго положенія, а ты должна быть мужественной и стоять на своемъ. Ты невиновата, милая, я знаю это. Я вполнѣ довѣряю Клотильдѣ. Она напала на слѣдъ. Не имѣю ни малѣйшаго понятія о томъ, куда онъ ведетъ; но у Клотильды есть какая-то нить и намъ лучше всего оставить ее въ покоѣ. Что касается до большинства дѣвочекъ, то ихъ мнѣніе не имѣетъ большого значенія, за исключеніемъ того, какъ оно повліяетъ на ученицъ вообще. Теперь прилягъ на софу... Да ты совсѣмъ холодная!

— Я... я почти не завтракала сегодня,—сказала Китти.

— Правда, бѣдняжка! Я видѣла, что ты смотрѣла на Мэри Куппъ и не дотронулась до ѣды.

— Мэри получила письмо,—сказала Китти.—Вѣроятно, о братѣ. Какъ то его здоровье, Елизавета.

— Право, не знаю, дорогая моя, и неособенно забочусь. Я такъ искренне презираю Мэри Куппъ, что никто изъ ея близкихъ не интересуетъ меня. Укройся хорошенько, чтобы согрѣться. Я вернусь черезъ нѣсколько минутъ.

Вскорѣ дверь въ комнату отворилась; вошла, однако, не Елизавета, а миссъ Хонебенъ.

— Клотильда Фокстиль прислала за Елизаветой,—сказала она,—и Елизавета не можетъ придти къ тебѣ, милая. Не знаю, въ чемъ дѣло, но, вѣроятно, случилось что-то важное. Елизавета просила меня принести тебѣ поѣсть и посмотрѣть, чтобы ты покушала. Мы не хотимъ, чтобы ты захворала и потому ты должна ѣсть. Сядь поудобнѣе, выпей вкуснаго горячаго какао, поѣшь хлѣба съ масломъ, а я посижу съ тобой. Поговоримъ о чемъ нибудь, только пріятномъ.

— Какъ вы добры ко мнѣ, миссъ Хонебенъ.

— Да нельзя и быть иначе,—сказала миссъ Хонебенъ.—Ну вотъ и хорошо; теперь румянецъ вернется на твои блѣдныя щеки. Разскажи мнѣ что нибудь про ваше помѣстье, Китти, опиши твой домъ. Мнѣ всегда

такъ хотѣлось увидѣть старинный ирландскій замокъ, какой, вѣроятно, есть у васъ.

— Да,—сказала дѣвочка.—Нѣкоторыя части замка существуютъ болѣе пятисотъ лѣтъ; другія, конечно, новѣе. Часть, въ которой мы живемъ, сравнительно новая. Есть старая башня; на нее съ трудомъ можно входить; лѣстница такая испорченная; а полъ наверху!... Если бы вы знали, какъ намъ съ Джэкомъ бываетъ трудно пробѣжать съ одного конца бальной залы до другого. Мы знаемъ всѣ хорошія половицы и перепрыгиваемъ съ одной на другую. Это такъ весело! Мы больше всего любимъ бальную залу. Знаете, что мы сдѣлали однажды вечеромъ?

— Нѣтъ, дорогая; разскажи мнѣ.

— Джэку пришло въ голову, что долженъ появиться „банши“. Вы, конечно, знаете, что это такое, миссъ Хонебенъ?

— Я слышала, что у васъ ирландцевъ изъ почтенныхъ семей всегда бываетъ какой-нибудь призракъ, который и называется „банши“.

— Конечно. Онъ бываетъ различный въ различныхъ семьяхъ. Онъ всегда появляется передъ смертью. Онъ принимаетъ различный видъ: то является въ видѣ старой, высохшей женщины, то ребенкомъ, а иногда прекрасной дѣвушкой съ волосами, падающими ниже таліи.

— И вы просидѣли разъ цѣлую ночь въ ожиданіи призрака? Ну и храбры же вы.

— Можно мнѣ разсказать вамъ?—спросила Китти. Ея личико просвѣтлѣло; печальное выраженіе почти исчезло съ него.

— Можешь, милая; я очень охотно послушаю тебя.

— У насъ есть дядя, братъ отца; онъ былъ очень боленъ; онъ жилъ въ Лондонѣ; однажды утромъ папа получилъ письмо, гдѣ говорилось, что дядя Недъ не проживетъ и сутокъ. Это не отецъ Джэка. Отецъ Джэка былъ дядя Роулей. Дядя Недъ не былъ женатъ.

Папа былъ страшно разстроенъ и провелъ весь день въ своей комнатѣ съ опущенными шторами. Джэкъ и я уговаривали его, какъ только могли, но онъ не хотѣлъ поднять шторы, мы сказали, что ему не для чего спускать шторы, пока мы, дѣйствительно, не узнаемъ, что дядя Недъ умеръ; но онъ и слышать насъ не хотѣлъ. Онъ говорилъ, что увѣренъ, что братъ его умеръ, а если духъ какого-нибудь О'Донована станетъ расхаживать по старому замку съ поднятыми шторами въ такое время, онъ будетъ опозоренъ навѣки. Тогда мы увидѣли, что папа непреклоненъ. Джэкъ вышелъ изъ комнаты, потомъ, какъ бы случайно, принесъ мѣстную газету и разныя иллюстрированныя изданія и положилъ ихъ на столъ; потомъ опять ушелъ, принесъ бутылку виски, бисквиты и большой кувшинъ воды и развелъ сильный огонь въ комнатѣ. Послѣ этого онъ сказалъ, что папа устроенъ и мы можемъ заняться своими дѣлами.

— Это чрезвычайно интересно, Китти, — сказала миссъ Хонебёнъ.—А что у васъ были за дѣла?

— О, миссъ Хонебёнъ, вы не знаете, что это значитъ для ирландскаго мальчика и дѣвочки: намъ такъ ужасно хотѣлось взглянуть на призракъ. Въ нашей семьѣ онъ всегда является въ видѣ семнадцатилѣтней дѣвушки. Конечно, лицо у нея очень неясное. Никто не можетъ хорошенько разглядѣть его; но она такъ красива и граціозна! Волосы у нея удивительные, падаютъ ниже колѣнъ. Мы были очень заинтересованы; Джэкъ говорилъ, что если дядя Недъ умретъ даже не въ эту ночь, а въ слѣдующую, то нашъ призракъ, навѣрно, придетъ въ замокъ печаловаться.

Потомъ мы стали обдумывать, гдѣ онъ можетъ появиться; Джэкъ думалъ, что, вѣрнѣе всего, въ самой старинной части дома—въ старой, очень старой бальной залѣ съ шатающимся поломъ.

Мы сговорились провести тамъ ночь и очень волновались. Мы взяли потихоньку изъ кладовой большой



Окно распахнулось и фигура пошла прямо ко мнѣ. Прочь, ради Бога, прочь! –Прокричала я"...

кусокъ пирога съ мясомъ, пирожнаго со сливками и другихъ вкусныхъ вещей и около десяти часовъ вечера прокрались въ бальную залу, сѣли въ уголку и положили ужинъ рядомъ съ собой. Мы сидѣли, держась за руки и крѣпко прижавшись другъ къ другу. Сначала мы оба молчали, потому что немного боялись; но черезъ нѣсколько времени Джэкъ расхохотался. Я спросила:— Джэкъ, чему ты смѣешься?—а онъ сказалъ:—Ничему, ничему...—и снова заговорилъ очень тихо, печальнымъ тономъ, какъ любятъ призраки. Ну мы ждали, ждали, а никто не появлялся и мнѣ стало холодно. Джэкъ потрогалъ мою руку, сказалъ, что я дрожу и, навѣрно, простужусь на-смерть. Онъ сказалъ, что призракъ, вѣроятно, не появится до тѣхъ поръ, пока луна не подымется настолько высоко, что свѣтъ ея не проникнетъ въ разбитое окно бальной залы. Конечно, я знала, что онъ правъ. Тогда онъ предложилъ принести мнѣ большую мѣховую шубу, а себѣ мѣховое пальто отца, чтобы намъ укутаться хорошенько. Потомъ онъ сказалъ:— Мнѣ нечего спрашивать тебя, Китти, не боишься ли ты, потому что О'Донованы никогда ничего не боятся.— Конечно, я сказала, что не боюсь.—Только не заставляй меня дожидаться слишкомъ долго, Джэкъ,—прибавила я. Онъ обѣщался и убѣжалъ. Я разсчитывала, что онъ вернется минутъ черезъ десять. Прошло минутъ пять; я сидѣла, скорчившись въ углу, какъ вдругъ услышала какой-то шумъ; сердце у меня забилось такъ, что я думала, что оно разорвется; потомъ въ окнѣ мелькнула какая то тѣнь и я увидѣла,—это истинная правда!— что въ окно заглядываетъ какая то высокая фигура съ массой распущенныхъ по спинѣ волосъ; она издала тихiй стонъ, самый ужасный звукъ, какой только можно себѣ представить и... и я попробовала заглянуть ей въ лицо, но увидѣла только какое-то темное пятно; фигура снова застонала и я громко, страшно закричала. Мнѣ было стыдно самой себя, но я не могла сдер-

жаться: мнѣ было такъ страшно. Какъ только я закричала, какъ вы думаете, что случилось? Окно распахнулось, фигура вскочила въ комнату и пошла прямо ко мнѣ.— Прочь! ради Бога, прочь!—Крикнула я. Тутъ я услышала голосъ Джэка; оказалось, что это былъ онъ. Ну не дурно ли это было съ его стороны? Онъ сдѣлалъ это нарочно; надѣлъ плащъ и говорилъ, что не могъ устоять отъ искушенія. Какъ я разсердилась! Но въ то же время почувствовала облегченіе. А Джэкъ просилъ меня простить его, цѣловалъ, обнималъ. Никакого призрака и не было; все это Джэкъ придумалъ, чтобы испугать меня.

— Должна сказать, что это было очень жестоко съ его стороны,—замѣтила миссъ Хонебенъ неодобрительнымъ тономъ.

Но Китти не позволила сказать и слова неодобренія про своего любимаго двоюроднаго брата.

— Это было такъ похоже на мальчика—ирландца,—сказала она,—всѣ они таковы. Они любятъ проказы.

— А твой дядя умеръ, милая?

— Нѣтъ. Выздоровѣлъ. На слѣдующее утро мы получили хорошія извѣстія; шторы подняли. Мы не сказали ничего папѣ о томъ, что поджидали призрака въ бальной залѣ.

Миссъ Хонебёнъ встала.—Благодарю тебя Китти,—сказала она.—Ты очень хорошо разсказала мнѣ эту исторію; а теперь ложись и засыпай. Сегодня ничего больше не случится и намъ остается только вѣрить и молиться, чтобы Богъ пролилъ свѣтъ на это дѣло.

Пока миссъ Хонебёнъ слушала разсказъ Китти о призракѣ, Клотильда и Елизавета вели серьезный разговоръ въ комнатѣ Клотильды.

— Садись, Елизавета,—сказала Клотильда,—мнѣ нужно сказать тебѣ кое-что очень важное.

— Что такое? Не думаю, чтобы ты могла чѣмъ

нибудь успокоить меня, Клотильда. Видишь, даже среди насъ четверо противъ нея; значитъ, эти четыре дѣвочки могутъ оказать вліяніе на остальныхъ. Что можемъ сдѣлать мы, трое, противъ нихъ?

— Будь ихъ хоть сорокъ, мы можемъ, въ концѣ концовъ, одержать побѣду,—сказала Клотильда.—Слушай меня, Елизавета; я разскажу тебѣ, что случилось. Ты знаешь, какъ я стала подозрительна послѣ моего разговора съ Мэри Довъ.

— Знаю,—сказала Елизавета,—но это ни къ чему не привело.

— Мэри Довъ подкупили, чтобы она не разсказывала.

— Если бы это и было такъ,—замѣтила Елизавета,—то она ничего не скажетъ, а если не скажетъ, то мы ничего не можемъ сдѣлать для Китти.—Я не вижу другого исхода для бѣдной Китти, какъ перенести осужденіе. Эти четыре дѣвочки уже теперь возстановляютъ школу противъ нея. Затѣмъ припомни, какую громадную силу имѣетъ Генріетта, какъ она ненавидитъ маленькую Китти: вспомни, какую силу представляютъ, вѣрнѣе, начинаютъ представлять собой три сестры Куппъ!. А потомъ Мэри Довъ. Въ настоящее время въ школѣ есть большая партія противъ нашей маленькой Китти и въ пользу этой ужасной Генріетты.

— Дай мнѣ говорить,—сказала Клотильда.—Ты знаешь мою идею. Она пришла мнѣ въ голову, какъ только я серьезно обдумала это дѣло. Тутъ есть какой-то обманъ. Китти не писала этого письма. Между тѣмъ письмо было написано; значитъ, кто-нибудь да написалъ его. Теперь намъ остается узнать, кто именно. Мои мысли сосредоточились на Мэри Довъ и на Мэри Куппъ; но у меня не было никакихъ доказательствъ ни противъ одной изъ нихъ. Теперь, мнѣ кажется, у меня есть доказательства.

— Что ты хочешь сказать, Клотильда?

— Сейчасъ скажу. Ты знаешь, какъ дѣвочки Кушъ привязаны къ своему брату Полю?

— Да.

— Ну такъ вотъ сегодня утромъ пришло письмо отъ Поля къ Мэри. Развѣ ты не замѣтила, какъ взволновалась Мэри, когда получила это письмо?

— Я неособенно смотрѣла на нее,—сказала Елизавета.

— Ты наполовину менѣе проницательна, чѣмъ я, дорогая Бетти,—сказала Клотильда.—Ну, я нѣсколько разъ внимательно поглядывала на нее и замѣтила, между прочимъ, что письмо сильно разстроило ее и что она не рѣшалась прочесть его въ присутствіи другихъ учениць. Ея сестры, Матильда и Дженни, были очень разсержены этимъ, такъ какъ считаютъ, что ихъ братъ Поль принадлежитъ также и имъ. Какъ бы то ни было, маленькая Дженни просила, умоляла Мэри открыть письмо и сказать, что написано въ немъ. Мэри отказалась. Я замѣтила, что Мэри взглянула на бѣдную Китти и при этомъ сильно поблѣднѣла, какъ будто что-то въ выраженіи лица Китти причинило ей боль.

Я вышла изъ дома, чтобы посидѣть въ кустахъ рощи и подумать немного. Я медленно шла по лужайкѣ, когда увидѣла группу изъ трехъ сестеръ Кушъ; повидимому, онѣ разговаривали о письмѣ, полученномъ Мэри; всѣ онѣ, даже Мэри, были въ хорошемъ настроеніи духа, такъ что, очевидно, новости, полученныя ими, были отличныя. Я не обратила на это особаго вниманія. Должна признаться, что всѣ эти дѣвочки не по вкусу мнѣ. Я прошла на опушку, прислонилась къ стволу дерева среди кустовъ и задумалась. Издали до меня доносились голоса сестеръ; любопытство овладѣло мною настолько, что я прошла поближе и замѣтила, что всѣ онѣ возятся съ бумагой, перьями и чернилами; одна изъ нихъ, кажется, Мэри, диктовала что-то. Я снова

пошла къ мѣсту моего убѣжища. Должно быть, я уснула, потому что очень устала. Кого я увидѣла, когда проснулась? Мэри! Мэри, совсѣмъ одну. Она стояла на маленькой полянѣ въ концѣ рощи. Сначала я была увѣрена, что она должна видѣть меня; однако этого не случилось. Я вспомнила потомъ, что на мнѣ зеленое платье, какъ разъ подъ цвѣтъ листьевъ, такъ что оно незамѣтно, если не присматриваться внимательно. Я сидѣла въ нѣкоторомъ разстояніи отъ Мэри, но достаточно далеко, чтобы слышать ее и видѣть всякое ея движеніе.

Она казалась въ большомъ волненіи; право, лицо ея было страшно трогательно. Черезъ нѣсколько времени она простонала такъ, какъ будто у нея разрывалось сердце, вынула изъ кармана какое то письмо и прочла его медленно, медленно, раза два-три; потомъ разорвала его. Она разорвала его на мелкіе, мелкіе клочки, собрала ихъ на ладони одной руки, а другой захватила листья дикаго щавеля и вырвала его съ корнемъ изъ земли; она спрятала клочки письма въ образовавшуюся ямку; снова посадила кустикъ, утоптала землю, стала на колѣни и привела въ порядокъ все вокругъ. Бѣдная дѣвочка! Потомъ она упала на землю и стала плакать. Она плакала очень жалобно; рыданія какъ будто съ трудомъ вырывались изъ ея груди; но потомъ она заплакала навзрыдъ; наконецъ, она уснула, измученная горемъ. Я была рада этому, потому что мнѣ не хотѣлось, чтобы она видѣла меня; я ушла домой. Она такъ и не знаетъ, что я видѣла, какъ она разорвала письмо и спрятала клочки. Ну, дорогая Елизавета, я запомнила мѣсто, нѣсколько минутъ тому назадъ выкопала разорванное письмо—вотъ оно у меня здѣсь, въ платкѣ. Мы должны, во что бы то ни стало, узнать его содержаніе и понять, какая странная причина заставила Мэри Куппъ разорват его. Намъ предстоитъ трудная работа.

— Какая?—сказала Елизавета.

— Надо сложить эти клочки.—Она разложила на столѣ обрывки письма.—Будь осторожна, Елизавета, не смахни какъ-нибудь. Видишь, это письмо написано на заграничной бумагѣ, поэтому оно особенно легко; къ тому же эти клочки немного запачканы землей. Страшно трудно будетъ сложить это письмо.

— Страшно трудно? — повторила Елизавета. — Ты хочешь сказать невозможно, Кло. Этого нельзя сдѣлать.

— Это надо сдѣлать,—сказала Клотильда своимъ рѣшительнымъ тономъ.

— Можешь ты это сдѣлать, дорогая Кло?

— Очень бы желала; но это займетъ слишкомъ много времени и я не очень искусна въ такихъ дѣлахъ. Вотъ что я придумала. Нельзя ли отложить рѣшеніе дня на два? Я думаю, что мой папа, Джэмсъ Томасъ Фокстиль, уже въ Лондонѣ. Мама, я знаю, остановилась въ отелѣ Ритцъ и я могу телеграфировать ей, чтобы узнать, пріѣхалъ ли папа. Его ждутъ въ Англію. Вотъ что я сдѣлаю, если онъ пріѣхалъ: поѣду прямо въ Лондонъ съ этими клочками бумаги и передамъ все дѣло въ руки Джэмса Томаса Фокстиля.

— Дорогая моя, милая Кло! Что ты за странная дѣвушка! Что можетъ сдѣлать твой отецъ съ этими клочками бумаги? Вѣдь нѣкоторые изъ нихъ величиной не больше почтовой марки.

— Увидишь, увидишь,—сказала Клотильда.—Дѣло нелегкое. Я вполнѣ увѣрена, что Мэри Куппъ не стала бы рвать письма своего драгоцѣннаго брата, если бы она не была увѣрена, что въ немъ есть что то, чего не должны знать въ школѣ. Послушай, Елизавета. Прежде всего намъ надо убѣдиться, что письмо написано Полемъ Куппъ. Я почти увѣрена въ этомъ, но мы должны знать навѣрно. Что если бы ты вышла на нѣсколько минутъ въ садъ, встрѣтилась бы съ Джэнни или Матильдой и спросила, какъ бы случайно, не получили ли они сегодня утромъ письма съ вѣстями о Полѣ? Ты

можешь сдѣлать это такъ, чтобы не возбудить ни малѣйшаго подозрѣнія и не заставить насторожиться Мэри. Видишь ли, я увѣрена, что несчастная дѣвочка только орудіе, что она въ рукахъ Генріэтты! О, какъ я ненавижу Генріэтту! Мэри въ рукахъ Генріэтты. Нужно освободить ее, бѣдняжку; но не надо пугать ее заблаговременно. Пойди, Елизавета, и узнай, что можешь.

— Пойду,—сказала Елизавета, чрезвычайно взволнованная.

— А я посижу покуда спокойно,—сказала Клотильда.—Счастье, что миссисъ Шервудъ такъ благоразумна и не принуждаетъ насъ учиться въ это мучительное время.

— Да,—сказала Елизавета.

Она ушла. Черезъ нѣсколько минутъ Клотильда изъ окна своей комнаты увидала, какъ она переходила лужайку своей медленной, величественной походкой. Къ ней подошла какая-то дѣвочка. Елизавета сказала, что у нея болитъ голова и дѣвочка ушла въ другую сторону.

Елизавету потянуло въ рощу. Тамъ было всегда прохладно и тѣнисто. Первыя, кого она увидѣла на мягкой травѣ, покрытой подснѣжниками, были Клотильда и Джэнни. Дѣвочки сидѣли, по обыкновенію, плотно прижавшись другъ къ другу и оживленно болтали.

Елизавета мысленно сказала себѣ, что это очень миленькая парочка, такая смиренная, скромная, простая, совершенно непохожая на Мэри. Ей стало жаль бѣдныхъ дѣтей и захотѣлось утѣшить ихъ. Она остановилась передъ ними. Джэнни подняла личико.

У Джэнни были очень хорошенькіе голубые глаза. Изъ всѣхъ трехъ сестеръ она была единственная, которую можно было назвать недурненькой.

— Я не спросила тебя сегодня, какъ здоровье твоего брата, Джэнни?—сказала Елизавета, говоря какъ можно ласковѣе.

Восторженная улыбка мелькнула на личикѣ Джэнни.—

Благодарю тебя, Бетти? Ему гораздо, гораздо лучше. Развѣ ты не слышала?

— Нѣтъ, милая; ничего не слыхала. Стыдно, что не подумала и не спросила. Есть у васъ извѣстія о немъ?

— Да, есть. Мэри получила отъ него утромъ чудесное письмо. Онъ пишетъ самъ и говоритъ, что ему гораздо лучше. Ты знаешь, онъ теперь въ Швейцаріи. Онъ думаетъ, что совсѣмъ выздоровѣетъ. Не чудесно ли это?

— Да, чудесно. Я такъ рада за тебя,—Джэнни.

— Надѣюсь, что ты рада за насъ обѣихъ,—сказала Матильда.

— Понятно, Матильда. Я рада за обѣихъ васъ.

— Онъ написалъ письмо Мэри, хотя старшая—я,— сказала Матильда. — Мэри была очень мила съ нами. Миссисъ Шервудъ пришла къ намъ и сказала, что мы можемъ написать отвѣтъ Полю всѣ три. Мы написали, т. е. написала я. Смѣшно, что Мэри не захотѣла писать сама ни одного словечка. Она усадила насъ за одинъ изъ столовъ въ саду и продиктовала очень хорошее письмо Полю. Знаешь, Елизавета, вѣдь намъ надо быть очень осторожными. Мы не могли написать ни слова о большомъ волненіи въ школѣ, потому что нельзя огорчать Поля.

— Развѣ онъ огорчился бы за дѣвочку, которую никогда не видалъ?—спросила Елизавета.

Джэнни опять взглянула на нее съ милымъ, кроткимъ выраженіемъ.

— Видно, что ты ничего не знаешь про нашего Поля,—отвѣтила она.—Нѣтъ никого въ печали, въ горѣ, кого не утѣшилъ бы Поль. Онъ самый лучшій, самый сострадательный мальчикъ въ мірѣ. Онъ такъ жалѣлъ бы Китти, если бы зналъ, что случилось съ нею, такъ ужасно жалѣлъ бы.

— Жалѣлъ ли бы онъ ее, если бы зналъ, что она виновата?—спросила Елизавета.

— Я думаю, еще больше; но очень трудно было бы заставить Поля повѣрить, что такая дѣвочка, какъ наша Китти О'Донованъ, можетъ быть виноватой. Знаешь, что, Елизавета,—до сихъ поръ это какъ то не приходило мнѣ на умъ, — у Китти и Поля есть что то общее въ глазахъ. Ты видишь, мы всѣ три некрасивы, а Поль... онъ великолѣпенъ. Онъ брюнетъ, у него такой благородный видъ. Не могу, не могу сказать тебѣ, какое у него чудное лицо. А въ глазахъ у него такое же трогательное выраженіе, какъ у Китти.

— Очень благодарна вамъ, дорогія. Я рада, что ваша сестра Мэри получила такое хорошее письмо. Конечно, вы всѣ прочли его?

Джэнни разсмѣялась. — Право, не читали. Станетъ Мэри показывать кому-нибудь письмо Поля.

— Мы думали было, что это-то письмо она прочтетъ намъ,—сказала Матильда.—Мы просили и молили ее прочитать, но она не захотѣла. Съ Мэри иногда бываетъ очень трудно сладить.—Дѣвочка вздохнула.

Елизавета сказала обѣимъ нѣсколько ласковыхъ словъ и вернулась домой.

— Ну, Кло, — сказала она, входя въ спальню подруги,—совершенно вѣрно, что то письмо, которое, какъ ты видѣла, Мэри Куппъ разорвала на клочки и зарыла подъ кустикомъ щавеля, было отъ ея брата Поля. Не знаю, можетъ ли оно пролить свѣтъ на дѣло Китти, но безспорно нельзя сомнѣваться, отъ кого она получила это письмо. Я видѣла ея сестеръ и онѣ разсказали мнѣ объ этомъ. Онѣ сказали также, что писали отвѣтъ; Мэри диктовала письмо, а Матильда писала его. Говорили онѣ еще, что имъ надо было быть очень осторожными и не упоминать ни словомъ о Китти, потому что это разстроило бы Поля. По ихъ словамъ, онъ очень чувствителенъ. Итакъ, Клотильда, какъ ты думаешь? Стоитъ ли намъ хлопотать изъ-за этихъ клочковъ бумаги?

— Очень стоитъ, — сказала Клотильда.—Нѣтъ ни

малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что Мэри Куппъ, бѣдная маленькая преступница, была въ полномъ отчаяніи, когда рвала свое драгоцѣнное письмо. Послѣ того, какъ она сдѣлала это и зарыла, по ея мнѣнію, навсегда клочки его, она бросилась на землю и рыдала самымъ душу раздирающимъ образомъ. Замѣть мои слова, Бетти: въ этомъ письмѣ было что то, что могло выдать ее. Ну, теперь я рѣшилась и намѣрена дѣйствовать.

— Какъ? Какимъ образомъ?

— Сейчасъ скажу. Прежде всего я пойду повидать миссисъ Шервудъ.

— Хорошо, дорогая; но, Клотильда, ради Бога, будь осторожна, не затягивай этого несчастнаго дѣла! Оно перевернуло вверхъ дномъ всю школу, разбиваетъ сердце Китти. Чѣмъ скорѣе оно будетъ окончено, тѣмъ лучше.

— Я думала объ этомъ,—сказала Китти.—Но надо же дать Китти возможность оправдаться. Мнѣ является такая возможность и я не буду Клотильдой Фокстиль, если не воспользуюсь ей.

Клотильда дотронулась до платка, въ которомъ лежали клочки письма. Черезъ минуту она вышла изъ комнаты и вскорѣ очутилась въ присутствіи начальницы.

Она изложила все дѣло въ очень короткихъ словахъ. Миссисъ Шервудъ слушала ее съ глубокимъ вниманіемъ. Она не упустила ни слова изъ сказаннаго дѣвочкой и не тратила времени на вопросы. Когда Клотильда дошла до конца разсказа, миссисъ Шервудъ сказала очень серьезно:— Ты знаешь, милая, что, по правиламъ, связывающимъ королеву мая съ ея подданными, я не имѣю никакого вліянія въ этомъ дѣлѣ. Я даже не спрашиваю, насколько подвинулось это ужасное дѣло и когда оно окончится. Я ничего не спрашиваю. Я жду и смотрю. Надѣюсь, что вы, несмотря на вашу молодость, не будете несправедливы. Надѣюсь также, что на васъ не подѣйствуетъ чувство любви къ Китти настолько, чтобы защищать винов-

ную. На васъ возложена громадная отвѣтственность. Вы не должны, ни въ какомъ случаѣ, уклоняться отъ нея.

— Мы и не собираемся уклоняться,—сказала Клотильда.—Единственный шансъ для Китти заключается въ томъ, чтобы мы доказали существованіе обмана. Я надѣюсь пролить свѣтъ на это некрасивое дѣло посредствомъ клочковъ письма, которые у меня въ платкѣ. Я недостаточно умна и ловка, чтобы сложить ихъ. Я хочу поѣхать въ Лондонъ повидаться съ моимъ отцомъ, чтобы передать это дѣло въ его руки; потомъ мы съ Елизаветой хотимъ сказать другимъ фрейлинамъ и статсъ-дамамъ, что мы желаемъ отложить на нѣсколько дней дальнѣйшій шагъ въ дѣлѣ Китти. Я прошу у васъ позволенія исполнить мой планъ.

— Я не могу отказать тебѣ въ этомъ, дорогая.

— Прежде всего я попрошу у васъ позволенія послать телеграмму моей матери въ Лондонъ.

— Конечно, можешь.

— Могу я написать ее сейчасъ же, здѣсь, миссисъ Шервудъ?

— Можешь, Клотильда.

Клотильда написала нѣсколько словъ; потомъ протянула записку миссисъ Шервудъ, которая отрицательно покачала головой.—Это не мое дѣло,—сказала она.—Позвони въ колокольчикъ, милая. Мы сейчасъ же отошлемъ ее въ почтовое отдѣленіе.

Явился посыльный. Клотильда отдала ему телеграмму и онъ ушелъ. Клотильда вернулась къ Елизаветѣ. Черезъ два часа пришелъ отвѣтъ отъ миссисъ Фокстиль:

„Твой отецъ пріѣхалъ сегодня утромъ въ восемь часовъ. Пріѣзжай къ намъ завтра непремѣнно“.

Клотильда полетѣла внизъ къ миссисъ Шервудъ.—Могу я поѣхать завтра въ Лондонъ на весь день? — спросила она.—Отецъ хочетъ меня видѣть. Онъ только что пріѣхалъ изъ Нью-Іорка. Можно мнѣ ѣхать?

Этотъ вопросъ былъ предложенъ открыто, въ при-

сутствіи нѣсколькихъ дѣвочекъ. Генріэтта и Мэри Куппъ стояли вблизи; послѣдняя и не подозрѣвала, какое важное значеніе для нея имѣли эти слова. Миссисъ Шервудъ сказала ласково:—Конечно, можешь, если тебѣ хочется, Клотильда.

— Мнѣ хотѣлось бы ѣхать раннимъ поѣздомъ.

Все быстро устроилось. Клотильда послала отвѣтную телеграмму, что она пріѣдетъ въ отель Ритцъ въ полдень слѣдующаго дня, потомъ она подошла къ Елизаветѣ, миссъ Хонебенъ и маленькой лэди Маріи.

— Это кажется мнѣ очень страннымъ,—сказала лэди Марія.—Значитъ, тебя не будетъ цѣлый день, Клотильда; а я думала, что завтра будутъ собирать мнѣнія школы насчетъ Китти. Я думала, что завтра будетъ рѣшенъ вопросъ о ея виновности или невиновности.

— Мнѣ жаль, но я не могу остаться; мой папа проѣхалъ черезъ весь бурный океанъ,—сказала Клотильда.—Придется отложить дальнѣйшія разслѣдованія до слѣдующаго дня.

— Да, я думаю, что справедливо, чтобы бѣдная Кло повидала своего отца,—сказала Елизавета.

— Какъ вы, должно быть, счастливы, Клотильда—замѣтила миссъ Хонебенъ.

— Да, я скакала бы отъ радости, если бы не Китти,—сказала Клотильда.

Она сговорилась съ Елизаветой, что онѣ не будутъ упоминать о настоящей причинѣ поѣздки Клотильды въ Лондонъ. Эту ночь Клотильда почти совсѣмъ не спала, какъ и Елизавета, въ своей комнатѣ. Елизавета никогда въ жизни не чувствовала себя такой несчастной. Все это было ужасно и превращало ихъ восхитительную школу въ мѣсто печали. На невинную дѣвочку, — она, Елизавета, была вполнѣ увѣрена въ ея невинности,—взвели ложное обвиненіе, отъ котораго, казалось, не было никакой возможности избавить ее. Что дѣлать?

Елизавета мало вѣрила въ то, что Клотильда считала

такимъ важнымъ—въ разорванное письмо, вынутое ею изъ-подъ корней кустика дикаго щавеля.

Рано утромъ слѣдующаго дня Клотильда отправилась въ городъ и въ свое время пріѣхала въ отель Ритцъ. Мистеръ и миссисъ Фокстиль были въ восторгѣ, что увидѣли свою дорогую дочку. Фокстиль вертѣлъ ее во всѣ стороны, оглядывалъ съ головы до ногъ.

— Право, Кло! Я полагаю, что, современемъ, ты будешь красивой, славной женщиной.

— Надѣюсь, папа. Я не была бы твоей дочерью, если бы это было не такъ.

— Скажите, пожалуйста, что за самомнѣніе у этой дѣвочки!—вскрикнулъ милліонеръ, ударяя дочь по плечу.— Она думаетъ, что будетъ такой же, какъ я. Какова, жена, какова!

— Ну, можетъ быть, она будетъ и лучше тебя, Джэмсъ Томасъ,—отвѣтила жена,—какъ знать? А лицо у нея славное, доброе, открытое.

— Славное, доброе, открытое. Надѣюсь, что останется такимъ,—замѣтилъ милліонеръ.—Вотъ что я скажу тебѣ, Клотильда Фокстиль. Я богатый человѣкъ и не скрываю этого. Но я богатъ и честенъ, да честенъ и прямъ. Каждый пенни, каждый фартингъ, которые я имѣю, пріобрѣтены честнымъ путемъ. Я могъ бы быть еще богаче, если бы прибѣгалъ къ нечистымъ средствамъ, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые; но это не нравится ни мнѣ, ни твоей матери, да, я думаю, и тебѣ самой, Клотильда Фокстиль.

— Конечно, не нравится, папа; вотъ именно потому, что ты прямъ какъ стрѣла, потому что ты такой чудесный, я и пріѣхала просить тебя помочь мнѣ въ бѣдѣ.

— О!—сказалъ милліонеръ.—Въ бѣдѣ? Не сдѣлала ли ты чего нибудь недостойнаго, Клотильда? Если это такъ, то будь ты хоть двадцать разъ моею дочерью, я...

— Перестань, мама! Пусть онъ говоритъ,—сказала

Клотильда, видя, что миссисъ Фокстиль тревожно старается перебить своего повелителя.

— Папа, я ничего не сдѣлала дурного,—продолжала Клотильда.—Тебѣ нечего тревожиться обо мнѣ. Бѣда то не моя.—Присядьте-ка оба и выслушайте, что я хочу разсказать вамъ и помогите мнѣ. Итакъ, слушайте. Собери всѣ твои умственныя силы, милый мой папа, Джэмсъ Томасъ Фокстиль, и ты тоже, моя мамочка.

— Да это, право, очень интересно, дѣточка,—сказала американка, присаживаясь ближе къ дѣвочкѣ и кладя руку на ея плечо.—Ты напоминаешь мнѣ давно прошедшее время, Кло, когда твой отецъ еще не нажилъ своего богатства; бывало, я выжимаю бѣлье въ прачешной, а ты сидишь терпѣливо, съ такимъ же важнымъ видомъ. Это было, когда мы держали прачешную. Помнишь это, Клотильда? Ну, дѣвочка сидитъ, бывало, неподвижно словно маленькая статуя, если мы обѣщаемъ ей разсказать потомъ какую-нибудь хорошенькую исторію. Ну вотъ теперь ты отплачиваешь намъ и хочешь разсказать намъ хорошенькую исторію.

— Да, да, разскажу! Слушайте.

Клотильда разсказала свою исторію и такъ хорошо, какъ только можетъ разсказать дѣвочка. Она не колебалась, а пошла прямо къ сути дѣла. Она говорила горячо, краснорѣчиво. Она такъ описывала Китти, что миссисъ Фокстиль плакала. Она описала сцену въ классѣ и одинокую фигурку, стоящую съ опущенной головой на высокой эстрадѣ. Она описала трогательный взглядъ красивыхъ глазъ. Она даже говорила тономъ Китти, ея манерой, когда передавала, какъ Китти объявила, что она не писала письма. Вызвавъ полное сочувствіе родителей къ Китти, она внезапно перенесла всю силу своего краснорѣчія на Мэри Куппъ и Мэри Довъ. Она передала свой разговоръ съ Мэри Довъ, какъ душу Мэри Довъ угнетало что-то, чего она не хотѣла разсказать, несмотря на всѣ уговоры Елизаветы. Потомъ она опи-

сала Мэри Купнъ, вліяніе, которое имѣетъ на нее Генріэтта Вермонтъ. Разсказала, что у Мэри есть больной братъ, котораго она любитъ болѣе всего на свѣтѣ, говорила о великодушіи миссисъ Шервудъ къ нему. Наконецъ, доведя своихъ слушателей до высшей точки напряженія, она перешла къ тому, какъ Мэри получила письмо за завтракомъ и не хотѣла читать его; какъ Китти смотрѣла на Мэри и какъ мило было выраженіе ея лица.

Потомъ Клотильда разсказала, какъ она, незамѣченная никѣмъ, видѣла своими глазами, что Мэри спрятала письмо Поля въ лѣсу.

— Когда представился удобный случай,—закончила Клотильда,—я пошла въ лѣсъ, вырыла клочки письма, сложила ихъ въ платокъ и привезла къ тебѣ, папа, тебѣ, умнѣйшему человѣку въ Нью-Іоркѣ, Джэмсу Томасу Фокстилю. Ты долженъ сложить ихъ и найти въ нихъ смыслъ.

— Это чрезвычайно трогательная исторія,—сказала миссисъ Фокстиль,—мнѣ кажется, я никогда не слыхала ничего, чтобы заставило такъ сильно зазвучать струны моего сердца. А ты, Джэмсъ Томасъ?

— Не помню, чтобы слыхалъ,—отвѣтилъ Фокстиль,—и, въ особенности, какъ разсказала ее Кло. А вѣдь Клотильда Фокстиль умѣетъ объяснить дѣло; не правда ли, жена?

— Она—твоя дочь, Джэмсъ Томасъ: какъ же ей не сумѣть.

— Нечего льстить мнѣ,—проговорилъ милліонеръ,—да и ты нежелаешь слушать лесть, Клотильда Фокстиль?

— Нѣтъ, не желаю, папа. Я пріѣхала по дѣлу и очень спѣшному. Мнѣ нуженъ твой совѣтъ и я хочу слышать его.

— Болѣе чѣмъ вѣроятно, что содержаніе этого письма перевернетъ вверхъ дномъ всѣ прежнія предположе-

нія,—сказалъ Фокстиль.—Я горжусь тобой, мое дитя. Ты настоящая Фокстиль; будь ты мальчикомъ, ты была бы моей копіей. Но и дѣвочкой ты хороша, Кло Фокстиль. Ты даже лучше, потому что нѣжность и женственность твоей матери соединились въ тебѣ съ моей рѣшимостью оставаться прямымъ и честнымъ и въ то же время не упускать случая заработать честную денежку. „Всегда прямо"—вотъ мой девизъ, Кло: прямо, какъ стрѣла, и прямо къ цѣли, но въ то же время дѣловито и смышлено. Намъ нужно непремѣнно спасти невинную дѣвочку.

— Что ты думаешь сдѣлать, папа?

— Пойду ненадолго въ паркъ обдумать все дѣло,—сказалъ Фокстиль.—На какомъ поѣздѣ ты должна вернуться въ школу, Кло?

— Только тогда, когда будетъ покончено мое дѣло; ни минуты раньше,—отвѣтила Клотильда.

— Послушай ее, жена, послушай только!—проговорилъ восхищенный отецъ.—Ну, не моя ли она дочь съ головы до ногъ.

— Да, все это такъ, Джэмсъ Томасъ. Но ступай и приведи въ порядокъ свои мысли; возвращайся и разскажи намъ, что ты рѣшилъ.

Джэмсъ Томасъ Фокстиль вышелъ изъ отеля и пошелъ въ находившійся вблизи С. Джэмскій паркъ. Онъ гулялъ подъ деревьями, думалъ и, чѣмъ болѣе размышлялъ, тѣмъ болѣе гордился своею дочерью Клотильдой. Сердце его было преисполнено гордостью при мысли о ней; онъ считалъ себя человѣкомъ, которому ниспослано благословеніе Божіе.

— Благодарю Тебя, Всемогущій Боже!—вполголоса проговорилъ онъ.—Ты ниспослалъ мнѣ въ изобиліи блага міра, но Клотильда лучшее и величайшее изъ нихъ. Благодарю Тебя за это благо; я лучше хотѣлъ бы имѣть эту дѣвочку, чѣмъ быть архимилліонеромъ. Благодарю Тебя, Всемогущій Боже за то, что Ты далъ мнѣ такую прекрасную, честную, благородную дочь.

Фокстиль продолжалъ расхаживать подъ деревьями, когда почувствовалъ, что кто то крѣпко схватилъ его за руку. Онъ обернулся и вскрикнулъ.

— Вотъ ужъ кого никакъ не ожидалъ встрѣтить здѣсь, — сказалъ онъ. — Что вы тутъ дѣлаете, Самюэль Джонъ Макъ-Карти?

Тотъ, къ кому онъ обратился, былъ необыкновенно толстый человѣкъ съ краснымъ лицомъ, глубоко сидѣвшими черными глазами, немного вздернутымъ носомъ, толстыми щеками, съ густыми, всклокоченными усами и бородой. Сѣдые волосы въ изобиліи росли на его головѣ. Одѣтъ онъ былъ довольно бѣдно.

— Вотъ неожиданная радость! — сказалъ Макъ-Карти. — Откуда это вы выскочили, Фокстиль?

— Изъ Штатовъ, — отвѣтилъ Фокстиль.

— Ну, а я только что пріѣхалъ изъ Калифорніи, чтобъ повидать старую Англію. Если все будетъ хорошо, завтра отправлюсь въ Ирландію; а до тѣхъ поръ вздумалъ прогуляться и никакъ не ожидалъ, что встрѣчу здѣсь кого-нибудь изъ прежнихъ товарищей. Очень радъ видѣть васъ, Фокстиль, хотя, можетъ быть, теперь вы и не захотите обратить вниманіе на меня.

— Вы не стоите, дѣйствительно, вниманія, если говорите такъ, — сказалъ Фокстиль. — Пожалуйста, безъ глупостей. Вы именно тотъ человѣкъ, котораго мнѣ надо. Въ настоящую минуту, выбирай я изо всѣхъ людей въ Лондонѣ, я выбралъ бы именно васъ. Итакъ, присядемъ на эту скамью и чтобы я не слышалъ больше вашихъ глупостей.

— Ха, ха! — разсмѣялся Макъ Карти. — Ты остался все такимъ же, старый товарищъ. Помнишь, какъ катокъ въ прачешной испортился и намъ съ тобой приходилось вытягивать простыни и скатерти?

— Многое я помню изъ того, что намъ приходилось дѣлать вмѣстѣ, — сказалъ Фокстиль.

— Прошло это время,—продолжалъ Макъ-Карти,— но я никогда не забуду его.

— И я также,—сказалъ Фокстиль.

— А скажи мнѣ, что сталось съ маленькой,—съ ребенкомъ съ длиннымъ лицомъ, серьезными голубыми глазами и странной, прямой фигуркой?—спросилъ Макъ-Карти.—Сидитъ она, бывало, сидитъ и ни слова; а заговоришь съ ней, отвѣчаетъ такъ тихо и мило:—Я жду здѣсь, мистеръ Макъ-Карти, и буду сидѣть здѣсь до второго пришествія, потому что мама разскажетъ мнѣ что-нибудь вечеромъ, если я не буду двигаться, пока она стираетъ.—Умница она была. Не встрѣчалъ больше такихъ, да, вѣроятно, и не встрѣчу. Жива она, Фокстиль, или Богъ взялъ въ лучшій міръ? Моихъ онъ взялъ одного за другимъ. Я одинокій человѣкъ и не такой богатый, какъ ты, хотя, благодаря Бога, имѣю достаточно, даже съ излишкомъ.

— Послушай, Макъ-Карти; хочешь оказать услугу маленькой дѣвочкѣ съ длиннымъ лицомъ, которая сидѣла, бывало, такъ тихо и не двигалась, несмотря на всѣ твои соблазны?

— Хочу ли я оказать услугу? Ну еще бы!

— Ну, такъ тогда выслушай меня.

— По тому, какъ ты говоришь, — сказалъ Макъ Карти,—я заключаю, что дѣвочка жива и здорова.

— Жива и здорова!—вскрикнулъ отецъ дѣвочки.— Она лучшая, честнѣйшая дѣвочка во владѣніяхъ короля и въ благословенныхъ штатахъ. На свѣтѣ нѣтъ другой такой, какъ она, нѣтъ подобной ей. Да, она здорова; а характеръ у нея чудесный: она то ужъ никогда не отвернется отъ стараго друга; она остра, какъ иголка, и можетъ видѣть сквозь каменную стѣну. Да съ Клотильдой Фокстиль надо быть осторожнымъ. Ну, а теперь выслушай мой разсказъ.

И онъ передалъ разсказъ, съ которымъ Клотильда Фокстиль явилась въ Лондонъ, чтобы посовѣтоваться со

своими родителями. Самюэль Джонъ Макъ Карти слушалъ; щеки его становились все краснѣе и краснѣе; черные глаза горѣли все ярче и ярче.

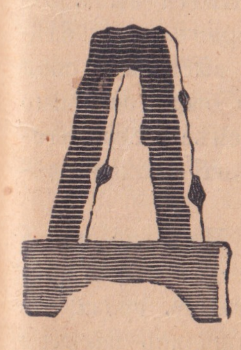
— Нечего и говорить,—сказалъ въ заключеніе Фокстиль, что бѣдная дѣвочка-ирландка невиновата такъ же, какъ моя Клотильда, и тутъ есть какой-то обманъ. Вотъ Клотильда и хочетъ доказать обманъ; для этого намъ надо сложить клочки письма.

Макъ Карти ударилъ своей большой рукой по колѣну и сказалъ:—Боже мой! Бѣдная маленькая дѣвочка! Если человѣкъ можетъ спасти ее, то спасу я. Дайте мнѣ сутки времени и клочки бумаги и, не будь я Самюэлемъ Джономъ Макъ Карти, если я не сложу этого письма. Мнѣ приходилось дѣлать это нѣсколько разъ и удачно; надѣюсь, что удастся и теперь.

— Нельзя терять ни минуты,—сказалъ Фокстиль.— Пойдемъ ко мнѣ; увидишь своими глазами маленькую дѣвочку съ длиннымъ лицомъ и она отдастъ тебѣ драгоцѣнные клочки.

Что Макъ Карти и сдѣлалъ.

XIX. Отчаяніе.



ля Мэри Куппъ сознаніе своей вины было особенно тяжело, потому что у нея не было даже утѣшенія поговорить съ подругой о своемъ тяжкомъ грѣхѣ.— Генріэтта не знала истины. Она думала, что задуманный ею планъ приводится въ исполненіе совершенно гладко. Постепенно, неуклонно она распространяла въ школѣ свое дурное вліяніе; постепенно, неуклонно дѣвочки, одна за другой, начинали считать Китти виноватой. Сдѣлать это было не очень трудно, такъ какъ дѣвочки, по крайней мѣрѣ, обыкновенныя

дѣвушки, всѣ похожи на стадо овецъ, повинующееся своему вожаку. Елизавета и миссъ Хонебёнъ употребляли всѣ усилія, чтобы противодѣйствовать ей, но онѣ были двое противъ многихъ; большинство фрейлинъ и статсъ-дамъ вѣрили въ виновность Китти; многія дѣвочки говорили, что хотя всѣ онѣ восхищались Китти и часто брали ея сторону въ разныхъ случаяхъ, имъ все же остается признать ее виновной, когда наступитъ рѣшительный моментъ.

Несмотря на все, Мэри чувствовала себя очень несчастной. Она сама не знала, почему была въ такомъ нервномъ состояніи. Она боялась ночей; какъ только она ложилась спать, передъ ней являлось славное, благородное лицо Поля, которое, какъ бы, стояло между ней и сномъ; а когда отчаяннымъ усиліемъ воли она отдѣлывалась отъ лица Поля, ей видѣлось печальное лицо Китти, такъ похожее на лицо Поля, смотрѣвшее на нее съ упрекомъ. Ей казалось также, что она поступила очень низко, зарывъ письмо; она не находила достаточно словъ порицанія для себя. Мэри была въ полномъ отчаяніи.

На слѣдующее утро Клотильда Фокстиль уѣхала въ Лондонъ и такимъ образомъ судъ надъ Китти былъ отложенъ. Клотильду ожидали назадъ вечеромъ и на слѣдующій день школьницы должны были высказать свои мнѣнія. Во всякомъ случаѣ дѣвочки не были особенно заинтересованы отъѣздомъ Клотильды. Менѣе всего интересовалась имъ Мэри Купъ, не подозрѣвая, какое громадное значеніе имѣлъ онъ для нея.

Въ ночь, когда уѣхала Клотильда, Мэри не могла уснуть. Ночь была замѣчательно жаркая для этого времени года; съ юга, повидимому, надвигалась гроза; въ окнѣ уже мелькала молнія, а вдали слышались раскаты грома. Мэри лежала въ постели съ широко раскрытыми глазами. Она никогда прежде не боялась грозы. Она чувствовала себя страшно одинокой. Сестры мирно спали ря-

домъ съ ней. Мэри приподнялась на локтѣ и взглянула въ лицо Джэнни. Молнія освѣтила личико дѣвочки; на губахъ ея играла улыбка; очевидно, она была счастлива и ничего не боялась. Мэри обернулась и взглянула на Матильду; та крѣпко спала. Мэри приняла рѣшеніе. Она сильно боялась, что хорошія вѣсти о Полѣ могутъ вдругъ оказаться совсѣмъ нехорошими. Она слышала разъ, какъ одна старая служанка говорила, что въ чахоткѣ больному становится гораздо легче передъ смертью. То бываетъ послѣдняя вспышка свѣчи, которая затѣмъ постепенно угасаетъ. Мэри несказанно сожалѣла, что, въ приливѣ трусости, зарыла въ землю письмо дорогого Поля. Какъ могла она разстаться съ нимъ? Какъ могла выпустить изъ виду такую драгоцѣнность?

Она приняла внезапное рѣшеніе. Она выйдетъ сейчасъ же изъ дома и пойдетъ въ рощу. Она помнила мѣсто, гдѣ зарыла письмо. Надо вырвать кустикъ щавеля, собрать клочки бумаги и принести ихъ домой. Она спрячетъ ихъ между своими самыми драгоцѣнными вещами и когда-нибудь соберетъ ихъ снова въ письмо. Она хочетъ сейчасъ же имѣть ихъ, имѣть бумагу, до которой дотрагивалась его рука; она увидитъ обрывки словъ, обращенныхъ въ ней. Разъ письмо, хотя бы въ ужасномъ видѣ, будетъ у нея въ рукахъ, она снова будетъ счастлива.

Лишь только эта мысль пришла ей въ голову, она соскользнула съ постели, наскоро одѣлась, прокралась по безмолвному дому и вышла на открытый воздухъ. Бѣдная Мэри была близка къ тому состоянію, когда всякія правила имѣютъ мало значенія или вовсе не имѣютъ его. Она побѣжала по лужайкѣ. Гроза приближалась, но дождя еще не было; горячій воздухъ дулъ въ лицо ей; поднявшійся легкій вѣтеръ гналъ навстрѣчу массу листьевъ. Она бѣжала все скорѣе и скорѣе. Какъ темно, какъ ужасно темно было въ лѣсу! Лишь только Мэри вбѣжала въ лѣсъ, она вспомнила, какъ опасно быть тамъ

въ грозу. Но она дошла до такого нервнаго возбужденія, что ничего уже не боялась. Она хотѣла только во что бы то ни стало добыть клочки письма. Она выбѣжала на полянку. Яркій свѣтъ молніи озарилъ кустикъ щавеля; она вырвала его, нагнулась и дрожащими руками стала искать клочковъ бумаги. Сверкнула новая молнія и маленькая могила, куда Мэри схоронила бумагу, оказалась совершенно пустой. Въ ней не осталось ни клочка бумаги! Что дѣлать ей?

Раздался оглушительный ударъ грома; *дѣвочка* въ ужасѣ *повернулась и побѣжала черезъ лѣсъ* домой. Она еле поспѣла во время. Прежде чѣмъ она успѣла дойти до дома, она промокла до костей. Казалось, разверзлись хляби небесныя.

Она вошла въ комнату, таща за собой плащъ, съ котораго струилась вода. Сестры ея проснулись и сидѣли на постеляхъ, блѣдныя отъ ужаса.

— Мэри, Мэри!—вскрикнули они въ одинъ голосъ.— Гдѣ ты была?

— Не говорите объ этомъ,—сказала Мэри; — было такъ жарко, что я не могла уснуть; мнѣ необходимо было выйти на воздухъ: я... я такъ несчастна.

— Ты промокла, насквозь промокла, — сказала Джэнни.

— О, Мэри, какая молнія!

— Да,—сказала Мэри,—но это ничего не значитъ.

— Что ты хочешь сказать?

— Я говорю, что теперь ничего не значитъ, ничего не значитъ.

— Послушай, Мэри, не говори такъ,—сказала Матильда. — Знаешь, за послѣднее время ты стала такая странная, что я не узнаю тебя. Джэнни, встань съ постели и достань сухую ночную рубашку для Мэри. Ты страшно простудишься и что будетъ тогда съ тобой?

— Мнѣ все равно. Совершенно все равно,—простонала Мэри.

Но Матильда и Джэни оказались рѣшительными. Онѣ заставили сестру надѣть сухое бѣлье, насильно уложили ее въ постель и укрыли. Она лежала и вся дрожала. Буря — одна изъ самыхъ ужасныхъ, разразившихся за многіе годы надъ Мертонъ-Гебльсомъ,—достигла высшихъ предѣловъ.

Мэри продолжала стонать.—Письмо... мое пропавшее письмо,—бормотала она. Бѣдныя, испуганныя сестры думали, что она лишилась разсудка.

Вслѣдствіе дурно проведенной ночи на утро Мэри какъ будто полиняла.

Клотильда не вернулась. Наканунѣ вечеромъ отъ нея пришла телеграмма, въ которой она сообщала, что остается въ городѣ и проситъ ничего не предпринимать по извѣстному для дѣвочекъ дѣлу, пока она не вернется. Телеграмма была адресована Елизаветѣ. Елизавета снесла ее миссисъ Шервудъ, которая, слѣдуя разъ принятому ею способу дѣйствій, попросила, чтобы ей ничего не говорили.

— Вы сами устраиваите всѣ ваши дѣла, — сказала она.—Конечно, мнѣ хотѣлось-бы, чтобы Клотильда вернулась завтра; нельзя же нарушать ходъ школы изъ-за одной дѣвочки; но въ настоящее время я спокойно ожидаю дальнѣйшихъ событій. Напиши сегодня вечеромъ Клотильдѣ, Елизавета, и скажи отъ себя, что ей слѣдовало бы вернуться завтра.

Елизавета написала и Клотильда вернулась на слѣдующій день. Она пріѣхала около двухъ часовъ. Большинство дѣвочекъ нисколько не интересовалось ея внезапнымъ отъѣздомъ. Но Елизавета съ трудомъ сдерживала волненіе.

Товарки ожидали, что Китти приметъ участіе въ урокахъ. По желанію Елизаветы ей не позволили оставаться дольше въ уединеніи. Елизавета думала, что трогательное выраженіе лица Китти послужитъ въ ея пользу болѣе всякихъ словъ. Есть люди, которые ярко выра-

жаютъ свое горе и ирландка Китти принадлежала къ ихъ числу. На ея печальномъ личикѣ не отражалось ни неудовольствія, ни горечи. Оно выражало сильную печаль и еще болѣе сильное недоумѣніе. Почему съ ней обращаются такъ? Что могло случиться? Когда съ ней заговаривали, она отвѣчала своимъ тихимъ, нѣжнымъ, музыкальнымъ голосомъ. Она старалась быть ласковой со всѣми и, въ особенности, съ Мэри Куппъ и Мэри Довъ.

Своимъ ласковымъ обращеніемъ Китти собирала горячіе уголья на головы этихъ дѣвочекъ. Китти хотѣлось узнать, сочувствуетъ ли ей Мэри Довъ.

Она задумчиво ходила взадъ и впередъ вдоль пруда. Иногда она заглядывала въ глубину свѣтлыхъ водъ и смотрѣла на золотыхъ рыбокъ, мелькавшихъ между кувшинчиками и весело рѣзвившихся. Золотыя рыбки въ Мертонъ-Гебльсѣ славились своей величиной, долговѣчностью и все возроставшей красотой.

— Вотъ кто счастливъ!—проговорила Китти своимъ кроткимъ тономъ.

Она обернулась. Рядомъ съ ней стояла Мэри Довъ. Мэри хотѣла было улизнуть. Менѣе всего на свѣтѣ ей хотѣлось разговаривать съ Китти; но когда милые, темносѣрые глаза обратились на ея лицо, она не могла противиться нѣжному голоску.

— Ты говоришь о золотыхъ рыбкахъ, Китти?—спросила она, подходя еще ближе.

— Да. Онѣ такъ красивы. Мнѣ хотѣлось бы быть рыбкой.

— О, Китти, ты, дѣвочка, хочешь быть рыбкой!

Китти засмѣялась.

— Это кажется глупымъ, неправда ли? — сказала она.—Я не должна была бы говорить такъ. Я такъ рада, что ты всетаки говоришь со мной.

— Почему же бы мнѣ не говорить съ тобой?

— Я думаю, что вообще дѣвочки въ школѣ очень



Дѣвочка повернула и побѣжала черезъ лѣсъ.

милы,—сказала Китти. — Всѣ говорили со мной, какъ будто... какъ будто считаютъ меня невиноватой. А вѣдь онѣ, навѣрно, всѣ считаютъ меня виноватой, не такъ ли, Мэри?

— Можетъ быть, мнѣ не слѣдуетъ говорить съ тобой объ этомъ,—сказала Мэри. Сначала она сильно покраснѣла, потомъ поблѣднѣла.

— Можетъ быть, не слѣдуетъ. Я жалѣю, что упомянула объ этомъ. Я начинаю немного привыкать. Теперь это уже не такъ страшно; и кромѣ того, знаешь, есть большое утѣшеніе.

— Большое что?—сказала Мэри.

— Большое утѣшеніе, Мэри, для меня то, что я знаю, что невиновата, хотя всѣ считаютъ меня виноватой.

Китти отвернулась. Она слегка дрожала. Мэри молчала, но мысленно удивлялась, слышитъ ли Китти біеніе ея сердца.

— Такъ какъ ты здѣсь, то я хотѣла спросить тебя про Куппъ,—сказала Китти послѣ минутнаго молчанія.—Что Мэри и другія сестры? Есть какія-нибудь извѣстія о Полѣ?

— Да, вчера вечеромъ пришло письмо о Полѣ — вѣрнѣе сказать отъ Поля. Ему настолько лучше, что онъ могъ написать самъ. Онъ писалъ Мэри. Мэри его большой, закадычный другъ.

— Я знаю,—сказала Китти.—Она часто разсказывала мнѣ о немъ. Она любитъ его, какъ я Джэка.

— Ну это не то. Джэкъ тебѣ не родной братъ.

— Онъ все равно, что родной братъ мнѣ,—сказала Китти.—Но я не должна думать о немъ теперь.

— Почему?

— Потому, что я расплачусь, а я не хочу этого,—сказала Китти. — Скажи мнѣ, что написано въ письмѣ.

— Не знаю. Мэри никому не показала его.

— Должно быть, она была очень рада, что получила его,—сказала Китти.

— Да, безъ сомнѣнія.

— Я не думаю, чтобы она стала говорить съ мной,— продолжала Китти. — Елизавета говоритъ, что я должна занять мое мѣсто въ школѣ и продолжать дѣлать все какъ прежде, пока не объяснится мое дѣло, поэтому я, конечно, увижу Мэри Куппъ. Но сдѣлай мнѣ большую услугу, Мэри Довъ.

— Сдѣ... сдѣлаю,—запинаясь, проговорила Мэри.

— Вотъ что. Скажи дѣвочкамъ, чтобы... чтобы онѣ не говорили со мной, если имъ не хочется. Скажи имъ, что я нисколько не буду сердиться, если онѣ не станутъ разговаривать со мной; что... что я... вполнѣ пойму. Ты скажешь имъ?

— Да, скажу. Я скажу имъ.

— И поклонись отъ меня Мэри Куппъ и скажи ей, что я такъ рада за Поля. Этому можетъ радоваться даже дѣвочка, которую она считаетъ виновной въ такомъ тяжкомъ преступленіи. Одного я не понимаю относительно Мэри.

— Чего?

— Она говоритъ, что *видѣла*, какъ я писала письмо. Не могу себѣ представить, какъ она могла видѣть это, когда я не писала письма. Но если она дѣйствительно видѣла, какъ думаетъ, то почему она не остановила меня?

— Не говори больше,—сказала Мэри Довъ. — Все это такъ ужасно съ начала до конца.

— Да, да! — сказала Китти. — Мнѣ не слѣдуетъ больше говорить съ тобой, Мэри, не то я не выдержу.

Она быстро убѣжала, вошла въ оранжерею, закрыла лицо руками и рыдала нѣсколько минутъ. Двѣ-три дѣвочки прошли мимо и замѣтили Китти. Она сидѣла, скорчившись, бросивъ руку на спинку стула и уткнувшись головой въ нее. Прекрасные, черные, кудрявые волосы закрывали ея личико. Ея поза выражала одиночество и полное отчаяніе.

— Право, это терзаетъ душу. — сказала одна изъ дѣвочекъ—нѣмокъ,—а она—наша королева мая! Вѣдь она должна была бы придумывать намъ каждый день новыя развлеченія. Это просто невыносимо.

Дѣвочка прошла, оживленно разговаривая со своей товаркой.

— Я вполнѣ увѣрена, что наша маленькая Китти невиновата,—сказала Дельфина фонъ Штормъ.

— Это и мое мнѣніе—подхватила ея сестра Маргарита,—мало того: она не только невиновата, но я увѣрена, что, — если только не будутъ употреблены какія-нибудь особенныя усилія съ другой стороны,—на судѣ голоса будутъ за нее.

— О чемъ вы говорите?—спросила, подбѣгая, третья сестра фонъ Штормъ, Альвина.

— Къ чему ты спрашиваешь? — отвѣтила Маргарита.—Понятно мы говоримъ о Китти О'Донованъ.

— Это очень печальная исторія, — сказала Альвина.—Видѣли ли вы ее въ оранжереѣ? Она не замѣтила, что за ней наблюдаютъ. Она такъ съежилась, какъ будто хотѣла спрятаться ото всѣхъ. Бѣдная овечка! Я думаю, что она не могла бы ничего лучше придумать въ свою пользу, какъ сидѣть въ оранжереѣ, отвернувъ лицо, и издавать по временамъ рыданія, выходящія изъ глубины сердца. Она такъ принимаетъ къ сердцу свое униженіе; такъ удивлена.

— Вотъ именно,—сказала Дельфина.—Не будь Генріэтты, въ пользу Китти произошелъ бы громадный переворотъ.

Клотильда Фокстиль снова появилась на сценѣ, какъ разъ во время этого разговора сестеръ, именно въ то время, какъ Мэри Довъ и Мэри Куппъ чувствовали себя настолько несчастными, что едва могли сдерживаться; когда Генріэтта, несмотря на всѣ ея усилія, все болѣе и болѣе теряла почву подъ ногами. Обѣдъ только что окон-

чился; Елизавета стояла на лѣстницѣ. Клотильда легко выпрыгнула изъ автомобиля, подошла къ подругѣ и заговорила съ ней. Она чувствовала, что должна быть осторожной; никто не долженъ былъ догадываться, что она ѣздила въ Лондонъ ради Китти. Мэри Куппъ стояла вблизи. Мэри Довъ только что говорила съ ней и Мэри Куппъ отирала слезы.

— Надѣюсь, что ты хорошо провела время,—сказала Мэри Довъ,—обращаясь къ Клотильдѣ.

— Да. Очень хорошо. Вѣдь всегда пріятно видѣть папу, когда онъ пріѣзжаетъ изъ-за океана. Я больше года не видѣла моего драгоцѣннаго старичка. Могу сказать, что мы славно повеселились. Вчера вечеромъ мы были въ театрѣ и моя мама словно стала снова молодой дѣвушкой. Джэмсъ Томасъ Фокстиль сказалъ ей:—Ты такъ же молода, какъ твоя дочь, мама, право, такъ же молода.

Дѣвочки разсмѣялись. Этого и хотѣла Клотильда. Она не желала, чтобы кто-нибудь, кромѣ Елизаветы, зналъ истинную причину ея поѣздки въ Лондонъ.

Наконецъ она поднялась съ Елизаветой въ комнату послѣдней.

— Дай мнѣ прилечь на твою постель,—сказала Клотильда.—Подобнаго рода вещи утомляютъ американокъ; не знаю, то ли же бываетъ съ англичанками.

— Разскажи мнѣ свои новости, какъ только отдохнешь Кло,—нѣжно сказала Елизавета.

— Вотъ въ томъ-то и дѣло. Въ настоящую минуту у меня нѣтъ никакихъ новостей. Я хотѣла вернуться вчера вечеромъ, но папа сказалъ, что это безуміе; поэтому я осталась, такъ какъ мнѣ было дано разрѣшеніе поступать, какъ я найду нужнымъ. Потомъ пришло твое письмо и я поторопилась пріѣхать какъ можно скорѣе. Нѣтъ сомнѣнія, что скоро будутъ новости; но я надѣялась сама привести ихъ. Вотъ и все.

— Разскажи мнѣ, что случилось, Клотильда. Я какъ

на иголкахъ. Никогда, во всю свою жизнь, не испытывала я такой тревоги. Что же касается бѣдной Китти, она захвораетъ, если вскорѣ не получитъ облегченія.

— Да, я то же думаю. Мы должны собрать дѣвочекъ завтра—рано утромъ. Нельзя откладывать больше. Я телеграфирую папѣ, чтобы онъ поторопилъ Самюэля Джона Макъ Карти.

— Это кто такой?—выкрикнула Елизавета.—Никогда не встрѣчала такихъ странныхъ именъ, какія бываютъ у васъ.

— Не все ли равно, какое у него имя. Думай о томъ, что онъ дѣлаетъ для насъ.

— Что же онъ дѣлаетъ, Кло?

— Онъ складываетъ письмо. Онъ можетъ отлично возстановить его, если у него хватитъ времени. Онъ теперь въ отелѣ Ритцъ. Папа взялъ для него комнату наверху и онъ сидитъ тамъ съ запертыми дверями и не позволяетъ никому изъ насъ входить къ нему. Вчера вечеромъ онъ чуть съ ума не сходилъ отъ отчаянія; но прежде чѣмъ папа легъ спать, Самюэль Джонъ Макъ-Карти вдругъ громко вскрикнулъ и сказалъ: — Ура! я разобралъ цѣлую фразу.—Онъ сидѣлъ за дѣломъ цѣлую ночь; сидитъ и теперь. Чѣмъ дальше, тѣмъ легче ему будетъ. Ему надо только время и онъ дастъ намъ въ руки возстановленное письмо. Такое счастье, что папа встрѣтилъ его. Много лѣтъ тому назадъ, когда я была маленькой, они были дружны съ папой... Вотъ какъ обстоитъ дѣло.

— Ну, а я разскажу тебѣ, что случилось здѣсь, — сказала Елизавета.—Теперь не остается никакихъ сомнѣній. Вчера у насъ была страшная гроза—я никогда, кажется, не видала такой. И кто же ты думаешь вышелъ изъ дома во время грозы? Я не могла уснуть и стояла у окна, смотря на молнію; какъ ты думаешь, кто прошелъ по лужайкѣ въ самую опасную минуту раньше, чѣмъ пошелъ дождь?

— Не знаю, Бетти. Продолжай разсказывать. Не заставляй меня отгадывать; я такъ устала, что голова у меня готова разорваться на части.

— Никто иной, какъ Мэри Куппъ. Она вошла въ рощу. Я затаила дыханіе. Она оставалась тамъ не очень долго. Я дождалась, пока она вышла оттуда. Она плакала такъ, что ее можно было бы слышать, если бы не раскаты грома и шумъ дождя. Она вошла въ домъ черезъ одно изъ заднихъ оконъ и, конечно, я не видѣла ее больше. Я боялась, не попала ли въ нее молнія. Ты понимаешь, что я не могла уснуть. Рано утромъ солнце вошло и начался сегодняшній чудный день. Я встала, пошла въ рощу и увидѣла выдернутый съ корняли кустикъ щавеля. Бѣдная Мэри Куппъ ходила за клочками своего письма. Она опоздала. Стоитъ только взглянуть на ея лицо, чтобы понять, въ какомъ состояніи она находится. Дѣло становится все запутаннѣе, — заключила свой разсказъ Елизавета.

— Нисколько, нисколько,—возразила Клотильда — Для меня это вполнѣ ясно. Я почти могу разсказать все сама. По неизвѣстнымъ для насъ причинамъ, виновата Мэри Куппъ. Она сдѣлала это или по наущенію Генріэтты Вермонтъ, которая возненавидѣла Китти съ тѣхъ поръ, какъ ее избрали королевой мая, или по собственному побужденію. Но я нисколько не сомнѣваюсь, что письмо было написано Мэри Куппъ.

— О, нѣтъ; это невозможно!

— Я не считаю этого невозможнымъ. Я говорю, что Мэри Куппъ написала это письмо и послала его въ Ирландію; что она хорошо умѣетъ подражать чужимъ почеркамъ и потому рѣшилась сдѣлать это, конечно, чтобы доставить удовольствіе Генріэттѣ и заставить развѣнчать Китти. Таково мое мнѣніе. Конечно, я не могу доказать его, но глубоко убѣждена, что это сдѣлаетъ письмо Поля Куппа. Да, вполнѣ.

— О, Клотильда!

— Я смертельно устала и хотѣла бы поспать часокъ-другой,—сказала Клотильда.—Мы съ мамой сидѣли вчера очень поздно. Мы не могли лечь, когда Самюэль Джонъ Макъ-Карти работалъ надъ этими клочками наверху. Мы отправились втроемъ въ театръ; но даже спектакль не интересовалъ меня; я все думала о Китти и ея личикѣ.

— Надѣюсь, вашъ другъ поторопится съ письмомъ.

— Надѣюсь. Я сейчасъ пошлю телеграмму домой.

— Если ты напишешь ее сейчасъ,—сказала Елизавета,—я схожу въ село и пошлю. А ты отдохни покуда.

— Отличная идея,—сказала Клотильда. — А можно мнѣ отдохнуть въ твоей комнатѣ, Елизавета? Тамъ спокойнѣе, чѣмъ въ моей.

— Конечно, можешь, дорогая, — сказала Елизавета, наклоняясь и цѣлуя подругу.

Клотильда написала телеграмму матери. Содержаніе ея было таково, что только Елизавета или кто-нибудь посвященный въ тайну могли отнести ее на почту. Въ ней стояло:

„Потороппи Самюэля Джона Макъ-Карти. Возстановленное письмо должно быть у насъ завтра къ двѣнадцати часамъ утра. Если нужно, попроси папу привести его экстреннымъ поѣздомъ.—Клотильда“.

— Это ихъ подгонитъ,—сказала Елизавета.—Хорошо иногда имѣть дѣло съ милліонершами и ихъ обычаями.

Клотильда разсмѣялась.

Елизавета отправилась въ путь, спрятавъ телеграмму въ карманъ. Какъ только она вышла изъ дому, ее окружили другія фрейлены и статсъ-дамы, желавшія узнать, что случилось и какой заговоръ существуетъ между Елизаветой и Клотильдой.

— Узнаете все завтра, — сказала Елизавета. — Не задерживайте меня. Я иду въ Мертонъ и очень тороплюсь.

Можетъ быть во всей школѣ не было дѣвушки, на которую можно было бы больше положиться, чѣмъ на

Елизавету Решлей. Она, казалось, никогда не теряла головы, ни на минуту не теряла самообладанія. Можетъ быть, она не обладала дерзкой смѣлостью Клотильды, но походила на нее твердой рѣшимостью во что бы то ни стало спасти Китти.

Елизавета и не подозрѣвала, что ее ожидаетъ неудача. Она не могла себѣ представить, что такая глупость, какъ пустая небрежность съ ея стороны, окончится катастрофой. Все дѣло было въ томъ, что въ карманѣ Елизаветы оказалась дыра — небольшая дырка, которой она совсѣмъ не замѣтила. Передъ пріѣздомъ Клотильды она только что перемѣнила платье и надѣла чистую, прохладную, бѣлую пикейную юбку. Отъ дѣвочекъ требовали большой аккуратности въ одеждѣ; онѣ должны были сами штопать чулки и зашивать дыры. Елизавета была очень аккуратна и никакъ не могла предположить, чтобы въ карманѣ ея юбки могла быть дыра достаточно большая для того, чтобы чрезъ нея могъ выпасть кусокъ сложенной бумаги.

Но дыра существовала и бумажка выпала черезъ нее, а Елизавета продолжала быстро идти впередъ, не подозрѣвая о своей потерѣ.

Какая-то деревенская дѣвушка подняла бумагу и только что хотѣла догнать Елизавету, чтобы передать ей, когда встрѣтила Мэри Куппъ.

— Что это такое?—спросила Мэри дѣвушку, которая оказалась дочерью сельской швеи, иногда работавшей на сестеръ Куппъ.

— Я нашла эту бумажку по дорогѣ, миссъ. Она выпала изъ кармана молодой барышни, миссъ Решлей. Я думаю, она идетъ въ Мертонъ и бумага нужна ей.

— Я также иду въ Мертонъ и передамъ ей, — сказала Мэри.

— Передадите, миссъ? Очень благодарна вамъ. Если вы идете туда, это будетъ очень удобно для меня, потому что мать посылаетъ меня навѣстить тетю Нэнси.

Ей ночью сдѣлалось худо; а если мнѣ побѣжать за миссъ Решлей, то это отыметъ у меня много времени.

— Вамъ не нужно догонять ее. Дайте мнѣ бумагу. Я передамъ миссъ Решлей.

— Благодарю васъ, миссъ.

— У меня въ карманѣ только шесть пенсовъ,—сказала Мэри.—Будь у меня больше, я дала бы вамъ.

— Нѣтъ, миссъ, мнѣ не нужно денегъ. Благодарю васъ и за то, что подумали обо мнѣ, миссъ.

Дѣвушка исчезла по дорогѣ въ противоположномъ направленіи отъ села Мертонъ; Мэри медленно шла дальше, пока Нэнси не исчезла изъ виду. Тогда она вскрыла листокъ бумаги дрожащими руками. Да, это телеграмма. Она прочла ее.—„Поторопи Самюэля Джона Макъ-Карти. Возстановленное письмо должно быть у насъ завтра къ двѣнадцати часамъ утра. Если нужно — попроси папу привести его экстреннымъ поѣздомъ.—Клотильда“.

Какъ билось сердце Мэри, когда она читала эти ужасныя слова! Она такъ поблѣднѣла, что одну минуту ей показалось, что она лишится чувствъ. Потомъ она прокралась въ садъ. Какая ужасная Немезида преслѣдуетъ ее? Въ чемъ дѣло? Въ *чемъ* дѣло? Въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ несчастная дѣвочка еле сознавала, что дѣлаетъ. Она опустилась на холодную траву съ открытой телеграммой въ рукѣ. Въ это время ей было рѣшительно все равно, что подумаютъ о ней люди. Она забыла объ опасности, грозившей ей въ случаѣ, если кто увидитъ эту обличительную телеграмму.

Черезъ нѣсколько времени въ ея ушахъ раздался чей-то голосъ:

— Мэри, какая ты странная! Я думала, что ты пошла по моему порученію въ село. Что съ тобой? Что у тебя въ рукахъ?

— Тебѣ нельзя этого видѣть, нельзя!—сказала Мэри.—Не трогай, Герри; это не твое.

— Я хочу видѣть. Дай мнѣ,—проговорила Генріэтта, стараясь вырвать телеграмму изъ рукъ Мэри.

Генріэтта была, по крайней мѣрѣ, двумя годами старше Мэри; кромѣ того Мэри полусидѣла, полулежала на травѣ, а Генріэтта стояла. Поэтому со стороны страшно разсерженной дѣвушки требовалась только рѣшимость для того, чтобы вырвать листокъ бумаги изъ рукъ Мэри. Генріэтта встала въ тѣнь лѣса и прочла телеграмму:

„Поторопи Самюэля Джона Макъ-Карти. Возстановленное письмо должно быть у насъ завтра къ двѣнадцати часамъ утра. Если нужно—попроси папу привести его экстреннымъ поѣздомъ“.

Когда Генріэтта прочла эти слова, она опустилась на траву рядомъ съ Мэри, которая лежала уткнувшись несчастнымъ личикомъ къ землѣ.

— Выслушай меня, Мэри Куппъ. Ты, конечно, знаешь, что это значитъ.

— Да, знаю; слишкомъ хорошо знаю.

— Есть тутъ какая-нибудь опасность? — спросила Генріэта.—Я ничего не могу понять.

— Это значитъ, что... что мы погибли... я... я погибла,—задыхаясь проговорила Мэри.

Генріэтта внимательно перечитала телеграмму.

— Какъ она попала въ твои руки?—спросила она.

— Я хотѣла идти въ село. Я увидала, что Елизавета идетъ впереди меня, и такъ какъ мнѣ не хотѣлось идти съ ней, то я нарочно отстала. Вѣроятно, въ карманѣ у Елизаветы была дырка, такъ какъ я ясно увидѣла выпавшую изъ него на дорогу бумажку. Я только что хотѣла поднять ее, какъ меня предупредила Нэнси Прайсъ, дочь нашей портнихи. Она подняла бумажку. Я испугалась, сама не зная чему. Оказалось, что было чего испугаться. Я окликнула ее, спросила, что она хочетъ сдѣлать съ этой бумажкой; она отвѣтила, что видѣла, какъ бумага выпала изъ кармана миссъ Решлей, хочетъ догнать ее и отдать ей. Я сказала, что она можетъ отда

мнѣ, что я иду также въ село и передамъ бумагу миссъ Решлей. Она была очень рада, потому что должна была идти въ другую сторону, по порученію матери. Я открыла бумажку и вотъ, что я увидѣла. О, Герри, Герри!

— Послушай меня, Мэри Куппъ. Уже нѣсколько дней я догадываюсь, что ты скрываешь что-то отъ меня. Единственная возможность спасенія для тебя—это полное признаніе мнѣ. Если ты не сдѣлаешь этого, то попадешь въ бѣду, страшную бѣду. Если ты сознаешься, можетъ быть, мнѣ еще удастся спасти тебя; но я должна знать всю правду.

— Хорошо,—сказала Мэри,—я такъ несчастна, что разскажу тебѣ все. Хотя для тебя было бы гораздо лучше не знать этого.

— Предоставь мнѣ самой судить объ этомъ, Мэри Куппъ. Скажи мнѣ правду, истинную правду—только правду.

— Хорошо, разскажу. Не смотри на меня такъ Генріэтта: я испугаюсь и не буду въ состояніи говорить.

— Я буду смотрѣть въ сторону; я сдѣлаю все, только разскажи мнѣ все и правдиво, правдиво отъ начала до конца.

— Вотъ что,—сказала Мэри.—Ты помнишь, когда я—какъ далеко кажется все это, а между тѣмъ прошло только нѣсколько дней—когда я пришла къ тебѣ и попросила одолжить мнѣ двѣнадцать фунтовъ, чтобы послать ихъ мамѣ для Поля?

— Конечно, помню.

— Я сказала тебѣ, что видѣла, какъ Китти писала письмо къ своему двоюродному брату Джэку.

— Сказала. Да вѣдь все это давно извѣстно. Къ чему возвращаться къ этому времени?

— Да, извѣстно, но я должна возвратиться, потому что это и есть начало. Я тогда солгала тебѣ.

— Мэри! Это неправда!

— Да, да, солгала! У меня всегда была способность,

проклятая способность подражать чужому почерку. Китти совершенно невиновата. Написала письмо я. Написала съ начала до конца... съ начала до конца, и положила марку, и написала адресъ. Я сѣла за ея письменный столъ, нашла клочекъ бумаги, на которомъ ею было написано нѣсколько словъ и написала ея почеркомъ. О, я была увѣрена, что сдѣлаю это отлично. Никто не сумѣлъ бы отличить, что это письмо писано не Китти О'Донованъ; потомъ... потомъ я сама опустила его въ почтовый ящикъ. Когда я говорила тебѣ, что это сдѣлала Китти О'Донованъ, я все время отлично знала, что это сдѣлано мной. Вотъ и вся исторія.

Трудно было заставить Генріэтту измѣниться въ лицѣ. Трудно было вызвать въ ней проявленіе какого-нибудь чувства. Но въ настоящую минуту страшное выраженіе появилось на ея лицѣ. Губы у нея совсѣмъ посинѣли; глаза выкатились изъ орбитъ; цвѣтъ лица сталъ мертвенно блѣднымъ. Даже глаза какъ будто измѣнили свой цвѣтъ. Выраженіе низменнаго страха, смѣшаннаго съ ужасомъ, появилось на ея лицѣ.

— Ты, Мэри Куппъ, сдѣлала это?

— Да.

— Зачѣмъ?

— Ты сказала, что я... я должна помочь тебѣ. Ты завидовала Китти. Я задумала заставить Китти попасть въ бѣду и сдѣлала это...

— Пожалуйста, не представляй мнѣ никакихъ резоновъ! Теперь скажи, почему эта телеграмма такъ испугала тебя?

— Хорошо. Это то и есть самое ужасное. Въ школѣ есть одна дѣвочка, которая знаетъ о моей способности подражать разнымъ почеркамъ. Эта дѣвочка—Мэри Довъ. Она болѣе или менѣе въ моихъ рукахъ.

— Также и въ моихъ,—сказала Генріэтта.

— Да, я думаю, что она ничего не скажетъ, потому что напугана. Знаютъ еще сестры; но, странное дѣло,

имъ никогда не приходило это на умъ. Отецъ такъ разсердился на меня, что я пускала въ ходъ мою способность дома только потихоньку отъ всѣхъ. Теперь я должна разсказать тебѣ о Полѣ—моемъ больномъ братѣ. Ты знаешь, что я получила отъ него недавно письмо. Онъ такъ любитъ меня, что, кажется, и на далекомъ разстояніи можетъ чувствовать мои волненія. Онъ писалъ мнѣ въ этомъ письмѣ, что безпокоится за меня, что ему чувствуется, что я въ тревогѣ, что онъ боится, не сдѣлала ли я чего дурного. Затѣмъ онъ умоляетъ меня не забыть о данномъ ему обѣщаніи никогда не подражать чужимъ почеркамъ, такъ какъ этимъ я могу ввести себя и другихъ въ бѣду.

Вотъ что написано въ томъ письмѣ, которое возстановляетъ Самюэль Джонъ Макъ-Карти. Я разорвала его на клочки, на маленькія полоски; сжечь письма я не могла, потому что не было огня, и спрятала его подъ кустикомъ щавеля и... и кто-то видѣлъ это. Послѣ того, какъ я сдѣлала это, я была такъ несчастна, что, вчера ночью выбѣжала во время грозы: я была такъ несчастна, такъ несчастна!—и бросилась къ мѣсту, гдѣ спрятала клочки—*ихъ не было.* Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что случилось. Клотильда съѣздила въ Лондонъ посовѣтоваться съ отцомъ и какой-то Самюэль Джонъ Макъ-Карти возстановляетъ письмо и тогда все откроется. Что теперь дѣлать, Генріэтта?

— Такъ вотъ какъ!—сказала Генріэтта послѣ короткаго молчанія.—У меня не хватаетъ словъ для того, чтобы выразить, какъ я ненавижу тебя.

— Я знаю, что заслужила это, Герри. Но что же дѣлать?

— Во всякомъ случаѣ, я оставлю у себя эту телеграмму,—сказала Генріэтта,—и пойду обдумать все дѣло. Нужно обдумать, какъ это сдѣлать лучше. Только не воображай, пожалуйста, что я буду заботиться о тебѣ.

— Тогда, можетъ быть, лучше всего, чтобы я сейчасъ разсказала все,—быстро проговорила Мэри.

— Да, и въ славное положеніе поставишь ты меня.

— Нисколько, Герри; я скажу, что ты ничего не знаешь; что я только теперь разсказала тебѣ и ты заставила меня сейчасъ же сознаться. Я буду вѣрна тебѣ, Герри. Лучше сознаться. Только это и остается мнѣ. Все такъ страшно запуталось, что я не могу вынести больше; прямо, не могу. Я должна, да, я должна получить облегченіе, или я сойду съ ума.

— А ты думаешь, что меня интересуетъ, сойдешь ты съ ума, или нѣтъ?

— Знаю, что не интересуетъ. Знаю, что ты должна думать обо мнѣ ужасныя вещи. Что всѣ должны это думать обо мнѣ. Не пиши только объ этомъ моему брату, Герри.

— Непремѣнно напишу.

— Герри, какая ты злая! Ты хуже меня.

— Не смѣй говорить, что я хуже тебя! Развѣ я стала бы поддѣлываться подъ чужой почеркъ? Вѣдь тебя могли бы посадить за это въ тюрьму.

— Герри, смилуйся, смилуйся!

— И не думаю. Въ жизни не слыхала о такомъ дурномъ, дурномъ, дурномъ поступкѣ.

— Герри, я сдѣлаю все, что ты хочешь. Посовѣтуй мнѣ.

— Останься здѣсь на полчаса. Я уйду и подумаю. Боже мой, Боже мой! У меня нѣтъ ни одной души, съ кѣмъ можно было бы посовѣтоваться. Въ какое затруднительное положеніе поставила ты меня! И подумать только, что я сдѣлала тебѣ, какъ вѣрила и довѣрялась тебѣ. Ты самая дурная дѣвочка изо всѣхъ, о какихъ я только слышала! Я всегда думала, что у тебя дурное лицо. Теперь я убѣдилась въ этомъ. Оставайся тутъ, пока я не вернусь, приказываю тебѣ.

— Только отдай, отдай мнѣ, пожалуйста, телеграмму! Позволь мнѣ оставить телеграмму у себя!

— Нѣтъ. Это единственное мое утѣшеніе, единственный слабый лучъ свѣта въ этой ужасной тьмѣ.

XX. Перемѣна фронта.



лизавета быстро шла въ село; дойдя до почтоваго отдѣленія, она опустила руку въ карманъ съ намѣреніемъ вынуть телеграмму и отослать его. Къ ея ужасу, телеграммы не оказалось въ карманѣ. Къ еще большему ужасу она забыла названіе отеля, въ которомъ остановились родные Клотильды. Никогда съ ней не случалось ничего подобнаго и она могла объяснить свою забывчивость только состояніемъ волненія, въ которомъ она находилась. Она стояла, испытывая чувства полной безпомощности и страха. Кто-нибудь поднялъ телеграмму. Она нашла дыру въ карманѣ, черезъ которую телеграмма, должно быть, выпала. Что ей дѣлать? Елизавета стояла въ недоумѣніи, мѣняясь въ лицѣ. Испытывали ли еще какія-нибудь дѣвочки тѣ затрудненія, которыя приходилось переживать ученицамъ въ Мертонъ-Гебльсѣ?

Наконецъ она повернулась и медленно пошла назадъ, смотря по обѣ стороны дороги; но нигдѣ не было видно и слѣда телеграммы. Она вошла въ садъ; ей ничего болѣе не оставалось сдѣлать, какъ пойти къ бѣдной Клотильдѣ, разбудить ее и разсказать о случившемся. По пути въ домъ она встрѣтила Генріэтту. Все послѣднее время Генріэтта старательно избѣгала встрѣчъ съ Елизаветой. Между ними не было ничего общаго; всѣмъ было хорошо извѣстно, что онѣ держатся противоположныхъ мнѣній насчетъ Китти. Елизавета ускорила шаги и прошла было мимо Генріэтты, когда та вдругъ сказала ей:—Мнѣ нужно поговорить съ тобой, Елизавета.

Елизавета остановилась. Ей не хотѣлось говорить съ Генріэттой и кромѣ того ей была непріятна задержка. Телеграмму нужно было отослать немедленно.

— Я очень тороплюсь,—сказала она.—Клотильда отдыхаетъ у меня въ комнатѣ; она очень устала. Я хотѣла бы пройти къ ней, если у тебя не очень важное дѣло.

— Если бы не важное, то неужели ты думаешь, я стала бы задерживать тебя? Я вѣдь очень хорошо знаю твои чувства ко мнѣ,—сказала Генріэтта.

— Ты не имѣешь никакого права предполагать, что знаешь мои чувства,—гордо замѣтила Елизавета.—Можно мнѣ сначала поговорить съ Клотильдой, а потомъ съ тобой?

— Мнѣ необходимо раньше поговорить съ тобой.

— Очень хорошо. Куда мы пойдемъ?

— Здѣсь мы въ безопасности,—сказала Генріэтта.—Мы можемъ ходить взадъ и впередъ въ виду дома. Все равно, что насъ будутъ видѣть; все равно не услышатъ. Въ теперешнее странное время перешептываній, заговоровъ и тайнъ для тѣхъ, кто не замѣшанъ въ нихъ, лучше всего быть на виду.

— Какъ хочешь,—сказала Елизавета. Она чувствовала себя усталой, разсерженной, взволнованной. Но при первыхъ же словахъ Генріэтты Елизавета обернулась и пристально взглянула на нее.

— Я хочу предложить тебѣ одинъ вопросъ.

— Пожалуйста.

— Какъ ты думаешь, когда маленькая Китти О'Донованъ должна явиться на судъ своихъ товарокъ, которыя должны осудить, или оправдать ее?

— Завтра,—отвѣтила Елизавета.—Я думаю, что эта тяжелая церемонія совершится завтра, въ двѣнадцать часовъ утра.

— А что будетъ въ случаѣ, если Китти О'Донованъ будетъ обвинена?—спросила Генріэтта.

— Генріэтта, мнѣ, кажется, жаль тратить время на такіе вопросы. Мы должны будемъ поступить по правиламъ старой рукописной книги. Если Китти будетъ объ-



„Дѣвочка крѣпко спала, лежа на травѣ. Рядомъ съ ней какъ бы охраняя ея сонъ, сидѣла Китти.

явлена виноватой, она должна будетъ понести наказаніе; ее развѣнчаютъ, а, слѣдовательно, она лишится своего положенія въ школѣ.

— Значитъ, ее исключатъ?

— Нѣтъ, не исключатъ. Но гораздо хуже. Исключенная, по крайней мѣрѣ, покидаетъ то мѣсто, гдѣ съ ней произошло несчастіе. Бѣдная Китти останется и должна будетъ переносить, по меньшей мѣрѣ, сострадательные, если не презрительные, взгляды своихъ товарокъ.

— Я хочу сказать кое-что,—проговорила Генріэтта.

— Я слушаю.

— Ты думаешь, что я—худшій врагъ Китти О'Донованъ?—спросила Генріэтта.

— Не знаю какъ можно быть врагомъ этого милаго ребенка,—отвѣтила Елизавета, — но я—всегда, всегда, Генріэтта,—чувствовала, что ты, по какимъ то необъяснимымъ причинамъ, не любишь Китти.

— Я скажу тебѣ правду.

— Пожалуйста; и поскорѣе.

— Ты не станешь торопить меня, когда выслушаешь то, что я скажу тебѣ.

— Ну, продолжай.

— Если бы я встрѣтила Китти О'Донованъ при обыкновенныхъ условіяхъ я, какъ и всѣ вы, была бы очарована ея прелестью, граціей, ласковостью,—сказала Генріэтта,—но дѣло въ томъ, что я завидовала ей.

— Ты сознаешься въ этомъ,—съ удивленіемъ сказала Елизавета.

— Да, сознаюсь; но, замѣть, только тебѣ. Можешь, если хочешь, передать это Клотильдѣ. Я довѣряюсь тебѣ и Клотильдѣ, но не желаю, чтобы это стало извѣстнымъ другимъ.

— Не станетъ.

— Я завидовала ей,, очень завидовала,—продолжала Генріэтта. —Я считала несправедливымъ, что, вмѣсто меня, выбрали такую молодую королеву. Я страстно

хотѣла быть королевой мая. Мнѣ такъ хотѣлось быть королевой на цѣлый годъ; для Китти же, по сравненію со мной, это имѣетъ гораздо меньше значенія. Я чувствую, что создана для власти. Удовольствіе, которое я испытывала бы, если бы могла распоряжаться празднествами, заставлять другихъ дѣвочекъ зависѣть отъ меня, отдавать имъ приказанія что дѣлать, устраивать имъ развлеченія, заставило бы меня стать иной, чѣмъ теперь—любезной. Я создана для подобныхъ вещей и наслаждалась бы ими.

Я искренно вѣрила, что меня выберутъ. Родные мои также. Во время каникулъ мы часто говорили объ этомъ и я вмѣстѣ съ ними не сомнѣвалась, что буду избранницей. Поэтому ударъ, нанесенный мнѣ единогласнымъ избраніемъ Китти О'Донованъ, наполнилъ мое сердце завистью и негодованіемъ на оказанную мнѣ несправедливость. Я прямо возненавидѣла ее.—Генріэтта остановилась. Глаза Елизаветы были устремлены на нее.— Ты удивляешься, почему я говорю тебѣ это?

— Очень удивляюсь. Это такъ непохоже на тебя.

— Скоро узнаешь про меня многое, что покажется тебѣ непохожимъ на меня; а теперь я хочу сказать тебѣ, что во мнѣ произошла полная перемѣна... Я ненавидѣла Китти. Я не видѣла въ ней ничего хорошаго. Меня сердила ея невинная дѣтская радость. Я была въ восторгѣ, когда дѣла ея приняли дурной для нея оборотъ. Я заставила себя повѣрить въ ея виновность. О, да, я сдѣлала все это! Другія подстрекали меня. Не буду говорить объ этомъ. Я дурная, очень дурная, но мои товарки... мои товарки еще хуже. Какъ бы то ни было, я поступала такъ, какъ будто считала Китти виноватой. Теперь же я хочу сказать тебѣ, что я считаю ее невиновной.

— Ты считаешь Китти О'Донованъ невиновной?

— Да, да, считаю, Елизавета.

— Но почему? Почему ты считаешь ее невино-

ватой? Какъ же ты объясняешь телеграмму, присланную ея двоюроднымъ братомъ? Китти отрицаетъ, что писала ему, а онъ телеграфируетъ, что письмо получено.

— У меня нѣтъ никакихъ объясненій,—отвѣтила Генріэтта.—Я могу только сказать, что это дѣло покрыто мракомъ; но я думаю, что, если бы мы могли заглянуть въ сердца всѣхъ дѣвочекъ въ школѣ, то нашли бы разгадку этой странной тайны въ сердцахъ нѣкоторыхъ изъ нихъ. Я такъ увѣрена въ этомъ, что когда Китти явится на судъ, станетъ передъ своими товарками и предложитъ обвинить или оправдать ее, я признаю ее невинной; болѣе того, я буду уговаривать всѣхъ дѣвочекъ, съ которыми мнѣ придется входить въ сношенія, сдѣлать тоже. Ты скажешь, что это странная перемѣна фронта. Называй какъ хочешь; я считаю Китти О'Донованъ невиноватой.

— Я очень удивлена,—сказала Елизавета,—поражена и вмѣстѣ съ тѣмъ чувствую большое облегченіе. Не пойдешь ли ты къ Китти, чтобы сказать ей объ этомъ? Это очень поможетъ ей.

— Не знаю. Я считала, что ты должна знать о перемѣнѣ моихъ взглядовъ. Что касается меня, то я могу принести больше пользы, если переговорю съ моими многочисленными друзьями въ школѣ и скажу имъ о томъ, въ чемъ я такъ глубоко увѣрена—о невинности Китти О'Донованъ.

— Я рада и скажу Клотильдѣ. Благодарю тебя. Ты пришла въ себя; теперь я пойду.

Елизавета медленно пошла наверхъ. Внезапная перемѣна взглядовъ Генріэтты въ одно и то же время и приносила облегченіе и безпокоила ее. Она вошла въ свою комнату и заперла дверь. Клотильда лежала на кровати; глаза ея были широко раскрыты; щеки горѣли.

— О, Клотильда,—сказала Елизавета,—я сдѣлала такую глупость, такое безуміе, что не хватаетъ словъ

сказать! Бѣдняжка, какой у тебя усталый видъ; а я только прибавлю усталости. Ты помнишь написанную тобой телеграмму?

— Конечно, помню. Она врѣзалась огненными буквами у меня въ мозгу. Я могу повторить ее наизусть, Елизавета. Вотъ эти слова:—Поторопи Самюэля Джона Макъ-Карти...—И Клотильда повторила телеграмму дословно.

— Ну да, и я вспомнила,—сказала Елизавета.— Опасно было потерять такую телеграмму.

— Потерять, потерять!—вскрикнула Клотильда.— Потерять такую телеграмму было бы страшно опасно; но я надѣюсь, что она уже дошла до мѣста своего назначенія.

— Нѣтъ, не дошла. Я потеряла ее. Я сдѣлала страшно безумную вещь: я, обыкновенно такая аккуратная, не замѣтила дырки въ карманѣ. Телеграмма, должно быть, выпала. Ее не оказалось, когда я пришла въ почтовое отдѣленіе; а адресъ, вѣроятно, вслѣдствіе испуга, я позабыла.

— О, Бетти! Отель Ритцъ, Пикадилли.

— Да, теперь помню. Я вспомнила, когда вошла въ комнату, а на почтѣ не могла припомнить и не послала телеграммы. Она потеряна, или кто-нибудь нашелъ ее. Клотильда, дѣло все усложняется! Я, право, не знаю, что и думать. Я потеряла телеграмму, а у насъ все чудеса: идя къ тебѣ, я была задержана Генріэтой Вермонтъ. Она настояла, чтобы я походила съ ней по терассѣ, и сказала мнѣ, что ненавидѣла Китти, потому что завидовала ей. Она говорила такъ искренно, какъ можетъ только говорить человѣкъ; сказала, что безумно завидовала Китти и ненавидѣла ее, потому что сама надѣялась быть королевой мая. А потомъ прибавила:—что касается ея невиновности, я вѣрю въ нее и на судѣ подамъ мой голосъ за нее.

— Бетти, она сказала это?

— Да; и болѣе того, она хочетъ поступить сообразно этому. Она пойдетъ къ своимъ пріятельницамъ: ты

знаешь, когда она захочетъ, то можетъ имѣть громадное вліяніе, и скажетъ имъ о своемъ убѣжденіи. Мое мнѣніе, что и безъ этого письма, каково бы ни было его содержаніе, намъ удастся доказать невинность Китти.

— Боже мой!—сказала Клотильда.

— Кло, милая, отчего ты такъ печальна? Ты смотришь на меня съ упрекомъ. Вѣдь я же ненарочно потеряла телеграмму.

— Конечно, дорогая. И напрасно прошлась по такой жаркой погодѣ. Ну, теперь я отдохнула; пойду сама въ Мертонъ и отошлю все же телеграмму.

— Кажется, у меня не хватитъ силъ пойти съ тобой во второй разъ; но я думаю, если мы попросимъ, 'миссисъ Шервудъ позволитъ намъ взять пони и кабріолетъ. Хотя она и покойна на видъ, но ясно, что ее сильно безпокоитъ это дѣло.

— Пойди, Бетти, попроси. Я думаю, что, при моемъ состояніи, у меня также не хватитъ силы пройти милю до села.

Бетти попросила позволенія, которое было дано, и дѣвочки поѣхали послать телеграмму. Генріэтта видѣла ихъ отъѣздъ.

Лишь только онѣ завернули за уголъ дома, Генріэтта полетѣла по тропинкѣ къ рощѣ. Она отлично помнила мѣсто, гдѣ оставила печальную, огорченную дѣвочку,— дѣвочку, которая поступила хуже всѣхъ и которую она, Генріэтта, ненавидѣла всею силою ненависти. Наконецъ тайна прояснилась въ глазахъ Генріэты и она приняла мѣры, чтобы оказаться на сторонѣ, на которой будетъ большинство. Когда Генріэтта дошла до мѣста, гдѣ она оставила Мэри, она увидѣла, что дѣвочка крѣпко спитъ, лежа на травѣ. Рядомъ съ ней, какъ бы охраняя ее сонъ, смотря на нее съ выраженіемъ ангельской доброты, сидѣла Китти О'Донованъ. Китти, увидѣвъ подходившую Генріэтту, подняла свою бѣлую ручку и тихо проговорила:—Тсъ! она очень, очень устала.

— Очень жаль,—сказала Генріэтта,—но мнѣ нужно разбудить ее и, боюсь, Китти, что мнѣ придется попросить тебя оставить насъ вдвоемъ.

— Хорошо, Генріэтта. Будь поласковѣе съ ней. Я услышала, что она плачетъ и пришла сюда. Мнѣ удалось, кажется, немного успокоить ее и она уснула. Она очень несчастна, безпокоится о Полѣ. Я пробовала утѣшить ее тѣмъ, что Богъ заботится о ней; она прижалась ко мнѣ и вдругъ уснула. Я положила ее на траву и сторожила ее. Пожалуйста, будь подобрѣе съ ней; она страшно устала.

— Уходи, Китти!

Китти медленно встала и пошла въ другую часть сада. Генріэтта заняла ея мѣсто. Глаза Генріэтты оглянули спящую дѣвочку. Какъ она некрасива, какъ неинтересна, какъ простонародна! Возможно ли, что она, Генріэтта Вермонтъ, гордая Вермонтъ, принадлежащая къ одной изъ древнѣйшихъ семей Варвикшайра, могла подружиться съ такой дѣвочкой, стать ближайшимъ другомъ дѣвочки, которая придумала такой планъ, чтобы погубить свою товарку?

— Одно ясно,—подумала Генріэтта,—впередъ я не буду имѣть ничего общаго съ ней. Она не возбудитъ моего сочувствія, будь у нея двадцать братьевъ Полей. Это я уже рѣшила.

Пока Китти сидѣла рядомъ съ Мэри Куппъ, та спокойно спала. Можетъ быть кротость и нѣжность, свойственныя маленькому существу, имѣли успокоительное, благотворное дѣйствіе на несчастную дѣвочку. Но когда Китти удалилась, по приказанію Генріэтты, разница между двумя дѣвочками сказалась и въ впечатлѣніи, произведенномъ ими на спящую. Мэри снова вернулась къ состоянію глубокаго отчаянія. Она открыла глаза и проговорила: — Гдѣ я? Что случилось? Ахъ, это ты, Генріэтта, ты. Я не знаю, гдѣ я. Что случилось?

— Не говори глупостей. Сядь. Приди въ себя. Я хочу поговорить съ тобой.

Мэри поднялась съ травы и сѣла, протирая глаза.

— Теперь ты вспомнила все?—сказала Генріэтта.— Помнишь миленькую телеграмму, которая не дошла до мѣста своего назначенія, хорошое письмо твоего брата и... и то, что ты сдѣлала рано утромъ 2-го мая?

— Я помню,—сказала Мэри, закрывая лицо руками.

— Ты помнишь также, маленькая предательница, кто сидѣлъ возлѣ тебя, когда ты засыпала?

— Да, помню, Генріэтта. Пришла милая Китти.

— Какъ смѣешь ты называть ее „милой?“

— Я знаю, что не имѣю права, но не могу назвать ее иначе. Я помню все. Она забыла о себѣ, когда увидѣла меня въ горѣ; подошла ко мнѣ и старалась утѣшить меня. Не знаю, что она говорила; я не очень слушала; но ея слова были такъ успокоительны; прежде чѣмъ я опомнилась, она обняла меня и положительно убаюкала.

— Однимъ словомъ, ты думаешь, что на свѣтѣ нѣтъ никого, кто походилъ бы на нее,—насмѣшливо замѣтила Генріэтта.

— Да, думаю,—отвѣтила Мэри.

— А между прочимъ рѣшила погубить ее завтра утромъ.

— Герри, Герри! Мнѣ кажется я не смогу... Я скажу всю правду.

— Выслушай меня.

— Я слушаю, Герри.

— Ты не должна говорить правды.

— Генріэтта, если бы я думала...

— Не думай. Повинуйся мнѣ. Вѣдь ты вполнѣ въ моей власти.

— Я... я знаю это.

— Ты не разскажешь того, что знаешь.

— Я... я... я попробую.

— Если ты разскажешь, я узнаю отъ миссисъ Шер-

вудъ адресъ Поля, брата Мэри Куппъ, и телеграфирую ему всю правду про тебя, чтобы онъ зналъ, какова ты.

— Если бы ты была такъ несчастна, какъ я въ настоящую минуту, ты знала бы, что мое наказанiе началось, —сказала Мэри Куппъ.

— Мнѣ не до того, что ты чувствуешь. Ты должна исполнять мои приказанiя. Ты не должна ничего разсказывать ни твоимъ сестрамъ, никому въ школѣ. Если тебѣ предложатъ какой-нибудь вопросъ, выдумай что хочешь. Завтра утромъ Китти О'Донованъ явится на судъ школы; ты должна подать свой голосъ противъ нея.

— Попробую, попробую, Генрiэтта, сдѣлать то, чего ты желаешь.

— Я рѣшила сказать тебѣ, что подамъ мой голосъ за нее.

Мэри вскочила при этихъ поразительныхъ словахъ.— Но, Герри, Герри,—если ты сдѣлаешь это, такъ я должна быть на твоей сторонѣ.

— Вотъ именно этого ты и не должна дѣлать. Ты не должна, ни въ какомъ случаѣ, брать мою сторону. Ты должна постоянно твердить, что она виновата, виновата, виновата! Вотъ все, что я имѣю сказать тебѣ. Сдѣлай это и я оставлю тебя въ покоѣ. А пока я пойду своимъ путемъ, буду поступать сообразно моимъ чувствамъ. Ну вотъ и все. Чѣмъ дальше ты будешь держаться отъ меня, тѣмъ лучше. Но если ты не подашь голоса противъ Китти, я приму свои мѣры.

— Генрiэтта, Генрiэтта... вѣдь ты же понимаешь, что если письмо... письмо Поля, будетъ возстановлено и его прочтутъ въ школѣ все станетъ извѣстнымъ; всѣ поймутъ. Что мнѣ дѣлать, что дѣлать?

— Пусть понимаютъ. Можетъ быть, я и хочу, чтобы поняли. Ну, больше мнѣ нечего сказать тебѣ. Если любишь брата, подумай. Прощай.

Прежде чѣмъ окончился этотъ вечеръ, полный волненiй, среди школьницъ распространилась новая, удиви-

тельная вѣсть. Всѣ узнали о перемѣнѣ фронта Генріэтты. Она переговорила со своими пріятельницами, объясняя имъ, что Китти невиновна, что для этого достаточно только взглянуть на ея лицо. Послѣ этихъ странныхъ, неслыханныхъ замѣчаній она прибавляла:—Понятно, вы удивляетесь, почему все это время я говорила такъ, какъ будто считала ее виноватой. Я должна сознаться въ томъ, что была неправа. Раскаяніе полезно для души. Я созналась, что завидовала нашей хорошенькой королевѣ мая и потому, боюсь, что смотрѣла на ея поведеніе съ предубѣжденіемъ.

— Развѣ ты услышала что-нибудь, что заставило тебя перемѣнить твое мнѣніе? — спросила одна изъ сестеръ л'Эстранжъ. Сестры фонъ Штормъ смотрѣли на Генріэтту своими круглыми голубыми глазами.

— Что касается меня,—сказала Альвина,—я обыкновенно сразу составляю свое мнѣніе и остаюсь при немъ.

— Можетъ быть, дорогая,—отвѣтила Генріэтта,—но ты создана иначе, чѣмъ я. Я, конечно, склонна была вѣрить въ виновность Китти, а теперь прямо скажу, почему я думаю, что она невиновата.

— Почему?

— Во первыхъ, если вы приглядитесь немного, то, навѣрно, замѣтите, что нѣкоторыя дѣвочки имѣютъ ничѣмъ необъяснимый жалкій, печальный видъ. Я не назову именъ; ничто не заставитъ меня сдѣлать это; но фактъ существуетъ. Вотъ я и поставила себѣ вопросъ, почему онѣ такъ печальны. Вѣдь не потому же, что онѣ такъ любятъ Китти О'Донованъ? Эта мысль занимала меня послѣдніе дни. Потомъ я стала наблюдать за Китти. Въ выраженіи ея лица есть что то, чего не можетъ быть у виноватой. Поэтому, права я, или нѣтъ, но говорю вамъ, что когда завтра бѣдная дѣвочка явится на нашъ судъ, я признаю ее невиноватой.

— Съ восторгомъ слышу это,—сказала Альвина

— И я также,—замѣтила одна изъ сестеръ л'Эстранжъ.

Томасина Осборнъ молчала. Она не могла говорить, такъ какъ была статсъ-дамой. Какъ разъ въ это мгновеніе маленькая лэди Марія Банистеръ залилась слезами.

— Что съ тобой?—сказала Анжелика.

Маленькая лэди Марія была изъ тѣхъ дѣвочекъ, за которыми всегда ухаживаютъ, которыхъ всегда ласкаютъ.

Анжелика подошла къ ней, сняла ее со стула и посадила къ себѣ на колѣни.—Милая, милая petite *). Ты самая gentille **) и aimable ***) изъ всѣхъ дѣвочекъ въ школѣ, за исключеніемъ нашей бѣдной королевы мая.

Лэди Марія продолжала рыдать.— Все такъ ужасно, ужасно! говорила она.—Мнѣ хотѣлось бы, чтобы меня взяли изъ школы. Я не хочу оставаться, если Китти развѣнчаютъ.

Въ эту минуту въ комнату вошла Елизавета Решлей. Она оглянула дѣвочекъ. Тутъ собрались многія, фамиліи которыхъ не упоминались въ этомъ разсказѣ. Среди нихъ были также и фрейлины, статсъ-дамы, Генріэтта и двѣ сестры Куппъ. Были также три нѣмки, Маргарита, Альвина и Дельфина, и Мэри Довъ. Миссъ Хонебенъ отсутствовала, такъ какъ была занята своими обязанностями учительницы. Клотильда такъ устала, что не выходила изъ своей комнаты.

— О чемъ плачетъ лэди Марія?—спросила Елизавета, садясь посреди дѣвочекъ.

— Случилась самая странная вещь,—сказала Маргарита.—Добрая, чудесная Генріэтта перешла съ сѣвера на югъ. Она была на самомъ холодномъ сѣверѣ, а теперь очутилась на самомъ жаркомъ югѣ. Она утверждаетъ что Китти невиновата что хотя она, повидимому, на-

*) Крошка.
**) Миленькая.
***) Любезная, ласковая.

писала письмо, она не писала его. Она не говоритъ, на какомъ основанiи она перемѣнила свое мнѣнiе, а просто объявляетъ, что завтра она подаетъ голосъ за Китти.

— Я думаю, что слѣдуетъ сказать одну вещь,—замѣтила Елизавета. — Тѣ, кто будутъ подавать голоса за Китти, принесутъ ей пользу только въ томъ случаѣ, если вполнѣ вѣрятъ въ ея невиновность. Для рѣшенiя у васъ остается только сегодняшнiй вечеръ и завтрашнее утро. Вы знаете, какъ глубоко я люблю Китти О'Донованъ, знаете, какъ безусловно вѣрю я въ ея невинность; моя вѣра вытекаетъ изъ убѣжденiя. Но если вы подадите голоса за нее только ради ея популярности и подъ влiянiемъ сожалѣнiя, вы принесете Китти вредъ, а не добро. Думаете ли вы, что я стала бы говорить, если бы такъ сильно не чувствовала этого? Оправданiе ничего не будетъ значить для Китти, если будетъ дано только потому, что это легче сдѣлать. Думайте, размышляйте, молитесь и, я увѣрена, что Богъ поможетъ намъ придти къ вѣрному рѣшенiю. Я пришла только для того, чтобы сказать, что я и Клотильда и вы, Маргарита Лэнгтонъ, Анжелика л'Эстранжъ, Томасина Осборнъ, лэди Марiя, а также миссъ Хонебенъ, — мы всѣ должны быть готовы завтра къ двѣнадцати часамъ, чтобы отвести Китти О'Донованъ на судъ, гдѣ я снова въ простыхъ, короткихъ словахъ разскажу все передъ цѣлой школой. Послѣ этого мы, фрейлины и статсъ-дамы, будемъ поглощены школой, такъ какъ наше дѣло будетъ закончено. Мы можемъ только подать наши голоса, когда Китти попросятъ удалиться и начнутъ собирать голоса. Я очень устала и пойду спать.

Сказавъ послѣднiя слова, Елизавета вышла изъ комнаты. Мэри Довъ проскользнула за ней.

— Что тебѣ нужно, Мэри?—спросила Елизавета.

— Мнѣ хотѣлось бы повидать ненадолго Мэри Куппъ, одну,—сказала Мэри Довъ.

— Почему же ты не сдѣлаешь этого, милая?

— Она въ своей комнатѣ, но не пускаетъ меня. Я нѣсколько разъ просила ее пустить меня.

— У тебя есть причина, почему ты хочешь безпокоить ее?

— Да, есть—и очень важная.

— Это имѣетъ отношеніе къ Китти!

— Да.

Елизавета пристально посмотрѣла на Мэри Довъ.

— Мэри Довъ, сказала она,—я замѣтила, что послѣдніе дни ты совершенно непохожа на себя. Есть у тебя какое-нибудь основаніе для этого?

— Да, у меня есть основаніе.

— Касается это Мэри Куппъ?

— Да.

— Имѣетъ отношеніе къ Китти О'Донованъ?

— Да.

— Тогда ты должна повидаться съ Мэри. Пойдемъ.

Пока Елизавета вбѣжала на лѣстницу, держа Мэри за руку, лэди Марія прижалась личикомъ къ груди Анжелики, продолжая рыдать.

— Я такъ боюсь, — сказала она черезъ нѣсколько времени.

— Чего ты боишься, трусишка? Ты такая милая petite *). Не бойся. Все бываетъ хорошо съ добрыми людьми и хотя одной изъ насъ теперь приходится плохо, le bon Dien **) не забудетъ своихъ и Онъ, въ концѣ концовъ, устроитъ все для нея, милой.

— Ты думаешь? Я боюсь—О, она ушла.

— Que voulez-vous dire, ma chère ***)?

Марія подняла голову.—Генріэтта ушла,—сказала она.

— Почему ты боишься Генріэтты, ma chère?

— Я никогда не любила ея,—шепнула лэди Марія.

---

*) Крошка.

**) Милосердый Богъ.

***) Что ты хочешь сказать, милая?

Пока она говорила, дѣвочки окружали ее, гладили ея хорошенькія ручки, осыпали ласками. Какъ уже было сказано, она принадлежала къ числу тѣхъ, которыхъ всѣ балуютъ.

— Но я никогда не видала Генріэтты такой милой, какъ сегодня,—сказала Маргарита Лэнгтонъ. Не знаю, почему ты боишься ее теперь. Я знаю, что ты очень любишь Китти, а Генріэтта говоритъ, что считаетъ ее невиноватой.

— Поэтому то я и боюсь ее. Вы слышали, какъ она говорила, что въ школѣ есть несчастныя, — очень несчастныя дѣвочки и она не назоветъ ихъ фамилій, да, не назоветъ ихъ фамилій?

Джэнни встала со своего мѣста, гдѣ она сидѣла нѣсколько въ отдаленіи отъ другихъ, и заговорила спокойнымъ, сдержаннымъ голоскомъ:—Когда вы говорите о несчастныхъ дѣвочкахъ, вы, можетъ быть, думаете о насъ?—сказала она.

— Почему это, Джэнни?—спросила Маргарита.

— Ну, потому что видите, какъ мы несчастны. На свѣтѣ, быть можетъ, есть кое-что такое же важное, или даже болѣе важное, чѣмъ невиновность, или виновность Китти. Мы тревожимся о нашемъ дорогомъ братѣ.

— О, я знаю все это,—сказала Томасина,—но вѣдь по послѣднимъ извѣстіямъ, вашему брату стало гораздо лучше.

— Не знаю, такъ ли это,—сказала Джэнни.—Мнѣ думается—и мы съ Матильдой чуть съ ума не сходили при этой мысли—мнѣ думается, что Мэри скрыла отъ насъ истину.

— Что ты хочешь сказать, дитя мое?

— Ты знаешь, она получила письмо отъ Поля; читая его, она страшно поблѣднѣла и видъ у нея былъ ужасный; мы съ Матильдой спросили ее, что въ письмѣ; она сказала, что Полю гораздо лучше, что онъ выздоравливаетъ; но ни за что на свѣтѣ не хотѣла показать

намъ письма. Мы съ Матильдой плачемъ объ этомъ по ночамъ. Мы думаемъ, что она обманула насъ; мы думаемъ, что она должна была показать намъ письмо, чтобы мы узнали правду.

— Конечно, вы должны знать правду,—сказала Томасина,—съ ея стороны отвратительно, что она не показала вамъ письма. Во всякомъ случаѣ, этимъ объясняется вашъ печальный видъ. Никто изъ насъ и не думаетъ, что у тебя въ головѣ могутъ быть дурныя мысли, бѣдная, маленькая Джэнни. Боюсь, что мы немного можемъ помочь тебѣ. Теперь намъ приходится обдумывать дѣло Китти.

— Конечно, Китти невиновата,—сказала Джэнни.— Когда завтра придется подавать голоса, я знаю, чью сторону взять.

— Но вѣдь ты должна дать голосъ по искреннему твоему убѣжденію. Иначе это будетъ страшная ложь,— сказала маленькая лэди Марія.

— Я знаю—я знаю.

Джэнни вышла изъ комнаты. Оставшіяся дѣвочки переглянулись.

— У меня мысль, маленькая мысль, которая очень волнуетъ меня,—внезапно сказала Анжелика.

— Что такое, Анжелика?

— Я раздѣляю мнѣніе лэди Маріи и вмѣстѣ съ тѣмъ согласна съ бѣдной маленькой Джэнни. Почему Мэри Куппъ не показала письма сестрамъ? Почему она говоритъ, что ея брату лучше, а между тѣмъ у нея такой печальный видъ? И что значитъ этотъ неожиданный поворотъ Генріэтты? Что значатъ ея слова о томъ, что въ школѣ есть дѣвочки,—именъ ихъ она не хочетъ называть—которыя знаютъ, что могло бы освободить Китти отъ обвиненія? Я не помню настоящихъ словъ. Можетъ кто-нибудь изъ васъ отгадать, кто эти дѣвочки?

Маргарита Лэнгтонъ со смѣхомъ встала со своего

мѣста.—Очень легко узнать на кого она намекаетъ. Она говоритъ про жалкую Мэри Довъ и про такую же жалкую Мэри Куппъ. Мэри Куппъ всегда была ея рабой. До послѣдняго времени я не знала этого про Мэри Довъ, но, кажется, что и она тоже раба Генріэтты.

— Никогда въ жизни не слыхали ничего болѣе страннаго!—въ три голоса, на разные тона, сказали нѣмки.

Между тѣмъ Елизавета громко стучала въ дверь комнаты Мэри Куппъ.

— Мэри, я знаю, что ты у себя. Мэри Довъ хочетъ поговорить съ тобой. Можно ей войти? Я безъ церемоніи открою дверь, если ты сейчасъ же не скажешь:— войдите. Мэри очень вѣжливая дѣвочка и не хочетъ войти въ твою комнату, разъ ты говоришь, чтобы она не входила. Но у нея важное дѣло и она должна видѣть тебя. Что ты намѣрена дѣлать?

Въ комнатѣ раздались шаги. Дверь открылась и на порогѣ показалась Мэри Куппъ. Лицо ея было сильно обезображено пролитыми слезами; глаза впали, щеки распухли.

— Входи, Мэри Довъ, сказала Елизавета,—и ради Бога, не оставайся слишкомъ долго! Намъ такъ много предстоитъ на завтра.

Мэри Довъ вошла и заперла за собой дверь.

XXI. „Я не смѣю сказать“.

Что тебѣ нужно?—спросила Мэри Куппъ.

— Я хочу поговорить съ тобой, Мэри.

— Я догадываюсь.

— Мнѣ нужно сказать тебѣ очень многое.

— Догадываюсь и объ этомъ.

— Мэри, сколько времени мы можемъ остаться наединѣ?

— Не знаю; не могу сказать. Джэнни или Матильда могутъ подняться каждую минуту.

— Теперь восемь часовъ,—сказала Мэри Довъ.—Не можемъ ли мы пойти куда-нибудь на воздухъ?

— Кажется, всѣ уголки тамъ заняты,—сказала Мэри Куппъ.—Я думаю, здѣсь мы въ большей безопасности. Я напишу записку и пришпилю ее къ двери. Я думаю, Джэнни и Матильда не войдутъ, пока я не позволю имъ.

Мэри Куппъ наскоро написала нѣсколько словъ на клочкѣ бумаги и прикрѣпила записку такъ, чтобы сестры могли увидать ее, когда подымутся, чтобы ложиться спать.

— Джэнни и Матильда приходятъ наверхъ только послѣ ужина, а ужинъ будетъ не раньше трехъ четвертей девятаго,—сказала Мэри Куппъ. — У насъ будетъ достаточно времени для всякихъ разговоровъ.

— Да,—сказала Мэри Довъ.—Она пристально взглянула на свою собесѣдницу. — Я вижу, что ты страшно несчастна,—прибавила она.

— Несчастна! Это неподходящее слово.

— Я думаю, что я такъ же несчастна, какъ ты,—сказала Мэри Довъ.—Если бы ты довѣрилась мнѣ! Если бы позволила мнѣ сказать правду!

— Не могу, Мэри. Я сама отдала бы все на свѣтѣ, чтобы сказать правду, но мнѣ не позволяютъ.

— Не позволяютъ! Не позволяютъ! Кто можетъ помѣшать тебѣ?

— Генріэтта.

— Глупости, Мэри! Я знаю, что она, напротивъ, будетъ въ восторгѣ. Ты не была въ залѣ сегодня вечеромъ. Мы всѣ были тамъ и Генріэтта говорила самыя удивительныя вещи. Она сказала, что вѣритъ въ невинность Китти О'Донованъ — она-то, ея самый большой врагъ, которая подстрекала насъ противъ нея. Теперь она вѣритъ въ невинность Китти.

— Я знаю,—сказала Мэри Куппъ, — отлично знаю;

но ради своихъ низкихъ плановъ она хочетъ, чтобы мы продолжали вѣрить въ виновность Китти.

— Я не могу повѣрить,—это слишкомъ ужасно.

— Должна повѣрить. Сядь рядомъ со мной, Мэри Довъ, я разскажу тебѣ мою исторію.

— У тебя ужасный видъ, Мэри Куппъ.

— Я увѣрена въ этомъ. Я очень дурная дѣвочка и Богъ наказываетъ меня. Я достойна этого. Я достойна всего. Богъ знаетъ, что для меня всего больнѣе. Онъ хочетъ отнять отъ меня моего дорогого брата, Мэри Довъ; я заслужила это, но какъ тяжело перенести!

— Бѣдная, бѣдная Мэри!—сказала Мэри Довъ. — Мнѣ жаль тебя.

— Не будешь жалѣть черезъ минуту, когда узнаешь правду. Я разскажу тебѣ все.

— Не разсказывай, если это слишкомъ ужасно, — сказала Мэри Довъ. — Ты знаешь, я также во власти Генріэтты. Она можетъ обвинить меня—въ *кражѣ*! Одинъ разъ, когда мнѣ очень нужны были деньги, я взяла соверенъ изъ письменнаго стола лэди Маріи. Это было такъ низко съ моей стороны. Мнѣ хотѣлось имѣть хорошенькое платье къ первому мая,— изъ-за такой глупости, какъ платье! Ты знаешь, мы очень бѣдны; мама не могла дать мнѣ больше денегъ, а платье стоило три фунта. Портниха дожидалась меня; приходилось рѣшать какъ можно скорѣе и я... я взяла деньги изъ письменнаго стола лэди Маріи. Генріэтта увидѣла это, налетѣла на меня. Конечно, я положила деньги обратно, но съ тѣхъ поръ я въ ея власти. Она постоянно грозитъ мнѣ, что меня исключатъ за воровство; въ случаѣ, если я чѣмъ-нибудь разсержу ее, она разскажетъ все. Если меня исключатъ, это будетъ несчастьемъ для моей матери; вѣдь отъ этого зависитъ мое будущее. Не могу выразить, какимъ ударомъ это было бы для моей матери. Я потеряла бы всякую возможность учиться дальше. Ужасная Генріэтта держитъ меня въ своихъ рукахъ. Поэтому

то я и была эти дни въ такомъ отчаянномъ состоянiи. Теперь же, когда сама Генрiэтта считаетъ Китти невиноватой, она... она не разсердится на меня за то, что я разскажу. И я думаю, что мы съ тобой, Мэри, должны разсказать, должны.

— Разсказать что?—спросила Мэри Куппъ.

Мэри Довъ взглянула на нее.

— Нужно ли тебѣ спрашивать?—сказала она.

Мэри Куппъ спрятала лицо на плечѣ товарки.

— Не нужно, не нужно! Конечно, ты догадываешься, конечно! Какъ хорошо я помню, что хвасталась тебѣ, не подозрѣвая, какое значенiе это будетъ имѣть для обѣихъ насъ.

— Я была увѣрена, что это сдѣлала ты, Мэри. А теперь ты, конечно, разскажешь все.

Какъ разъ въ эту минуту въ дверь комнаты раздался отрывистый, властный стукъ. Дѣвочки вздрогнули. Въ комнату, не дождавшись позволенiя, вошла Генрiэтта Вермонтъ.

— Я повсюду искала обѣихъ васъ,—сказала она.— Я считала весьма вѣроятнымъ, что вы окажетесь вдвоемъ. Вѣдь это такъ естественно, не правда ли? „Рыбакъ рыбака видитъ издалека“—хорошая, старинная пословица.— Она презрительно разсмѣялась.—Я хочу сказать кое-что вамъ обѣимъ,—прибавила она;—вы сохраните это, понятно, въ тайнѣ ради самихъ себя; ты, Мэри Довъ, потому что любишь свою мать, а ты, Мэри Куппъ, потому что горячо любишь,—или притворяешься, что любишь— своего брата. Поэтому вы сохраните въ тайнѣ то, что я скажу вамъ. Завтра, въ двѣнадцать часовъ утра, Китти О'Донованъ явится на судъ своихъ товарокъ. Я подамъ голосъ за нее. Вотъ и все. Не знаю, на которой сторонѣ окажется побѣда, но, судя по настроенiю въ школѣ, думаю, что будетъ громадное большинство въ пользу этой дѣвочки. Что касается васъ, то мои распоряженiя очень просты: вы, обязательно должны подать ваши голоса противъ Китти О'Донованъ. Спокойной ночи.

Она повернулась и вышла изъ комнаты. Пораженныя ужасомъ дѣвочки смотрѣли другъ на друга.

— Что это значитъ? Что она хочетъ сказать? — спросила Мэри Довъ.

— Отлично знаю,—проговорила Мэри Куппъ.—Для меня все вполнѣ ясно. Мэри Довъ, ты угадала истину. Я попала во власть этой жестокой дѣвушки.

И Мэри разсказала свою исторію.

— Мнѣ пришлось разсказать всю правду Генріэттѣ,— сказала Мэри, заканчивая свой печальный разсказъ. — Потому то она вдругъ и перемѣнилась. Она знаетъ, что Китти будетъ оправдана, хочетъ сама быть на выигравшей сторонѣ, а насъ погубить навсегда. Вотъ вся правда. Что же дѣлать намъ, Мэри Довъ?

— Это дѣйствительно ужасно,—сказала Мэри.—Никогда не слыхала ничего подобнаго. Я не знала, что ты такая дурная, Мэри. Дурна я, а ты еще хуже.

— Я знаю: я гораздо хуже.

— Но и теперь я не понимаю, почему ты не можешь сказать правды.

— Я не смѣю сказать! Видишь, я вполнѣ въ ея власти. Она говоритъ, что достанетъ адресъ Поля и напишетъ ему, разскажетъ, что я сдѣлала. А это почти навѣрно убьетъ его. Что мнѣ дѣлать?

— Но, Мэри, вѣдь Поль все равно узнаетъ. Если тотъ искусный господинъ въ Лондонѣ сложитъ его письмо, Полю придется сказать все.

— Да, но не такимъ образомъ, не такъ внезапно. Что дѣлать, что дѣлать! Какъ бы я хотѣла умереть!

— Я думаю! Я не знаю сама, какъ вынесу то, что должно быть завтра,—продолжала Мэри Довъ.

— Все это планъ противной Генріэтты. Она желаетъ, чтобы мы двѣ были единственными изо всѣхъ, которыя признаютъ виновность Китти. А затѣмъ получится письмо. О, Боже мой, Боже мой!

— На твоемъ мѣстѣ, сказала Мэри Довъ,—я рискнула бы и сказала правду.

— Ты сдѣлала бы это?

— Сдѣлала бы. Я готова разсказать все съ своей стороны, если ты скажешь. Я разсказала бы все миссисъ Шервудъ рано утромъ; право, разсказала бы. Я не боялась бы Генріэтты. Если меня лично исключатъ изъ школы, пусть исключаютъ; если Поль долженъ умереть, пусть умираетъ.

— Онъ не долженъ умереть! Я не могу вынести этого,—сказала Мэри Куппъ.

— Мэри, если ты раскаешься теперь, ты покажешь свое мужество. Еще не поздно, не поздно!

— Хорошо, подумаемъ,—сказала Мэри Куппъ.—Во всякомъ случаѣ у насъ есть время до завтрашняго утра. Потомъ, если у меня хватитъ мужества, я... я сдѣлаю это. Я разскажу все миссисъ Шервудъ и умолю ее предотвратить посылку Полю этой ужасной телеграммы. Конечно, мнѣ придется покинуть школу — это само собой разумѣется: но мнѣ все равно, только бы спасти Поля.

— Ты сдѣлаешь доброе дѣло, хотя и въ одиннадцатый часъ,—сказала Мэри. — Теперь я уйду; у меня болитъ голова и я не хочу ужинать. Бѣдная мама! Конечно, я знаю, что миссисъ Шервудъ не проститъ меня, несмотря ни на какія мольбы. Но не думаю, чтобы я вообще могла оставаться въ школѣ, пока у Генріэтты въ рукахъ также ужасное орудіе противъ меня.

— Спокойной ночи,—сказала Мэри Куппъ. — Мы встрѣтимся за завтракомъ; если я рѣшусь сказать миссисъ Шервудъ, я положу два куска сахара въ чай. Если положу одинъ,—значитъ, у меня не хватило смѣлости и ты должна поступить какъ хочешь, независимо отъ меня.

— Я думаю, что сдѣлаю, что надо; думаю, что должна поступить такъ. Я не смогу вынести этого. Это такъ

низко и, въ концѣ концовъ, все таки доведетъ насъ до бѣды,—сказала Мэри Довъ.

— Если бы только была возможность, сказала Мэри Куппъ и остановилась, пораженная пришедшей ей въ голову мыслью.

— Что такое?

— Ничего, ничего. Спокойной ночи. Я также не пойду внизъ.

XXII. Смѣлый планъ.



ѣдная маленькая Мэри Куппъ почти совсѣмъ не спала въ эту долгую ночь. У нея кружилась голова отъ множества мыслей. Она все думала о томъ, что предстояло ей. На счетъ себя она нисколько не задумывалась, но строила планы, какъ спасти Поля отъ худшаго, что могло случиться съ нимъ. Она знала, какъ сильна его любовь къ ней. Знала и его болѣзнь. Сильное потрясеніе можетъ вызвать новый приступъ, который можетъ быть смертельнымъ.

О Китти она не безпокоилась теперь такъ сильно. Въ школѣ произошелъ такой поворотъ въ ея пользу, что она, во всякомъ случаѣ, будетъ признана невиноватой. Голоса будутъ поданы за нее. Почему же тогда ей, Мэри, и не подать голоса противъ Китти? Это, конечно, ужасно, но спасетъ Поля. Мэри очень боялась Генріэтты. Она считала ее почти всесильной. Она знала, что если Генріэта рѣшилась сдѣлать ей зло, то не остановится ни передъ чѣмъ. Мэри отъ души ненавидѣла необходимость сказать послѣднюю, ужасную ложь. И, кромѣ того, она искренно любила дѣвочку, которой сознательно причиняла зло. Развѣ она могла забыть сцену въ лѣсу—свои

жалобныя, душераздирающія рыданія, вырывавшіяся изъ глубины сердца и нѣжность маленькой Китти, забыть, какъ та пришла къ ней, сѣла рядомъ съ ней, взяла ее за руку и говорила слова утѣшенія? О, какіе горячіе уголья собирала Китти на ея голову! А между тѣмъ вліяніе ласки и нѣжности дѣвочки-ирландки было такъ велико, что несчастная Мэри Куппъ уснула.

Мэри спала спокойно, потому что ей казалось, будто ангелъ Господень около нея; а на слѣдующее же утро она собиралась утверждать виновность этого ангела.

— Но зато я спасу Поля,—думала она.

Еще въ то время, когда Мэри Довъ была въ ея комнатѣ, ей внезапно пришло на умъ, что если бы ей удалось перехватить возстановленное письмо, она могла бы спастись отъ самаго худшаго. Сможетъ ли она устроить это? Есть ли какая-нибудь возможность? Она думала очень долго. Наконецъ напала на одинъ планъ. Планъ былъ очень смѣлъ, но Мэри чувствовала глубокое отчаяніе. Она знала, что въ Лондонъ отправлена другая телеграмма. Она знала также, что Нэнси Прайсъ, которую она вчера встрѣтила, дочь женщины, завѣдующей почтовымъ отдѣленіемъ, а почтальонъ мужъ больной тетки Нэнси Прайсъ.

Вотъ какая дикая мысль пришла въ голову Мэри Куппъ: нельзя ли ей пойти въ почтовое отдѣленіе и избавить Томаса Прайса отъ ходьбы въ Мертонъ-Гебльсъ? Мертонъ-Гебльсъ находился вдали отъ другихъ жилищъ и почтальону приходилось дѣлать добрую лишнюю милю, чтобы зайти туда. Конечно, въ школу доставлялось очень много писемъ. Если бы Мэри удалось освободить Томаса Прайса отъ этой прогулки и взять отъ него письма, она могла бы найти среди нихъ нужное ей письмо. Эта то смѣлая, необычайная мысль мелькнула въ ея смятенномъ умѣ. Она рѣшилась, если возможно, привести ее въ исполненіе.

Письма приходили обыкновенно въ школу около семи

часовъ утра. Тогда же и вынимали ихъ изъ почтоваго ящика. Днемъ Томасъ Прайсъ приходилъ еще разъ за новымъ запасомъ.

Около пяти часовъ утра Мэри тихонько встала съ постели и проскользнула внизъ. Ключъ отъ почтоваго ящика лежалъ въ уголкѣ позади. Дѣвочки не должны были знать, гдѣ онъ находится, но наблюдательная Мэри замѣтила мѣсто. Она открыла почтовый ящикъ и вынула два письма, лежавшія на днѣ. На этотъ разъ изъ Мертонъ-Гебльсъ шло очень мало писемъ.

Съ письмами въ рукѣ Мэри отправилась по дорогѣ въ село Мертонъ. Ей пришлось дойти почти до самаго села, чтобы попасть на перекрестокъ, откуда Томасъ Прайсъ начиналъ свой обходъ. Обыкновенно онъ раньше всего заходилъ въ Мертонъ-Гебльсъ. Было около половины седьмого, когда Мэри дошла до перекрестка и сѣла съ твердой рѣшимостью дождаться почтальона. Наконецъ онъ появился. Черезъ плечо у него была перекинута сумка. Онъ вздрогнулъ отъ удивленія, увидѣвъ Мэри. Она встала и подошла къ нему.

— Какъ здоровье вашей жены сегодня, Прайсъ?— спросила дѣвочка.

— Очень плохо, миссъ. Гораздо хуже, чѣмъ вчера. Меня страшно безпокоитъ, что приходится оставлять ее одну, но, что же дѣлать, надо вѣдь зарабатывать хлѣбъ. Вотъ письма въ Мертонъ-Гебльсъ; если я пойду быстро, то смогу сдѣлать все и вернуться домой къ девяти часамъ.

— А теперь она совсѣмъ одна, Прайсъ?

— Да; съ ней нѣтъ ни души. Боль у нея такая страшная, что она почти все время кричитъ.

— Какъ ужасно, Прайсъ! А много у васъ писемъ, которыя надо разнести сегодня утромъ?

— Нѣтъ; почта совсѣмъ ничтожная. У меня почти ничего нѣтъ, кромѣ писемъ въ Гебльсъ.

— Послушайте,—сказала Мэри,—не довѣрите ли вы

мнѣ писемъ, которыя надо доставить въ Гебльсъ? Я принесла два письма изъ почтоваго ящика; вы можете отправить ихъ; а я возьму ваши письма. Мнѣ хотѣлось погулять: утро такое чудесное, и мнѣ пришло въ голову, что если я встрѣчу васъ, то могу немного помочь вамъ, такъ какъ ваша жена такъ больна.

— Доброе у васъ сердце, миссъ. И въ Гебльсъ немного писемъ, такъ съ полдюжины, и двѣ газеты для миссисъ Шервудъ. Вотъ и все. Если вы возьмете ихъ, то очень поможете мнѣ. Я могу на часъ ранѣе вернуться къ моей бѣдной Нэнси.

— Вы никому не скажете объ этомъ, Томасъ?

— Нѣтъ, миссъ. Мнѣ вовсе не охота попадать въ бѣду. Вотъ письма, миссъ.

Онъ вложилъ въ руки Мэри двѣ газеты и небольшую пачку писемъ.

XXIII. Признаніе.



эри вся задрожала, когда письма попались ей въ руки. Почтальонъ Томъ Прайсъ, весело насвистывая при мысли, что вернется къ своей больной женѣ гораздо раньше, чѣмъ ожидалъ, вскорѣ исчезъ изъ виду. Онъ скоро надѣялся покончить съ дѣломъ и былъ очень обязанъ „маленькой миссъ“, считая ее очень доброй. Мэри продолжала дрожать; она чувствовала, что у нея пропадаетъ власть надъ нервами. Въ изгороди было небольшое отверстіе, черезъ которое она вылѣзла на другую сторону. Трава была покрыта сильной росой, но тутъ былъ камень, на который она сѣла. Такимъ образомъ съ дороги ее никто не могъ видѣть. До сихъ поръ она не рѣшалась взглянуть на письма, но теперь разложила



— „Теперь—говори, что писать, мэри Куппъ“...

ихъ передъ собой. Тутъ были двѣ газеты, адресованныя на имя миссисъ Шервудъ. Обѣ были совершенно неинтересны для бѣдной Мэри. Зато письма она разглядывала съ особымъ интересомъ. Почтальонъ сказалъ, что ихъ только шесть. Одно изъ писемъ было адресовано миссисъ Шервудъ, другое миссъ Генріэттѣ Вермонтъ. Было еще письмо,—Анжеликѣ л'Эстранжъ, написанное длиннымъ, острымъ, французскимъ почеркомъ,—одно для миссъ Хонебенъ и два для миссъ Хизъ. Клотильдѣ ничего.

Напрасно Мэри переворачивала маленькую пачку писемъ. Почтальонъ сказалъ, что ихъ шесть. Нѣтъ, онъ ошибся. У Мэри сердце забилось въ груди: еще письмо, седьмое! Оно лежало на землѣ у ея ногъ. Неужели это то, котораго она искала, которое могло спасти ее? Она нагнулась, чтобы поднять его. Письмо было тонкое и лежало на землѣ внизъ адресомъ. Мэри почувствовала, что у нея замерло сердце; какой то новый, безымянный ужасъ овладѣлъ ею. Это письмо не можетъ быть тѣмъ желаннымъ заграничнымъ письмомъ, возстановленнымъ такъ, чтобы его можно было прочесть. Нѣтъ. Но письмо все же было заграничное и адресованное ей, Мэри.

Адресъ былъ написанъ рукой ея матери; письмо отправлено изъ Веггиса на Люцернскомъ озерѣ. Въ углу конверта былъ рисунокъ отеля: „Hotel Beau séjour", Веггисъ, Люцернское озеро, Швейцарія".

Мэри вздрогнула съ головы до ногъ; она не могла себѣ представить, почему ей опять пишутъ. Дрожащей рукой она вскрыла конвертъ и стала читать письмо. Все какъ будто уплывало передъ ея глазами. Она протянула руку, чтобы отогнать черныя пятнышки, которыя, казалось ей, плывутъ передъ ея глазами. Они не исчезали; ихъ становилось все больше и больше. О чемъ говорилось въ письмѣ? Мэри не могла сообразить. Тутъ было имя— Поль. Какими большими буквами написано это имя, а какое оно маленькое! И какъ часто оно повторяется: Поль, все Поль. Зачѣмъ черныя пятнышки встаютъ

между ней и этимъ самымъ дорогимъ для нея именемъ? Ей становилось все хуже и хуже; что то неладное творилось съ ней; она чувствовала себя плохо; голова у нея кружилась. Гдѣ она? На жесткомъ камнѣ?—въ постели?—въ залѣ, гдѣ будутъ судить Китти?—она стоитъ и говоритъ ту ужасную ложь. *Гдѣ она? Что съ ней?* Снова она подняла дрожащую руку и сдѣлала отчаянное усиліе, чтобы дотронуться до лица, но никакъ не могла направить руки, куда хотѣла. Она почувствовала, что падаетъ, падаетъ. Потомъ наступило блаженное забвеніе.

Когда Мэри пришла въ себя, она не сразу могла сообразить, что случилось. Потомъ она встала и оглянулась вокругъ себя. Она чувствовала себя лучше; сердце не билось такъ безумно. Она опустила пальцы въ покрытую росой траву и потомъ приложила ихъ ко лбу. Ей стало легче. Сильнымъ усиліемъ воли она овладѣла собой, взяла письмо и прочла его.

„Дорогое дитя мое, пишу тебѣ въ большомъ волненіи. Не пугайся, дорогая. Я не говорю, что нѣтъ надежды, но нашъ Поль, наше сокровище, очень, очень боленъ.

Онъ требуетъ тебя... тебя, Мэри; пріѣзжай сейчасъ же. Я посылаю тебѣ деньги. Миссисъ Шервудъ отправитъ тебя. У насъ лучшій докторъ, но у Поля опять шла горломъ кровь и докторъ считаетъ его болѣзнь серьезной. Пріѣзжай немедленно. Онъ очень безпокоится, не имѣя извѣстій отъ тебя; ему кажется, что у тебя какое то большое горе. Докторъ говоритъ, что необходимо успокоить его. Ты одна можешь сдѣлать это, потому что одна можешь убѣдить его, что съ тобой нѣтъ ничего дурного. Поразительно, Мэри, что онъ потерялъ всю свою силу и единственно потому, что забралъ себѣ въ голову, что дѣвочка, которую онъ такъ искренно и сильно любитъ, сдѣлала, какъ ему кажется, что-то дурное. Я сказала ему, что выпишу тебя; онъ успокоился и умолялъ меня поторопить тебя. Онъ такъ хочетъ видѣть

тебя. Я знаю, что онъ очень слабъ. Пріѣзжай какъ можно скорѣе, Мэри, милая. Твоя несчастная

мать".

P. S. Надѣйся на лучшее, мое бѣдное дитя. Докторъ говоритъ, что, хотя Поль боленъ очень опасно, но если онъ будетъ спокоенъ душой, надежда еще есть.

— Теперь я знаю самое худшее, — думала Мэри, сидя на камнѣ спиной къ дорогѣ и лицомъ къ спускавшимся лугамъ. Она смотрѣла на чудесный видъ, разстилавшійся передъ ней, — на поляну, на рѣку, на деревья въ ихъ первомъ лѣтнемъ уборѣ, и ей казалось, что всѣ мелочи жизни исчезали передъ ней; ничто не имѣло значенія, даже судъ надъ Китти, въ сравненіи съ ужаснымъ фактомъ, что Поль умираетъ, потому что боится ее, считаетъ способной на дурное.

— Онъ узнаетъ истину,—думала дѣвочка.—Теперь мнѣ все равно... все.

Она собрала остальныя письма; сунула ихъ въ карманъ и полетѣла къ дому. Было еще совсѣмъ рано, когда она вернулась. Одна изъ служанокъ убирала прихожую, стирала пыль. Она съ изумленіемъ взглянула на дѣвочку, когда та положила письмо на столъ.

— Вы встрѣтили Тома, миссъ?—спросила она.

— Да, я встрѣтила его,—сказала Мэри,—я сама ходила за письмами.

— Вы ходили за письмами, миссъ?

— Да. Не задерживайте меня. Я взяла письма изъ почтоваго ящика. Жена Тома больна и онъ обрадовался, что можетъ не идти сюда. Вотъ письма. Мнѣ нужно немедленно видѣть миссисъ Шервудъ.

— Она еще не спускалась, миссъ.

— Я должна видѣть ее немедленно,—сказала Мэри.

— Не сходить ли за миссъ Хонебенъ, миссъ? Я не рѣшаюсь безпокоить начальницу.

— Хорошо; пришлите ко мнѣ миссъ Хонебенъ.

— Что за странный видъ у барышни!—подумала дѣвушка; однако, пошла наверхъ и постучалась въ комнату миссъ Хонебенъ. Миссъ Хонебенъ открыла дверь.

— Что случилось, Алиса?—спросила она.

— Извините, миссъ; я отъ миссъ Мэри Куппъ. Она пришла съ почты и принесла письма и она... она говоритъ, что ей нужно видѣть миссисъ Шервудъ; а когда я сказала, что это невозможно, она попросила вызвать васъ. Она, повидимому, въ большомъ волненіи. Вы пойдете къ ней?

— Гдѣ она теперь, Алиса?

— Она сидитъ въ прихожей, миссъ. У нея очень разстроенный видъ; словно она плакала и какъ будто не понимаетъ, что дѣлаетъ, миссъ.

— Можетъ быть, что-нибудь обезпокоило ее. Отчего она встала такъ рано?

— Она сказала, что ходила за письмами, миссъ. Я никогда не видала ни у какой дѣвочки такого страннаго вида. Вамъ очень трудно пойти къ ней, миссъ?

— Пойду сейчасъ. А вы приготовьте чай и принесите ей въ прихожую.

Миссъ Хонебенъ, сильно удивленная, спустилась съ лѣстницы. Какъ только Мэри увидала ее, она подошла къ ней.

— Пожалуйста, не разспрашивайте меня, — сказала она.—Я должна ѣхать въ Швейцарію. Я должна попасть на первый поѣздъ, отходящій на континентъ. Я должна ѣхать въ Лондонъ. Мама прислала за мной; она прислала деньги. Поль боленъ, очень боленъ. Я должна ѣхать сейчасъ же. Не задерживайте меня.

Отчаяніе звучало въ голосѣ дѣвочки. Она останавливалась черезъ каждыя двѣ фразы и страшно задыхалась.

— Конечно, милая Мэри, ты поѣдешь. Садись и объясни все хорошенько.

— Да, я разскажу вамъ все; но мнѣ нельзя пропустить слѣдующаго поѣзда.

— И не пропустишь. Который теперь часъ? Погоди поѣздъ на континентъ уходитъ съ вокзала Викторія въ одиннадцать часовъ; если намъ удастся уѣхать отсюда съ девятичасовымъ, то времени у насъ болѣе, чѣмъ достаточно. Теперь еще нѣтъ семи, такъ что ты успѣешь разсказать мнѣ свою исторію. А вотъ идетъ Алиса съ чаемъ. Прежде чѣмъ сказать хоть одно слово, ты должна выпить чаю, Мэри.

Мэри сдѣлала нѣсколько глотковъ.

— Не могу, не могу больше,—сказала она.—Мнѣ кажется, что, прочитавъ письмо, я потеряла сознаніе и ушибла голову. Она очень болитъ. Можетъ быть, я ушиблась о камень. Я знаю, что упала навзничь и мнѣ очень, очень нехорошо.

— Попробуй выпить еще нѣсколько глотковъ, милая, тебѣ станетъ лучше. Тебя сразило сильное потрясеніе.

— Да—ужасное, ужасное.

— Мэри, это то письмо?

— Да, миссъ Хонебенъ.

— Могу я прочесть его, Мэри?

— Да, миссъ Хонебенъ.

Миссъ Хонебенъ взглянула раза два на дѣвочку и увидѣла, что та находится въ такомъ подавленномъ состояніи, что ей рѣшительно все равно, кто ни прочитаетъ ея письмо. Поэтому она раскрыла и прочла его. Она была рада, что сдѣлала это. Теперь она понимала отчаяніе и горе бѣдной Мэри.

— Иди въ свою комнату и укладывайся, милая, — сказала она, — а я пойду переговорить съ миссисъ Шервудъ.

— Благодарю васъ.

— Помни, что если ты хочешь быть полезной своему брату, то должна собрать всѣ свои силы; нельзя пріѣхать больной къ матери, у которой есть уже одинъ

больной на рукахъ. Старайся быть спокойнѣе ради нея и Поля и все будетъ хорошо.

— Благодарю васъ. Такъ вы пойдете къ миссисъ Шервудъ?

— Да, милая, и устрою все.

— Вы прочли письмо?

— Да, милая; вотъ оно.

— Благодарю васъ.

Мэри взяла письмо и пошла наверхъ.

Сестры вскрикнули, увидѣвъ ее. Она почти съ яростью обернулась къ нимъ.

— Матти, Джэнни, вставайте. Я ѣду въ Швейцарію, къ Полю. Ему хуже и онъ требуетъ меня. Помогите мнѣ уложиться. Я должна выйти изъ дома такъ, чтобы попасть на девятичасовой поѣздъ. Не браните меня; помогите мнѣ уложиться.

— Конечно, мы поможемъ, — сказала маленькая Джэнни.—Но когда,—какъ ты получила это письмо?

— Я пошла за письмами сегодня утромъ.

— Пошла за письмами!—вскрикнула Матильда.

— Да, не все ли равно. Это было худо, но не все ли равно. Помогите мнѣ уложиться.

Дѣвочки видѣли, что Мэри совершенно подавлена; онѣ поспѣшно встали и положили самое необходимое въ маленькій саквояжъ Мэри. Въ это время миссъ Хонебенъ разговаривала съ миссисъ Шервудъ.

— Мнѣ такъ жаль волновать васъ, дорогая, — сказала она своей любимой начальницѣ,—но въ положеніи бѣдной дѣвочки наступилъ ужасный кризисъ. Я думаю, сегодня у насъ объяснится многое изъ того, что волновало насъ, но бѣдная, маленькая Мэри Куппъ не будетъ присутствовать при этомъ. Она получила чрезвычайно трогательное письмо отъ матери. Полю хуже и онъ день и ночь требуетъ Мэри. Докторъ говоритъ, что единственный шансъ спасенія для него зависитъ отъ немедленнаго пріѣзда Мэри. Ее нельзя отпустить одну. Я

пришла просить у васъ позволенія проводить, ее миссисъ Шервудъ.

— Какъ поразительно, какъ невѣроятно странно! Не могу сообразить. Я думала, что Полю стало гораздо лучше.

— Да, ему и было лучше; но тутъ есть какая то тайна, угнетающая бѣднаго мальчика. Во всякомъ случаѣ, единственное, что мы можемъ сдѣлать—это поскорѣе отправить бѣдную Мэри. Миссисъ Куппъ прислала деньги, или, по крайней мѣрѣ, чекъ. Можете вы дать Мэри денегъ на дорогу? Ее нельзя отправить одну; поэтому, дорогая миссисъ Шервудъ, позвольте мнѣ ѣхать съ ней. Бѣдная дѣвочка, по прочтеніи письма, очевидно, впала въ сильный обморокъ.

— Но когда же пришло это письмо? Вчера вечеромъ? Отчего же мнѣ сразу не сказали о немъ?

— Оно получено съ утренней почтой, — отвѣтила миссъ Хонебенъ.

— Съ утренней почтой! Но еще только семь часовъ; а Томъ приходитъ всегда позже семи.

— Это можно объяснить,—сказала миссъ Хонебенъ.— Мэри, не знаю почему,—она вообще говорила очень безсвязно—пошла сегодня утромъ навстрѣчу почтальону.

— Она пошла навстрѣчу почтальону?

— Да. Она встрѣтила Тома Прайса и взяла у него письма. Онъ, бѣднякъ, обрадовался этому, потому что у него больна жена. Среди писемъ Мэри нашла одно, адресованное ей; она открыла его, и бѣдняжка упала въ обморокъ у самой дороги. Падая, она ушибла голову и теперь какая то странная. Я не сомнѣваюсь, что она должна ѣхать.

— У васъ нѣтъ ея письма?

— Нѣтъ; но я увѣрена, что она покажетъ вамъ.

— Мнѣ хотѣлось бы видѣть письмо,—сказала миссисъ Шервудъ.

— Я пойду къ Мэри. Я увѣрена, что она дастъ.

Миссъ Хонебенъ сейчасъ же пошла въ комнату сестеръ Куппъ и спросила у Мэри письмо. Мэри кивнула головой въ ту сторону, куда положила его. Сестры не читали письма.

— Я хочу показать его миссисъ Шервудъ,—сказала миссъ Хонебенъ.

— Да, благодарю; такъ будетъ лучше, — отвѣтила Мэри.—Въ ней не было замѣтно ни смущенія, ни горя; все то же выраженіе ошеломленія оставалось на ея лицѣ. Получивъ письмо, миссисъ Шервудъ сѣла и дважды медленно прочитала его. Потомъ она подняла глаза и пристально взглянула на миссъ Хонебенъ.

— Вѣдь сегодня долженъ быть судъ надъ бѣдной маленькой Китти О'Донованъ, не правда ли? — спросила она.

— Да.

— Какъ вы думаете, можетъ Мэри Куппъ прольет свѣтъ на это дѣло?

— Можетъ.

— Которой теперь часъ, дорогая?

— Двадцать минутъ восьмого.

— Подите, милая Люси, скажите Мэри, чтобы она укладывалась поскорѣе, а потомъ приведите ее сюда.

Миссъ Хонебенъ исполнила порученіе. За нѣсколько минутъ до восьми, Мэри, одѣтая по дорожному, вошла въ комнату миссисъ Шервудъ. Миссисъ Шервудъ взяла ее за руку и подвела къ софѣ.

— Мнѣ грустно было узнать о твоемъ горѣ.

— Благодарю васъ.

— Я устроила, чтобы миссъ Хонебенъ поѣхала съ тобой.

— Благодарю васъ; но это ненужно. Я могу ѣхать одна.

— Не можешь; ты недостаточно здорова. Поѣзжай къ брату и надѣйся, что все будетъ хорошо. Но не слѣдуетъ ѣхать къ нему съ грѣхомъ на душѣ.

Елизавета.—Сколько изъ васъ подаютъ голосъ за невиновность Китти? Сколько чувствуютъ въ глубинѣ души, что должны признать ее невиноватой, несмотря на то, что тайна остается нераскрытой?

Среди дѣвочекъ произошло волненіе. Тишина нарушилась. Поднялось множество рукъ. Елизавета смотрѣла широко раскрытыми глазами. Китти смотрѣла также пораженная; румянецъ на щекахъ становился ярче. Цѣлый лѣсъ молодыхъ рукъ; развѣвающіеся рукава; дрожащіе пальчики, улыбки на розовыхъ устахъ; блестящіе востоpгомъ глаза.

— Спустите всѣ, пожалуйста, руки, — сказала Елизавета.—Подымите руки только тѣ, кто считаетъ Китти О'Донованъ виноватой.

Генріэтта не смѣла поднять глазъ, но Мэри Довъ стояла рядомъ съ нею. Она незамѣтно толкнула ногой дѣвочку; но безуспѣшно. Рука Мэри Довъ оставалась опущенной.

— Какъ? — сказала Елизавета. — Никто въ школѣ не считаетъ Китти О'Донованъ виноватой?

— Никто,—сказала Клотильда Фокстиль.—Всѣ мы единогласно признаемъ Китти О'Донованъ вполнѣ и безусловно невиноватой. Она—наша дорогая, любимая королева мая. А теперь, дѣвочки, когда вы безъ словъ высказали все, что вы дѣйствительно думаете о нашей Китти, я приведу вамъ и доказательства ея невинности. Доказательства, которыя, если бы вы признали ее виноватой, довели бы васъ до могилы.

Когда Клотильда замолчала, дверь въ Праздничный залъ отворилась. Вошелъ сѣдой, краснолицый человѣкъ.

— Ну, папа,—сказала Клотильда,—догадываюсь, что все у тебя хорошо; привезъ съ собой Самюэля Джона Макъ-Карти?

— Привезъ, Клотильда Фокстиль, и его, и твою маму.

— Приведи маму прямо сюда, чтобы она могла видѣть нашу радость,—сказала Клотильда.

Фокстиль немедленно ушелъ и вернулся съ человѣкомъ немного потолще и покраснѣе его и съ миссисъ Фокстиль, которая улыбалась во весь ротъ. Она обняла Клотильду и звонко поцѣловала ее.

— Она славная — моя дѣвочка, — сказала миссисъ Фокстиль. — Она славно устроила это дѣло; но не будь Самюэля Джона Макъ-Карти, всѣ ея усилія могли оказаться безуспѣшными.

— Пришлось употребить цѣлыхъ полтора сутокъ, чтобы составить это письмо,—сказалъ Самюэль Джонъ Макъ-Карти. — Но теперь оно готово; жаль, что оно впутываетъ въ дѣло другую дѣвочку — и очень сильно, но вотъ оно.

Елизавета Решлей взяла письмо и прочла его про себя. Потомъ передала другимъ дѣвочкамъ.

— Каждая изъ васъ должна прочесть это письмо,— сказала она, — а мистеръ и миссисъ Фокстиль могутъ пока погулять въ саду съ Клотильдой.

Какое смятеніе, какое волненіе произошло среди дѣвочекъ! Повсюду наклонялись любопытныя лица. Сколько головокъ съ золотистыми, черными, каштановыми волосами сталкивались между собою, склоняясь надъ тщательно возстановленнымъ письмомъ. Увы, увы! вся низкая интрига обнаруживалась.

Когда письмо было прочтено всѣми и нѣкоторыя выраженія врѣзались въ мозгу дѣвочекъ словно огненными буквами, Джэнни Куппъ сказала: — Я не подумала объ этомъ раньше. Мэри вѣдь всегда, всегда дѣлала это.

— Но вѣдь она перестала заниматься этимъ, когда папа ей запретилъ,—сказала Матильда.—И папа, и Поль, оба говорили ей, чтобы она не дѣлала этого.

— Конечно, потому то намъ и не пришло въ голову,—сказала бѣдная Джэнни.

Въ эту минуту въ классъ вошли Фокстиль съ женой и дочерью.

— Я хочу сказать нѣсколько словъ,—замѣтилъ Фокстиль,—и сейчасъ же. Это очень грустное дѣло; но королева мая все же осталась королевой мая, да благословитъ ее Господь! Бѣдную же дѣвочку, совершившую такой проступокъ, навѣрно подбивалъ кто-нибудь. Я хотѣлъ бы досконально узнать все. Мнѣ не вѣрится, чтобы она одна была виновата.

— Это правда. Теперь и я скажу кое-что,—крикнула Мэри Довъ.

Напрасно Генріэтта толкала ее ногой. Мэри Довъ не боялась больше. Она была смѣла, какъ двадцать львовъ. Она обернулась къ Генріэттѣ и сказала:

— Не толкай меня, Генріэтта; это безполезно. Я разскажу вамъ все,—продолжала Мэри, обращаясь къ товаркамъ.—Мы съ Мери Куппъ были запуганы; мы были во власти Генріэтты. Мэри Куппъ поступила очень дурно, я также, а заставила насъ Генріэтта. Да, она—ты не можешь отрицать этого, Генріэтта. Генріэтта—ты причина всего того дурного что мы сдѣлали. Я могу разсказать всю исторію Мэри съ начала до конца. Она слишкомъ больна, чтобы разсказывать самой, поэтому я скажу за нее.

— Хорошо, моя дѣвочка; говори,—сказалъ Фокстиль.—Миссъ... Миссъ Генріэтта, пожалуйста, не уходите изъ комнаты.

— Да, Генріэтта, тебѣ нельзя уходить, — сказала Елизавета.

Мэри разсказала все, ничего не пропуская.

— А теперь, — сказала она,—мнѣ приходится еще разсказать про себя и про власть, которую имѣла надо мною Генріэтта. Я очень дурная, но, думаю, не такая дурная, какъ она.

Она разсказала свою собственную исторію. Когда дѣвочка окончила свой разсказъ, Фокстиль посмотрѣлъ на Генріэтту такимъ взглядомъ, отъ котораго молодой дѣ-

вушкѣ захотѣлось провалиться сквозь землю. Но земля не очень предупредительна въ подобныхъ случаяхъ и Генріэттѣ пришлось остаться на мѣстѣ.

— Самое худшее случилось вчера вечеромъ,—продолжала Мэри Довъ. Она узнала, что собираются склеить разорванное письмо. Мэри Куппъ сказала ей всю правду; тогда Генріэтта измѣнила свое намѣреніе и сказала, что подаетъ голосъ за невиновность Китти; но мы — Мэри Куппъ и я—должны быть противъ. Она требовала, чтобы мы дали обѣщаніе. Вчера вечеромъ она пришла въ комнату Мэри Куппъ и сказала, что если мы не сдѣлаемъ этого, она... она пошлетъ телеграмму Полю Куппъ о томъ, что сдѣлала его сестра и устроитъ такъ, что меня исключатъ изъ школы. Вотъ весь мой разсказъ о ней. Я дурная; Мэри Куппъ—дурная; но, я думаю, что Генріэтта худшая изо всѣхъ насъ.

— Имѣете вы что-нибудь сказать за себя? — спросилъ Фокстиль.

Генріэтта съ трудомъ овладѣла своимъ голосомъ.

— У меня есть многое, что сказать,—отвѣтила она.— Но я не понимаю, сэръ, почему вы являетесь моимъ судьей. Я иду говорить съ миссисъ Шервудъ.

— Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше,—замѣтила Елизавета.

— Я пойду съ вами, моя милая,—сказала миссъ Хонебенъ,—для того, чтобы быть вполнѣ увѣренной, разскажете ли вы миссисъ Шервудъ то, что разсказала намъ Мэри Довъ.

Дверь закрылась за ними.

— Ну теперь она ушла; забудемъ о ней.—сказалъ Фокстиль. — Я полагаю, что хорошо бы отпраздновать этотъ день. Тяжелое время прошло. Маленькая Мэри Куппъ, навѣрно, поправится; не бойтесь, дѣвочки. Какое облегченіе почувствуетъ она, сваливъ тяжесть съ души! Она какъ бы спасется изъ огня. А Поль, если и не увидитъ своей сестры—то, скажу вамъ, кого онъ увидитъ: смѣлую, хотя и дурно поступавшую Мэри Довъ.

Сегодня же вечеромъ я возьму ее въ Швейцарію и она разскажетъ все Полю. Что ты скажешь на это, Мэри Довъ?

— О, сэръ! О, сэръ! — рыдая, проговорила Мэри Довъ.

— Ты поступила ужасно, — сказалъ Фокстиль, — ужасно; твоя товарка также. Для васъ обѣихъ нѣтъ извиненія; но, когда ты встала и созналась, ты поступила такъ великодушно, какъ только можетъ поступить маленькая дѣвочка; и, какъ я вѣрю во всемогущаго Бога, такъ вѣрю, что Онъ проститъ тебя. Прежде чѣмъ ты уѣдешь со мной сегодня вечеромъ, зайди наверхъ и шепни Мэри Куппъ о томъ, что ты сдѣлала; скажи ей, что мы съ тобой уладимъ дѣло съ мастеромъ Полемъ. Ну, а теперь я предлагаю устроить праздникъ въ школѣ. И да здравствуетъ королева мая. Ура! И да будетъ Китти О'Донованъ лучшей изъ королевъ, когда либо царствовавшихъ въ Мертонъ Геблъсѣ.

Остается сказать только нѣсколько словъ, чтобы закончить разсказъ. Миссисъ Шервудъ нашла необходимымъ удалить Генріэтту Вермонтъ. Та уѣхала тихо, не простившись ни съ кѣмъ изъ своихъ товарокъ.

Мэри Куппъ была опасно больна впродолженіе нѣсколькихъ дней, но потомъ ей стало лучше. Никто не умѣлъ лучше успокаивать ее во время самого худого періода болѣзни, чѣмъ Китти О'Донованъ. Прикосновеніе руки Китти напоминало бархатъ, ея слова—музыку, а лицо—ангела. Мэри не могла не поправиться при такихъ условіяхъ. Потомъ, когда жизнь и разсудокъ начали возвращаться къ ней, Китти сообщила ей чудесную вѣсть: Полю стало гораздо, гораздо лучше, а Мери Довъ остается съ нимъ, потому что онъ не отпускаетъ ее отъ себя. Поэтому Мэри Довъ не вернется въ школу на это время, а такъ какъ Мери Куппъ необходима перемѣна воздуха, то и она поѣдетъ въ Швейцарію къ матери и брату.

Такимъ образомъ все кончилось хорошо и многія изъ дѣвочекъ получили урокъ, котораго не забывали всю свою жизнь. Въ лѣтописяхъ школы въ Мертонъ-Гебльсѣ говорится, что никогда, никогда тамъ не бывало такой прелестной, очаровательной королевы мая, какъ Китти О'Донованъ.

КОНЕЦЪ.

СОЧИНЕНІЯ АНГЛІЙСКОЙ ПИСАТЕЛЬНИЦЫ

Ф. Г. БЕРНЕТЪ.

Приключенія маленькаго лорда. Сочин. Ф. Бернетъ. Пер. Е. М. Чистяковой-Вэръ, съ 25 рисунками; въ папкѣ, ц. 1 р. Содержаніе. Неожиданность.—Друзья Цедрика.—Отъѣздъ.—Въ Англіи.—Въ замкѣ.—Графъ и его внукъ.—Въ церкви.—Урокъ верховой ѣзды.—Бѣдные домики.—Тревога въ Америкѣ.—Соперники.—Дикъ является на выручку.—Уличенъ.—Восьмой день его рожденія.

Таинственный садъ. Повѣсть Ф. Бернетъ. Перев. съ англійскаго Рѣпиной. Это новое сочиненіе даровитаго англійскаго писателя прочтется русской публикой—какъ и другіе. Съ 38 рис. 304 стр.; въ папкѣ, ц. 1 р. 25 к.

Свѣтъ во тьмѣ. Повѣсть. Соч. Ф. Бернетъ. Перев. Е. М. Чистяковой-Вэръ. Съ 38 рис., 277 стран., въ папкѣ ц 1 р. 25 к.

„Свѣтъ во тьмѣ", повѣсть для юношества Ф. Г. Бернетъ. Мы назвали эту книгу повѣстью для юношества, однако, по отзывамъ англійской критики Pall-Mall gazette, Times и др. ее съ одинаковымъ интересомъ прочтутъ и дѣти, и юноши, и старые люди. Характеръ героини этого произведенія Бернетъ волнуетъ читателя своимъ простымъ благородствомъ. Трогательны и занимательны эпизоды, касающіеся молоденькой дочери пастора и ея дружбы съ маленькимъ оборванцемъ, съ его собакой и со старымъ озлобленнымъ углекопомъ. Интересно обрисована жизнь шахтеровъ и всего захолустнаго „угольнаго" городка. Каждая страница этой книги дышетъ правдивостью; бодрость, любовь къ жизни, къ труду и къ людямъ будетъ она по душѣ.

Маленькіе пилигримы. Повѣсть Соч. Ф. Бернетъ. Перев. съ англійск. Е. М. Чистяковой-Вэръ. Съ 32 рисунками, 236 стран., въ папкѣ, ц. 1 р. 25 к.

„Маленькіе пилигрилы" Ф. Г. Бернетъ— прелестный дѣтскій романъ, полный трогательныхъ и забавныхъ событій, которыя встрѣчаются на пути маленькихъ путниковъ.

„Маленькая принцесса". Сочин. миссисъ Ф. Г. Бернетъ, съ 28 иллюстраціями Гарольда Циффарда. Перев. Е. М. Чистяковой-Вэръ. 277 стр. Ц. 1 р. 25 к. „Это, по исти[illegible] прекрасный разсказъ, написанный съ большимъ юморомъ и чувств[illegible] взрослые, и дѣти, съ удовольствіемъ, прочтутъ „Маленькую Принце[illegible]нимъ изъ самыхъ восхитительныхъ собесѣдниковъ, которыхъ далъ намъ книжный рынокъ этого года". „Ежедневный телеграфъ" („Daliy Telegraph"). „Эта повѣсть вполнѣ достойна стать рядомъ съ „Маленькимъ Лордомъ". Въ ней такъ разсказывается о дѣтскомъ мірѣ, что дѣти всѣхъ круговъ общества найдутъ свое мѣсто въ ней и свою роль, глядя на жизнь черезъ волшебное стекло простой человѣческой доброты и ни чѣмъ не отуманеннаго идеализма „Маленькая принцесса" принадлежитъ къ числу самыхъ прекрасныхъ книгъ, вышедшихъ въ этомъ год[illegible]" „Школьная Хроника" (School Chronlcie).

Чудная дѣвочка. (Другъ бѣдныхъ). Соч. Ф. Бернетъ Съ [illegible] ц. 15 к.

ОГЛАВЛЕНІЕ.